

смена

август 8-05

158 Нанотехнология — это возможно!

119 Убить любовью?

42 Хэлли энд по-русски

32 Таланты и поклонники

Ян ван Эйк

стр. 12–31

**Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал**

Основан
в январе
1924 года.

Сдано в набор 15.06.2005.
Подписано к печати 20.07.2005.

Печать офсетная
Заказ № 11834
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:
Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
212-15-07 — для справок.
Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@sмена-id.ru
www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,
sales@sмена-id.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег.№ 014832.

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветodelение
ЗАО "НИИ НИТ".
Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2005.

главный редактор

Михаил Кизилов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башинев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Ким Александр

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Сипанова Марина

Фоминова Светлана

Чайшвили Владимир

наследие веков

Игорь Опарин

4 Мон-Сен-Мишель

Денис Логинов

12 Ян ван Эйк

издалека

Любовь Русева

32 Проповедник братства и добра

▼ стр. 148

стр. 124

стр. 166 ►

стр. 12 ►

детектив

Светлана Бестужева

42 Одинокая волчица

зарубежный рассказ

Лоренс Трет

110 Отдайте дьяволу должное

криминал

Екатерина Макарова

119 О странностях родительской любви

звезды мирового экрана

Владимир Нислов

124 Непредсказуемая проказница

ПОЭЗИЯ

Александр Нотенев

109 Стихи

стр. 158

▼ стр. 138

молодой бульвар

Полина Теслер

138 Наш общий дом

Екатерина Пиманова

144 Мы с тобой одной крови?

Анна Пустынова

148 А есть ли любовь?

Екатерина Постникова

154 Почему люди не летают, как птицы?

Кирилл Сорокин

158 Загадка нанотехнологии

Просто Кир

161 Грузовик по монитору — получится ЖК

Анжелика Подоляк

166 Рок Лавин'я с канадских гор!

Ник Сигарищенко

172 Телеоборжение

Николай Куракин

174 Спорт, который всегда под рукой

Полина Швартлина

178 Искусство, которому надо учиться Евгения Гордиенко

182 Страсти по супу, или Чардаш в тарелке

184 Пишите Анке!

Юрий Шубин

ФАКТОР ВОЗМЕЗДИЯ

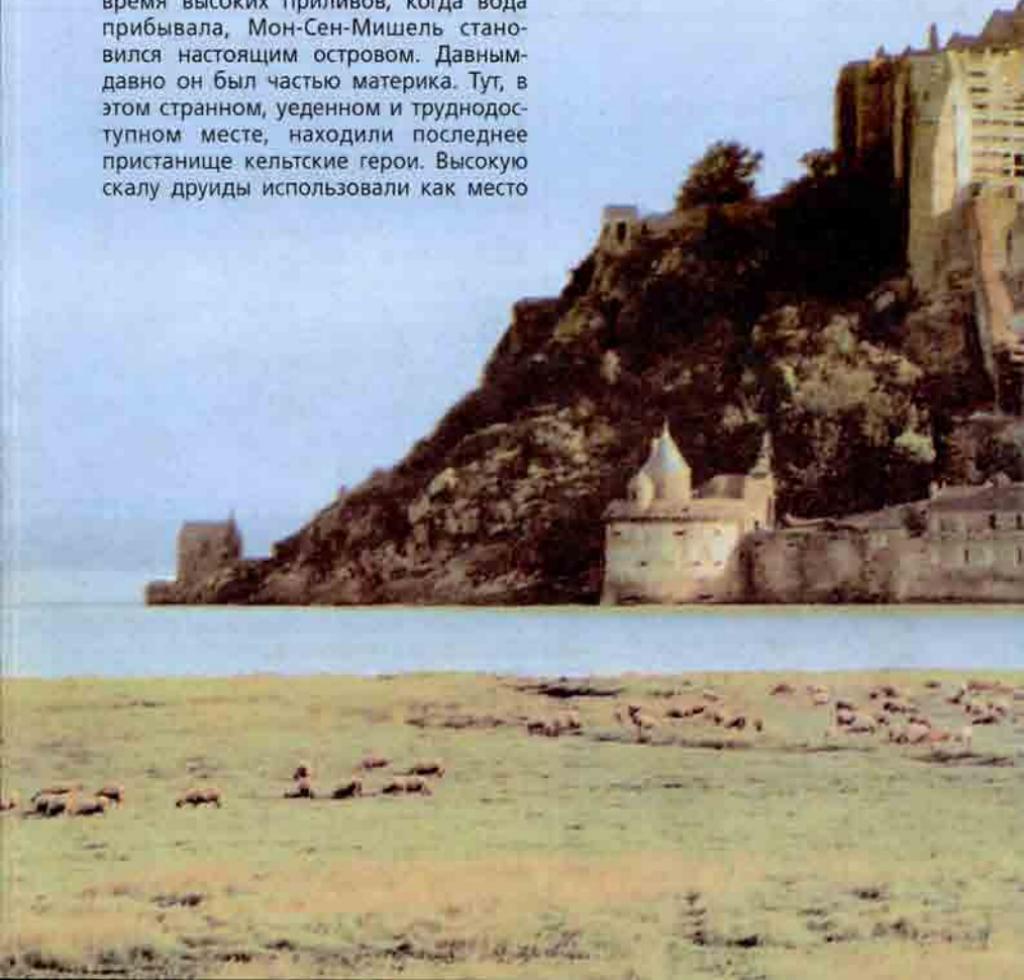
Новый роман Юрия Шубина оказался сегодня очень актуальным в связи с произошедшими событиями в Лондоне, и не только. Автор попытался хоть немного раскрыть суть организации "Аль-Кайда", показать, кто именно стоит за подготовкой многочисленных терактов, направленных против всего человечества, и заодно объяснить, что даже маленький жизненный проступок, слабинка или ошибка могут привести к большому преступлению, в данном случае — к измене Родине.

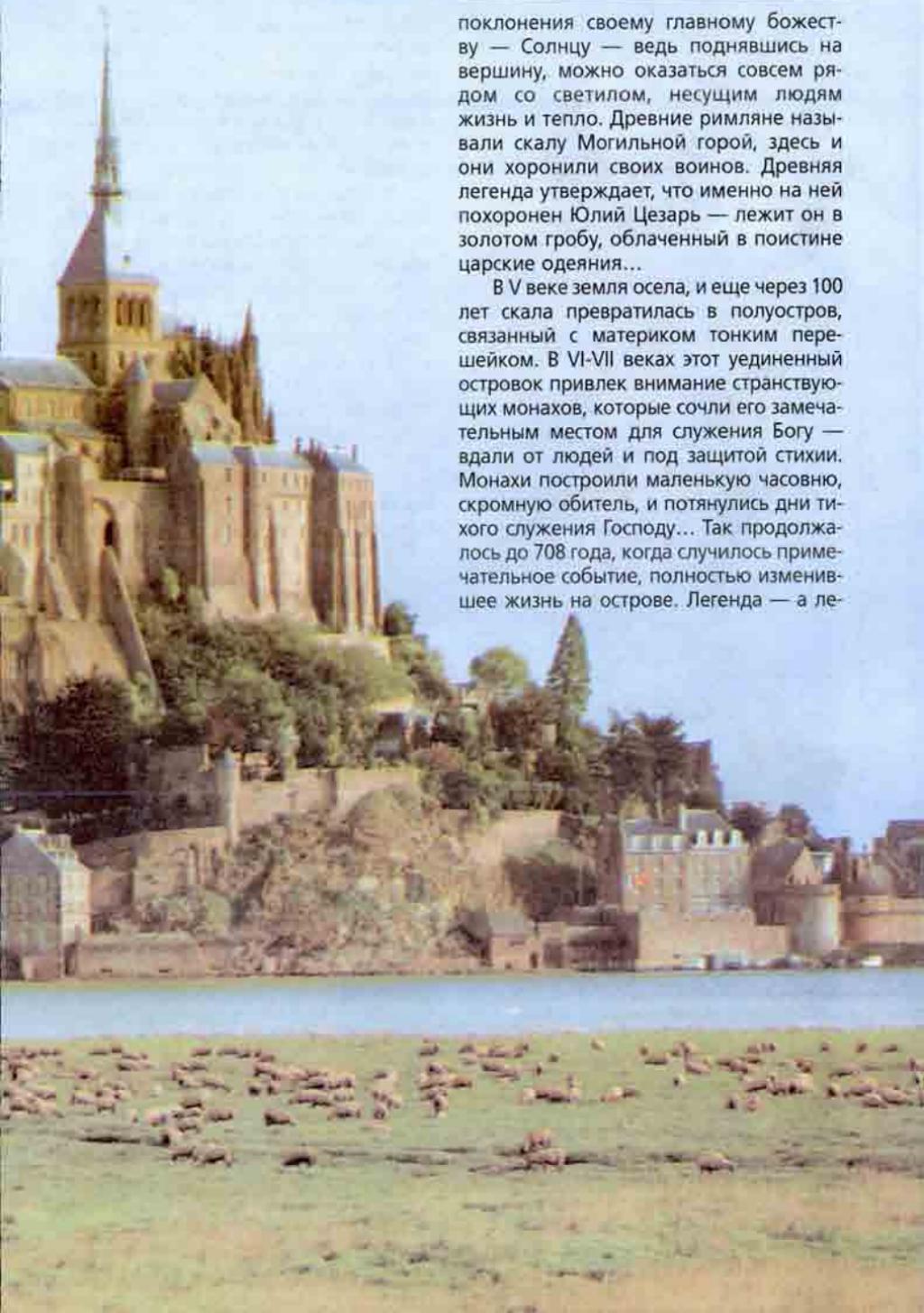
сентябрь'2005

АНОНС: 9

Мон-Сен-Мишель

На севере Бретани, вблизи с границей с Нормандией, находится маленький скалистый островок Мон-Сен-Мишель — всего 900 метров в окружности. Правда, островом его можно назвать условно, потому что его связывает с берегом дамба с проложенной по ней дороге. Раньше дамбы не было, на ее месте тянулась песчаная полоса, и во время высоких приливов, когда вода прибывала, Мон-Сен-Мишель становился настоящим островом. Давным-давно он был частью материка. Тут, в этом странном, уединенном и труднодоступном месте, находили последнее пристанище кельтские герои. Высокую скалу друиды использовали как место

поклонения своему главному божеству — Солнцу — ведь поднявшись на вершину, можно оказаться совсем рядом со светилом, несущим людям жизнь и тепло. Древние римляне называли скалу Могильной горой, здесь и они хоронили своих воинов. Древняя легенда утверждает, что именно на ней похоронен Юлий Цезарь — лежит он в золотом гробу, облаченный в поистине царские одеяния...

В V веке земля осела, и еще через 100 лет скала превратилась в полуостров, связанный с материком тонким перешейком. В VI-VII веках этот уединенный островок привлек внимание странствующих монахов, которые сочли его замечательным местом для служения Богу — вдали от людей и под защитой стихии. Монахи построили маленькую часовню, скромную обитель, и потянулись дни тихого служения Господу... Так продолжалось до 708 года, когда случилось примечательное событие, полностью изменившее жизнь на острове. Легенда — а ле-

Серебряная статуя Святого Михаила, убивающего дракона.

генд, связанных с этим святым местом, множество, — рассказывает, что как-то преподобный Обер, епископ Авраншский, после благочестивых трудов погрузился в сон, и тут явился к нему архангел Михаил и повелел воздвигнуть на Могильной горе храм. Проснувшись, епископ решил, что неправильно понял архангела. И тот снова явился во сне Оберу, и снова Обер не прислушался к словам Михаила. Архангел разозлился на непонятливого епископа и, в третий раз посетив епископа, в гневе ткнул его перстом в голову. Только тогда Обер внял приказу посланца Божьего и приступил к организации строительства храма на вершине

скалы. И поныне, как доказательство верности легенды, в хранилище аббатства свято бережется череп святого Обера — за заслуги перед Богом он впоследствии был причислен к сонму святых — и в черепе этом ясно видна вмятина, след от прикосновения архангела!

Монахи начали строительство, а остров получил новое название — Святого Михаила. Святой Михаил — не простой архангел, он воин и заступник, который, когда наступит Апокалипсис, встанет во главе небесного воинства в последней, самой решающей битве сил добра со злом. А пока не наступил этот страшный миг, провожает он души усопших праведников в Небесный Град Иерусалим, защищает их от подстерегающих на трудном пути демонов и открывает тяжелые врата Рая. Понятно, что храмы, посвященные этому святому, строились на вершинах гор — там, где ближе всего к небесам, где открываются дороги в царство Божье. Вот потому и решили назвать свою обитель последователи Обера монастырем Святого Михаила.

В 966 году монастырь был построен, и поселились там 50 монахов-бenedиктинцев. Святой Бенедикт, живший в VI веке и бывший поначалу отшельником, считал монастыри наиболее подходящим устройством бытия для служения Господу. Именно он создал первый в Европе монастырский устав, в котором регулировалась жизнь монахов. «Молись и трудись!» — вот главное, что говорил своим последователям Бенедикт и к чему призывал. А еще он требовал от них отречения от всего мирского, целомудрия и верности — Богу и своему монастырю. Смирением, послушанием, молитвой монахи наполняли жизнь в обители, подражая апостолам и приближаясь таким образом к Господу. При этом особое значение придавалось умственному труду, прежде всего чтению, способствовавшему спасению души. Постепенно бенедиктинские монастыри становились центрами культуры, и прежде всего — книжного искусства.

Здесь трепетно хранились и переписывались старинные манускрипты и постепенно возникали богатые библиотеки. По заветам святого Бенедикта жили и на Мон-Сен-Мишеле.

Возведение церкви, и поныне венчающей скалу, началось в 1020 году. Строить на отвесных скалах непросто и в наше время, и неудивительно, что церковь стала средневековым долгостроем — ее возводили почти 100 лет. При этом более старые части рушились, и приходилось их перестраивать, реставрировать. Но несмотря ни на что, это здание до сих пор стоит, сохранив свой романский облик — башни, округлые арки, толстые перекрытия и массивные своды. Зато хоры, возведенные гораздо позже, в XV веке, выполнены уже в готическом стиле.

Монахам казалось, что они подчиняются лишь власти Божьей, и надежно укрыты от власти мирской, но, как выяснилось, сильно заблуждались. В 1203 году король Филипп II пошел войной на герцогов Нормандских и возжелал завоевать остров Святого Михаила, по традиции, считавшийся собственностью герцогов. Оказавшись на острове, король приказал своим воинам спалить церковь, что они с удовольствием и сделали. Поняв, какое богопротивное деяние совершили его люди, — к счастью, уничтоженной оказалась лишь часть храма — король пожертвовал большие средства, на которые монахи в 1211—1228 годах возвели Ла-Мервей, готический монастырь, второе чудо Сен-Мишеля.

На первом этаже трехэтажного здания, с восточной стороны, монахи раздавали милостыню и принимали паломников, которые толпами прибывали в монастырь, неся с собой щедрые пожертвования, а посему встретить их ласково, проявить гостеприимство было важнейшей задачей монастыря. Над этим помещением находился зал для официальных приемов — там аббат общался с пилигримами, простыми и высокородными. Тут же располагались два огромных камина — на одном монахи готовили пи-

Страница монастырской рукописи. 10 век.

щу, а другой служил для обогрева. На третьем этаже располагалась монашеская трапезная. В западной части здания помещались кладовые, библиотека и помещения для переписки рукописей. Долгими часами монахи буква за буквой писали и переписывали рукописи — в них были и жития святых, и секреты врачевания, и древние рецепты.

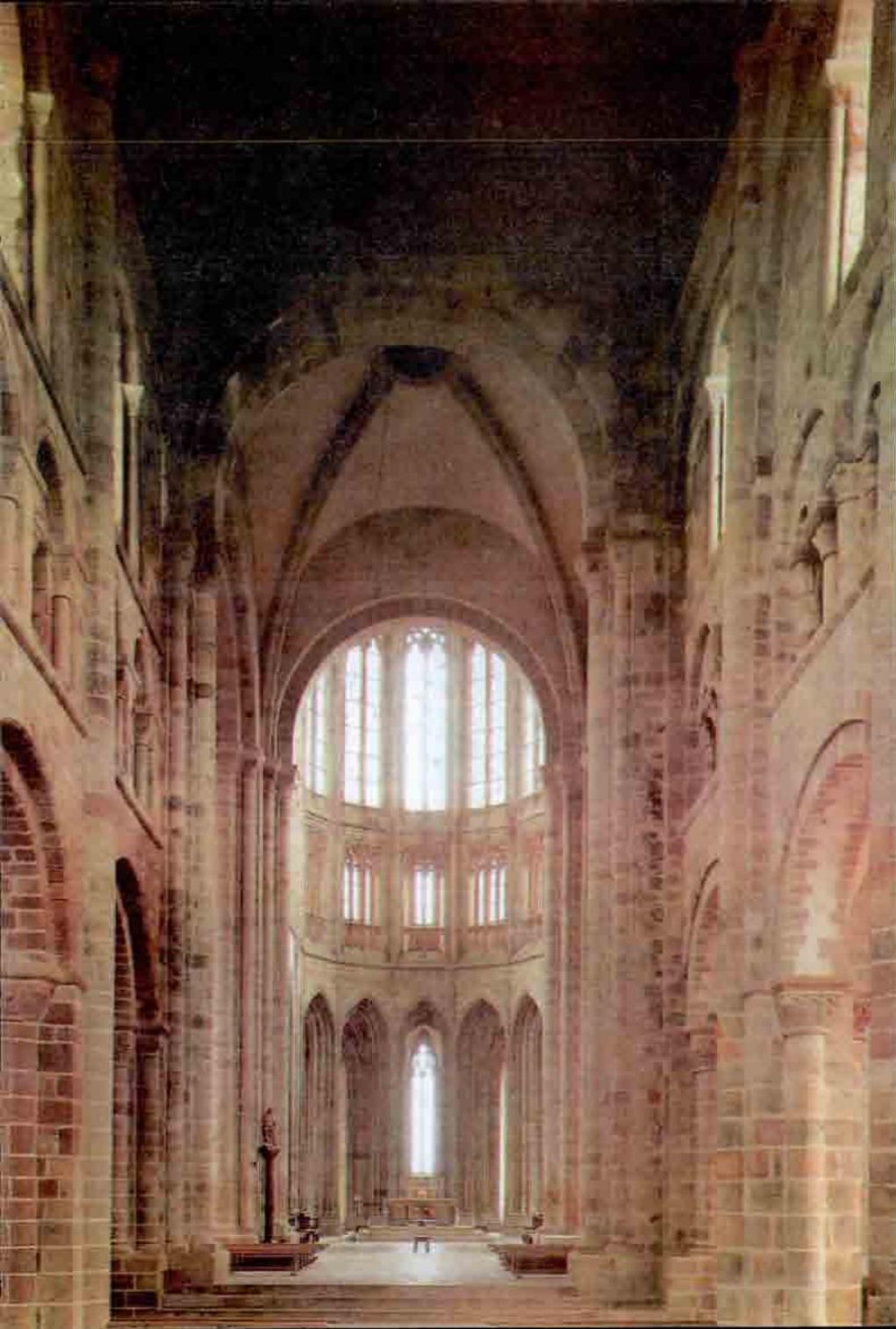
В 1461 году на французский престол взошел Людовик XI, весьма примечательная личность. Его редко мучили угрызения совести. В своих интересах он умело использовал и придворных, и любимых женщин, которых менял, как перчатки, не задумываясь о том, какие страдания причиняет почтенным и не очень дамам. Не смущали короля и весьма рискованные забавы, когда жизнь его подданных не принималась в расчет. Про него рассказывали разные истории. Так, например, после коронации в Реймсе, когда он вступил в Париж, его встречали винные фонтаны с обнаженными девицами, при этом красотки

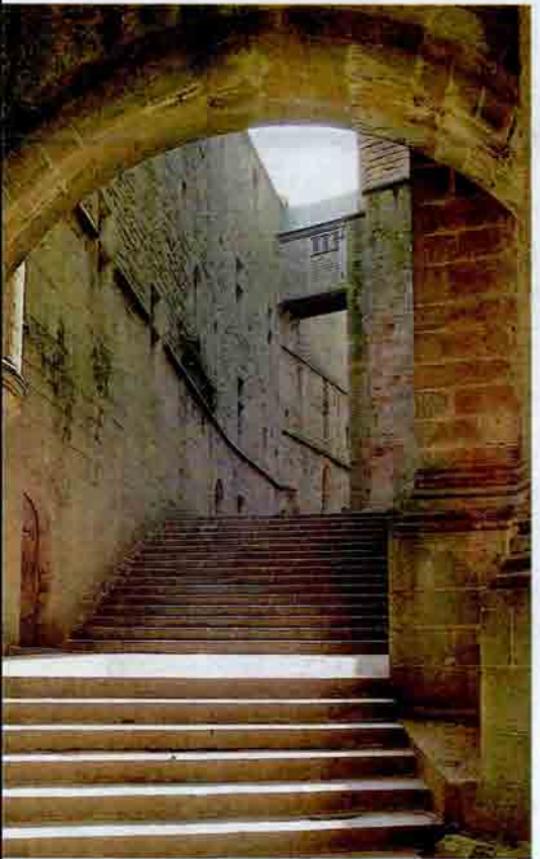
распевали не совсем приличные куплеты, а в борделях короля ждали лучшие парижские шлюхи, которых он, разгоряченный зрелищем "сирен", не преминул навестить. Но иногда ему приходили в голову и вполне благочестивые мысли — и тогда он совершал нечто бо-гоугодное. Так, в 1469 году этот монарх основал орден рыцарей святого Михаила, и аббатство Сен-Мишель стало центром ордена, а зал, где монахи переписывали рукописи, с тех пор служил залом заседаний доблестных рыцарей.

В Мон-Сен-Мишеле редко бывало спокойно. Аббатство всегда оказывалось в центре исторических событий. В 1337 году во Франции началась война, длившаяся с короткими перерывами до 1453 года, более ста лет. Ее так и называли — Столетняя. Главная причина войны — борьба за французские земли, захваченные Англией, и за богатую цветущую Фландрию. Война шла с переменным успехом — силы, в общем-то, были равные. Однако после победы при Азенкуре в 1415 году англичанам удалось захватить север Франции. Даже Париж пал под натиском англичан. Но Мон-Сен-Мишель не сдался — монахи еще в 1256 году превратили аббатство в прекрасно укрепленную крепость. Англичанам так и не удалось взять этот великолепно оборудованный фортификационный комплекс, и строгий облик монастыря с его башнями и шпилями, рвами и укреплениями стал символом национальной гордости французов.

Следующий раз Мон-Сен-Мишель оказался в центре событий французской истории во время религиозных войн. В 40-е годы XVI века в Женеве зародилось новое протестантское учение — кальвинизм. Его основателем был француз Жан Кальвин, который, спасаясь от преследований католической церкви, бежал из Франции. Кальвин, обвиняя католицизм во лживости и ханжестве, призывал отменить пышные обряды и ввести строгие нравственные нормы и самоограничение. Важнейший догмат

кальвинизма заключался в принципе абсолютного предопределения: утверждалось, что Бог изначально предопределил одних людей к спасению, а других — к погибели. При этом избранность человека определялась прежде всего в успешности его мирской профессиональной деятельности. Так возникла протестантская этика — этика нарождавшейся буржуазии. Как это ни странно, кальвинизм нашел множество приверженцев и среди представителей высшей аристократии, уставшей от диктата Рима: папская курия позволяла себе вмешиваться во все политические и мирские дела, при этом основной заботой Церкви — и это видели многие — было увеличение ее доходов и власти. Во Франции вспыхнули религиозные войны, апогеем которых стала знаменитая Варфоломеевская ночь: в 1572 году в Париже собрались по случаю свадьбы короля Генриха Наваррского основные представители партии гугенотов, и по приказу Екатерины Медичи все они, а также рядовые кальвинисты, в одну ночь были зверски перебиты. Погибли тысячи людей... Конечно же, гугеноты не могли простить такое преступление — они с новым пылом принялись укреплять свои войска и разрабатывать планы по свержению власти католиков. Иногда они одерживали победы. Подходили войска гугенотов под управлением Генриха Наваррского и к стенам монастыря Святого Михаила — в 1591 году. Но и тогда — наверное, не только с Божьей помощью, но и с помощью святого Михаила — стены монастыря выдержали атаки гугенотов. А потом Генрих отступил от гугенотов и, дабы стать королем Франции, перешел в католичество (в истории осталась знаменитая фраза "Париж стоит мессы"), но при этом оставил гугенотам определенные свободы, которые их слегка удовлетворили. При кардинале Ришелье гугеноты вновь подверглись преследованиям и многие из них вынуждены были покинуть родину...

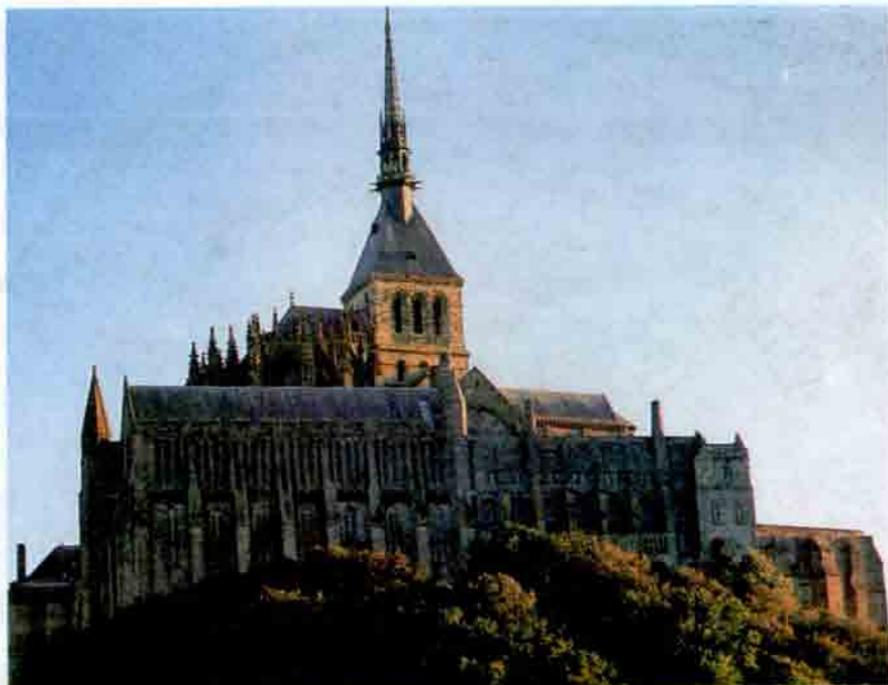
Внутренняя лестница,
ведущая к собору Святого Михаила.

А в аббатстве Сен-Мишель снова стало спокойно, и снова монахи трудились на благо монастыря, читали и переписывали древние рукописи в тиши монастырских стен. И также стремились паломники приобщиться к святым мощам епископа Обера, оказаться на вершине скалы, откуда до Небесного Града Иерусалима рукой подать. В пылу благочестия они порой забывали о таящей угрозу морской волне — не раз приливы застигали пилигримов врасплох. Только Бог да святой Михаил знают, сколько жизней унесла за собой приливная волна, возникающая так внезапно и так страшно, так неотвратимо.

И тогда лишь Дева Мария могла протянуть руку несчастным, а спасала она не всех — лишь тех, кто был достоин ее милости. Вот она, добрая и всепрощающая, на средневековых миниатюрах — помогает утопающим, вознося их высоко над приливными водами...

Постепенно монастырская община приходила в упадок. Все меньше паломников несли свои пожертвования в аббатство, монастырь беднел, все приходило в запустение. А потом пришли времена Великой Французской революции, новые времена. Франция бурлила. Свобода, равенство, братство! Казнь короля, демократия, власть народа! Новые лозунги всколыхнули всю страну, все пришло в движение, и даже далеко от столицы слышался гром перемен. Старый монастырь уже был никому не нужен, тем более что тогда в нем оставалось всего семь монахов — полуолодных, почти выживших из ума. Новые власти приняли решение: закрыть монастырь, а этих несчастных распустить. Так и сделали. Мон-Сен-Мишель, обитель святого Обера, перестал существовать.

В 1804 году Наполеон, этот бывший генерал революционной армии, захватив власть в свои руки, быстро забыл демократические идеи и провозгласил себя императором Франции. При нем остров Святого Михаила переименовали в остров Свободы и устроили в стенах монастыря тюрьму. Здесь были застенки еще в XV веке, сюда сажали опасных врагов короля, недаром в народе Сен-Мишель называли провинциальной Бастилией и потому не удивительно, что новые власти вспомнили о том, что старый монастырь можно снова использовать как острог. Еще во время революции узниками стали герои Вандеи и жуаны, бretонские роялисты, а потом пришла очередь республиканцев и просто отъявленных негодяев, и там, где раньше жили самые благочестивые праведники, теперь обитали бандиты и воры. Конечно, пришлось слегка перестроить некоторые

здания, но тогда никто не задумывался о том, что монастырь представляет историческую ценность. Так продолжалось до 1863 года, когда тюрьму Мон-Сен-Мишель закрыли. Прослышав об этом, на остров вернулись монахи, возродили монастырь и жили в трудах и молитвах десять лет. Они и начали проводить реставрационные работы, а в 1874 году французское правительство объявило Сен-Мишель историческим памятником и взяло под свою защиту. С тех пор здесь постоянно ведутся реставрационные работы. В 1979 году Мон-Сен-Мишель — под охраной ЮНЕСКО.

Попадая на Мон-Сен-Мишель, вы вступаете на тернистый путь восхождения. Начинается он у Королевских врат, а ведет в глубь острова главная и единственная улица — Гранд рю. Вдоль улицы стоят типичные средневековые дома — сегодня тут кафе и рестораны, магазинчики сувениров и отели. Шумит разногласия толпа. Улица упирается в

широкую лестницу, и вот тут и начинается восхождение — суровое испытание для пилигримов и туристов. Но когда, преодолев себя — свою лень и немощь — наконец поднимаешься к монастырю, тебя ждет заслуженная награда — открывается потрясающий вид на море. И вот теперь можно пройтись по галерее крестного хода, походить по монастырским храмам, посетить монашескую библиотеку, трапезную, углубиться в нескончаемый лабиринт монастырских переходов, где словно застыло время... И тут, высоко над морем, в окружении этих древних стен с бойницами, легко и свободно в голову приходят мысли о вечном, о жизни и смерти, о тщетности наших устремлений... А на самой вершине шпиля монастыря замер золотой архангел Михаил, этот вечный заступник всех праведников, замер, подняв руку с обнаженным мечом, спасая наши души от греховных помыслов и греховных деяний.

Ян ван Эйк

■ Этому гениальному художнику удалось почувствовать невыразимую прелесть повседневного бытия, в котором есть и радость, и печаль, рождаются дети и цветут цветы, поют птицы и творят художники. Это ощущение счастья Жизни, чуда, подаренного людям Всевышним, пронизывает все его творчество. Один из создателей жанров портрета и пейзажа в живописи, философ, блестящий колорист и выдающийся реалист, он во многом определил развитие мирового искусства.

О жизни Яна ван Эйка известно очень мало. Даже точной даты его рождения не знает никто. По всей видимости, он появился на свет в самом конце XIV века, в 1390-х годах. Точно не известно, и где произошло это знаменательное для судеб европейской живописи событие — принято считать, что он родился в городке Маасэйке, в провинции Лимбург, на стыке границ Германии, Бельгии и Голландии. Ныне город принадлежит Бельгии. Правда, некоторые историки полагают, что художник — уроженец более крупного Маастрихта (сейчас это немецкий город), расположенного в 15 километрах от Маасэйка. Так или иначе, в те далекие времена оба города входили во владения богатого и могущественного герцога Бургундского.

Ученые предполагают, что у Яна были сестра и два брата, причем именно старший брат по имени Губерт приютил его к живописи и стал первым учителем Яна.

На самом деле, достоверных доказательств этому нет, и эти сведения взяты из двух книг, вышедших в Генте через сто с лишним лет после смерти ван Эйка. Ученые известны письма, написанные одним итальянским любителем живописи своему другу, и посланы они были в 1524 году. Там упоминается и Ян ван Эйк, о котором итальянец пишет, что тот собирался в юности стать иллюстратором книг. Вот, собственно, и все, что мы знаем о юных годах художника.

Начиная с 1422 года обстоятельства жизни ван Эйка уже гораздо яснее. 24 октября этого года ван Эйк поступил на место придворного живописца Иоанна Баварского, графа Голландского, Зелладского и Геннегау, двор которого находился в Генте. Гент, столица Фландринии, был в те времена одним из самых богатых городов Европы. Тут строились дворцы и замки, церкви и красивейшие дома, на суконных и полотняных мануфактурах производились ткани, которые покупались купцами из самых разных стран, при этом стоили они немало. В порт приходили корабли, на которых везли пряности, шелка, драгоценности и разные диковины из заморских краев. Работающий, свободный, независимый Гент становится в средние века городом мирового значения. А что собой представлял двор гентского правителя? Блестящие и образно охарактеризовал атмосферу фламандского и бургундского высшего общества замечательный французский искусствовед Эжен Фромантен: "Вспомните гентский двор с его великолепными нарядами и утонченным щегольством, разнозданный, грубый и нечистоплотный, суеверный и разрванный, языческий в своих празднествах и, несмотря на это, богомольный. Посмотрите на пышность церковную, пышность светскую, на празднства, карусели, пиры с их обжорством, на сценические представления с их распущенностью, на золото риз, доспехов и одежд, на драгоценные камни, жемчуга, бриллианты. Представьте себе скрытое за всем этим состояние душ и ... отметьте только одну черту — отсутствие в совести людей того времени самых элементарных добродетелей: прямодушия, искреннего уважения к святыням, любви к родине, чувства долга и чувства стыда у женщин, как и у мужчин". Поразительно, что именно в этом мире, мире, лишенном самых элементарных понятий о красоте, духовности, добре, рождается художник, в творчестве невероятно обогнавший свою эпоху, создавший настоящие шедевры мирового искусства, не теряющие своего значения и по прошествии столетий...

В жизни и произведениях ван Эйка множество загадок. Одна из них относится ко времени его службы у Иоанна Баварского и связана с Милано-Туринским часословом. Эта поразительная по красоте средневековая рукопись, сборник молитв и песнопений, начала создаваться в 1390-х годах. Заказал ее в 1389 году герцог Жан Беррийский, двоюродный дед Филиппа Доброго, будущего господина ван Эйка. Работа над книгой растянулась на десятилетия и была закончена в 1447 году. Расписывали ее разные художники. Книга не раз меняла владельцев, прошла она и через руки Иоанна Баварского, а позже — принадлежала и его сыну Филиппу Доброму. К сожалению, манускрипт не сохранился в первозданном виде до нашего времени — он сильно пострадал в 1904 году, во время страшного пожара, тогда огонь почти уничтожил Туринскую королевскую библиотеку, где хранилась рукопись. Однако до пожара было сделано факсимильное издание часослова, и мы имеем представление об этом уникальном произведении книжного искусства. Уцелевшие листы хранятся сейчас в частных коллекциях парижских и туринских коллекционеров.

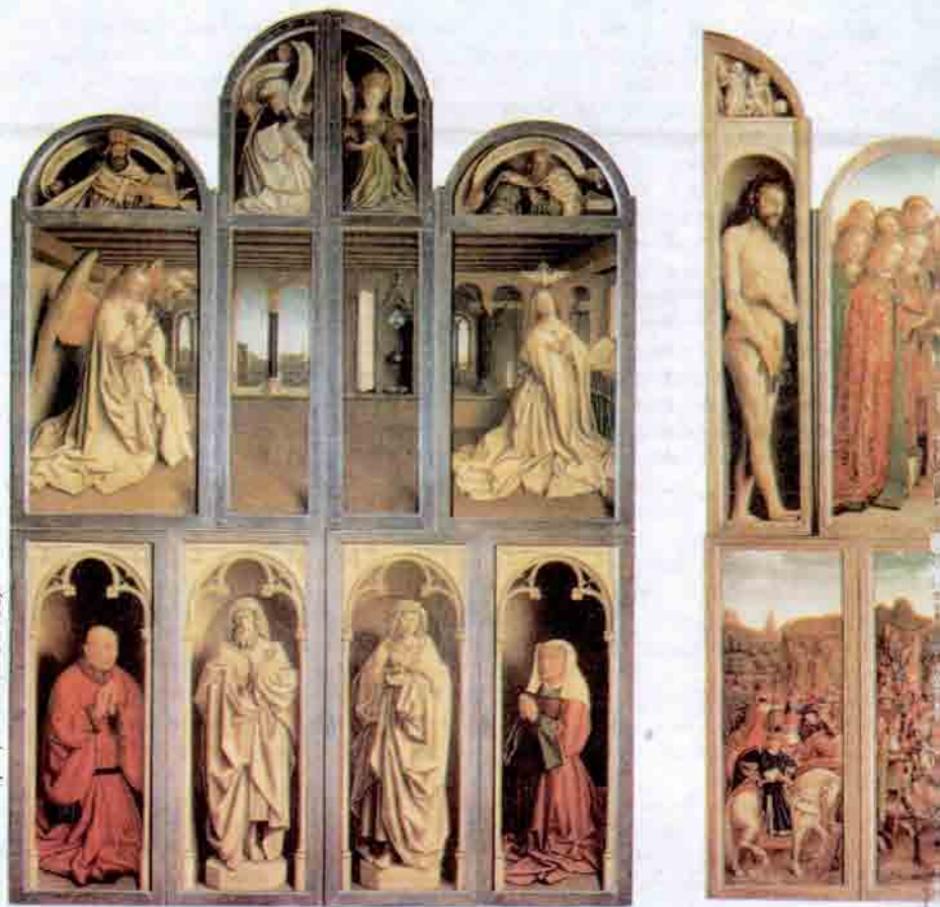
В создании часослова участвовали разные художники, и миниатюры, естественно, не всегда равнозначны по мастерству исполнения. Но среди них есть несколько, сильно отличающихся от остальных — по свободе владения кистью, по передаче воздуха, света, красок мира — а кроме того, очень напоминающих по

манере работы Яна ван Эйка. К счастью, три из них уцелели — это "Рождение Иоанна Крестителя", "Заупокойная месса" и "Обретение креста". Несомненно, они созданы одним художником, причем художником блестящим, художником — новатором, до которого так, как он, не писал еще никто. А если сопоставить даты и сделать некие допущения, то легко предположить, что эти миниатюры — ранние работы Яна ван Эйка.

В январе 1424 года Иоанн Баварский умер. Ян ван Эйк, вынужденный искать новое место и нового покровителя, переезжает в Брюгге. 19 мая он уже поступает на службу к новому сюзерену — Филиппу III, герцогу Бургундскому, прозванному Добрый. В Брюгге художник не задержался — вместе со своим новым хозяином он перебрался в том же году в Лилль, где располагалась официальная резиденция герцога.

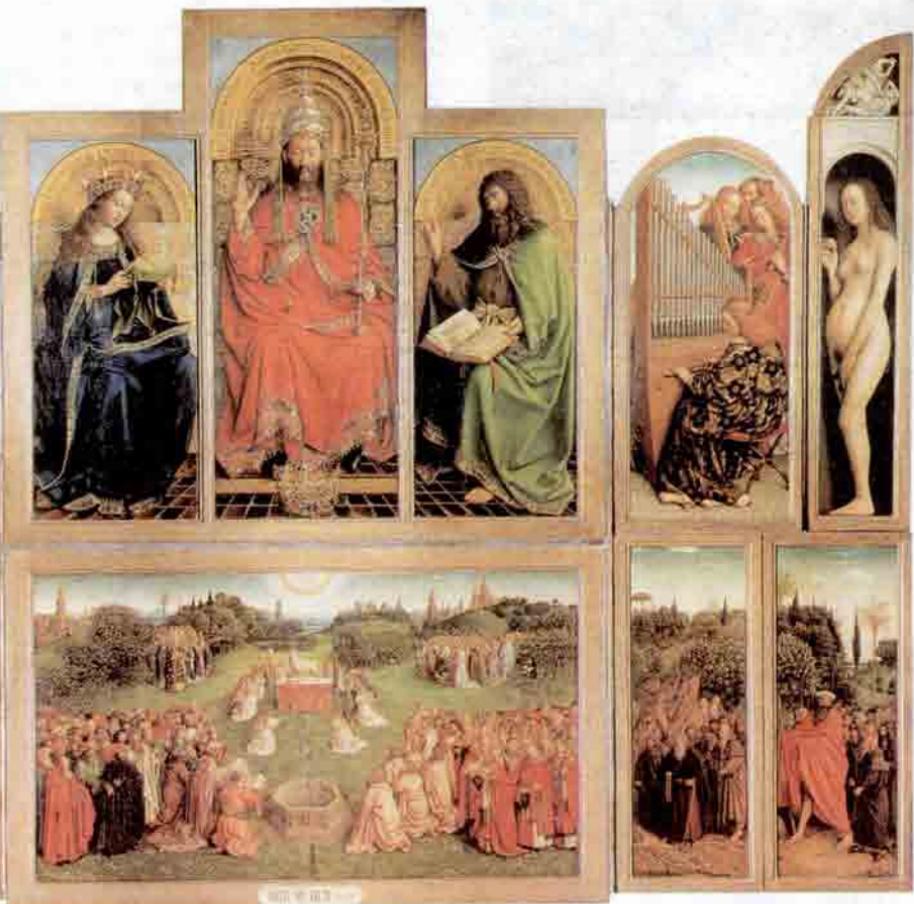
У художника и герцога сложились удивительно тесные и теплые отношения. Ван Эйк не покидал своего господина до самой смерти и служил ему верой и правдой, причем не только на поприще искусства. Несколько раз ван Эйк выполнял и не совсем обычные просьбы герцога — те, что принято называть специальными поручениями. Так, например, в 1427 году он выехал с тайной миссией в Тур — это было недалеко от Лилля, зато в следующем году ему пришлось совершить гораздо более далекое путешествие — в Португалию. Художнику придали статус дипломата, при этом задача перед ним стояла невероятной важности — он должен был подготовить почву для заключения брака между Филиппом и инфантом Изабеллой, дочерью короля Португалии. И хотя поездка оказалась непростой, и даже порой опасной — на пути гонцам Филиппа пришлось пережить сильнейший штурм и даже высадиться на английский берег — миссию выполнили блестяще. 25 декабря 1428 года ван Эйк вернулся во Фландрию не один — с ним прибыла португальская принцесса. Облик невесты был уже знаком Филиппу — его верный друг, камердинер и художник, пребывая в Лиссабоне, написал портрет Изабеллы и отоспал герцогу. К сожалению, эта работа ван Эйка, как, впрочем, и многие другие, не сохранилась...

В 1420-х годах Ян увлеченно экспериментирует с красками. Долгое время его считали изобретателем масляных красок. Выдающийся итальянский историк искусства Джорджо Вазари подробно описал опыты ван Эйка. Свой опус о фландрце он закончил так: "По прошествии недолгого времени это великое изобретение распространилось не только во Фландрии, но и достигло Италии, а также многих частей света, показав художникам все достоинства масляной живописи и вдохновив их на создание новых прекрасных картин". На самом деле, Вазари ошибался: масляные краски были известны задолго до ван Эйка. Но именно он открыл возможности и преимущества масляной живописи. До него в основном писали темперой — красителем, разведенным в яйце. Замена яйца маслом дала возможность художникам легче смешивать краски, добавляясь нужного им тона. Однако масло должно сохнет, и это многим не нравилось — ведь, по правилам, новый слой краски можно накладывать только на высохшую поверхность. Ван Эйк, поняв преимущества масла, сумел разрешить эту проблему — он накладывал краску тонким слоем, который высыхал очень быстро, и художник мог работать техникой "несколько слоев". Это была настоящая революция — теперь художник мог добиваться на полотне тончайших оттенков, передавать самые изысканные переходы. Более того, нижние слои краски просвечивали сквозь верхние, и изображение приобретало невиданную ранее глубину и объемность. И самое главное — тонкая масляная пленка одновременно отражала и поглощала падающий свет, создавая эффект внутреннего сияния кар-

тины. Но, конечно же, знание тонкостей живописной техники само по себе еще не дает возможность творить шедевры — для этого надо быть гением. И Ян ван Эйк был им. Именно потому ему удалось создать настоящее произведение искусства, прославившее его имя на века — знаменитый Гентский алтарь для собора святого Бавона. Этот собор — один из самых впечатляющих и красивых соборов Бельгии. Он получил свое имя (случилось это в 1529 году) в честь местного землевладельца, жившего в VII веке: раздав все свое имущество бедным, Бавон ушел в монастырь и таким образом заслужил причисление к сонму святых. Во времена ван Эйка решение о переименовании собора еще не приняли, тогда он посвящался другому святому — Иоанну.

Надпись, сделанная на алтаре, гласит, что начал работу над ним Губерт ван Эйк, "выше которого нет", а завершил по случаю смерти брата Ян ван Эйк, "в искусстве второй". Правда, эту надпись сделали уже в XVI веке, и особого доверия она не вызывает, и до сих пор историки искусства ведут споры, что же сделал старший брат, а что — младший. А некоторые ученые считают, что Губерта и вовсе не существовало, что его придумали гентцы, дабы присписать этот шедевр руке земляка. Но, так

или иначе, достоверно известно, что большая часть алтаря была создана уже после смерти Губерта (а по всей видимости, он все же существовал — об этом свидетельствуют архивные документы), который умер в 1426 году, задолго до окончания росписи.

Оплатил работы Иосс Вейндт — один из самых богатых иуважаемых граждан города, недаром через год после завершения алтаря, в 1433 году, он стал бургомистром Гента.

Гентский алтарь — действительно уникальное произведение, значение и совершенство которого понимали и тогда, когда он был создан, и спустя многие годы. И не удивительно, что почти через сто лет после установки алтаря, когда Дюрер оказался в Генте, его прежде всего повели посмотреть на создание ван Эйка. «Я видел картину Яна, это драгоценнейшая и превосходнейшая картина, и особенно хороши Ева, Мария и Бог-Отец», — написал в дневнике великий немецкий художник.

Гентский алтарь — грандиозный многоярусный складень в три с половиной метра высотой (в центральной части) и пять метров в ширину (в раскрытом виде). Две-

Иосс Вейдт (заказчик алтаря).

рочествам Иоанна Богослова: "И вот велико множество людей, которого никто не может перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков стояло перед Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И воскликнули громким голосом, говоря: "спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!" В центре картины — ягненок, из шеи которого льется в жертвенную чашу кровь, символ искупительной жертвы, принесенной Иисусом Христом. Художник изображает ягненка как драгоценное творение искуснейшего ювелира — тут художник отступает от принципов реализма, тут он — символист. Вокруг Агнца — сонм ангелов, они держат в руках крест — символ Христовых Страстей — и Его терновый венец. Агнец стоит на залитом светом лугу. (В траве цветет множество разных цветов — чего тут только нет: и ландыши, маргаритки, одуванчики, лилии, фиалки... На заднем плане видны кусты роз и виноградник, ель и бук, вишни и смородницы. Искусствоведы насчитали на картине более 30 видов растений и деревьев — столь точен и тщательен рисунок художника.)

В воздухе словно застыли, повиснув, золотые кадила — их держат ангелы. А рядом — голубь, Святой Дух, излучающий легкий золотой свет.

надцать деревянных панелей, восемь из которых, боковых, расписаны с двух сторон и укреплены так, чтобы ими можно было закрывать центральную часть. На внутренних панелях вверху изображены бог Саваоф, Дева Мария и Иоанн Креститель. На внешних — портреты донаторов Иосса Вейнданта и его жены, а также Иоанн Богослов, пророки, сивиллы и сцена Благовещения. Чаще всего створки алтаря были закрыты.

В "Благовещении" Мария встречает архангела Гавриила, который сообщает ей Благую Весть. И происходит это знаменательное событие в интерьере, который был знаком любому гентцу — в таких домах жили во времена ван Эйка фламандские бюргеры — здесь вещи обладают цветом и массой, здесь сияет чистотой медный умывальник (голландцы и фланандцы всегда славились своей любовью к чистоте). Из окон дома Марии виден типичный гентский пейзаж — остроконечные крыши, шпиль колокольни, башни замка... Но это — вполне обычная, ничем не выдающаяся картина жизни, а вот по праздникам прихожан собора святого Иоанна ждало настоящее чудо — створки алтаря раскрывались, и словно распахивалось окно в мир, полный красок и света, мир необыкновенный, яркий — перед ними возникало знаменитое ванэйковское "Поклонение Агнцу".

Вся картина точно соответствует пророчествам Иоанна Богослова: "И вот велико множество людей, которого никто не может перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков стояло перед Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И воскликнули громким голосом, говоря: "спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!" В центре картины — ягненок, из шеи которого льется в жертвенную чашу кровь, символ искупительной жертвы, принесенной Иисусом Христом. Художник изображает ягненка как драгоценное творение искуснейшего ювелира — тут художник отступает от принципов реализма, тут он — символист. Вокруг Агнца — сонм ангелов, они держат в руках крест — символ Христовых Страстей — и Его терновый венец. Агнец стоит на залитом светом лугу. (В траве цветет множество разных цветов — чего тут только нет: и ландыши, маргаритки, одуванчики, лилии, фиалки... На заднем плане видны кусты роз и виноградник, ель и бук, вишни и смородницы. Искусствоведы насчитали на картине более 30 видов растений и деревьев — столь точен и тщательен рисунок художника.)

В воздухе словно застыли, повиснув, золотые кадила — их держат ангелы. А рядом — голубь, Святой Дух, излучающий легкий золотой свет.

На переднем плане — Фонтан жизни, символ Воскресения. На нем прочитывается цитата из Откровения Иоанна Богослова: "И увидел я поток живой воды, чистой, как кристалл, что омывает трон Господень, и Агнца, сидящего с Ним". В священном экстазе устремлены к Агнцу святые, праведники и праведницы, апостолы и мученики, папы, кардиналы, простые монахи и миряне. Тут и пророки, и философы, и мыслители-мудрецы, и среди них — великий Вергилий и гениальный Данте, а также первомученик Стефан, в руках которого камни, которыми его забили до смерти. Справа — отшельники и странники, а слева, сверкая латами и грозным оружием, воины войска Христова, за ними — "праведные судии", те, кто правил своими народами справедливо, кто проявлял к своим подданным милость. Вдали устремились ввысь башни Небесного Иерусалима (в которых угадываются шпили кафедрального собора в Утрехте и храма святого Николая в Генте), и над всем этим действом, между Богоматерью и проповедующим Иоанном Крестителем — грандиозная фигура Всевышнего, Бога-Отца. Спокойно и торжественно восседает он на троне, строго и бесстрастно взирая на человечество. Черты лица его прекрасны, совершенны. Вокруг головы — золотое сияние, рубиново-красный цвет одежд, отделанных матовым жемчугом, сияние изумрудов, синих сапфиров — все красиво и возвыщенно. Правая рука Бога поднята вверх, а в левой Он держит хрустальный скипетр. Ван Эйк пишет поразительно реалистично — зритель словно ощущает тяжесть ткани, холод металла и камней. Чуть ниже ангелы — поющие и музенирующие. И снова ван Эйк проявляет себя как потрясающий реалист: по движениям и выражению лиц ангелов, как писал еще 500 лет назад ван Мандер, первый историк голландской живописи, можно понять, у кого какой голос — бас или тенор, баритон или альт. По краям верхнего ряда фигур стоят нагие прародители Адам и Ева(один из первых опытов изображения обнаженного человеческого тела в Северной Европе), с удивлением взирают они на свое многочисленное и такое разнообразное потомство. Так завершается круг истории человечества.

Жена Вейдта Изабелла.

Бог Саваоф (деталь Гентского алтаря).

Ван Эйк создает удивительное по жанровому разнообразию полотно — тут и реалистичнейшие портреты, и пейзаж, и натюрморт — и величественную картину Бытия, в котором мир человека и мир Господа не разделены, они представляют единый и неделимый космос. И космос этот прекрасен, полон красок и света. И тут художник предстает как глубокий философ, преодолевающий средневековую узость мысли и воспевающий Красоту и Жизнь во всех их проявлениях.

У Гентского алтаря, как почти у каждого величайшего произведения искусства, оказалась сложная, насыщенная драматическими событиями история.

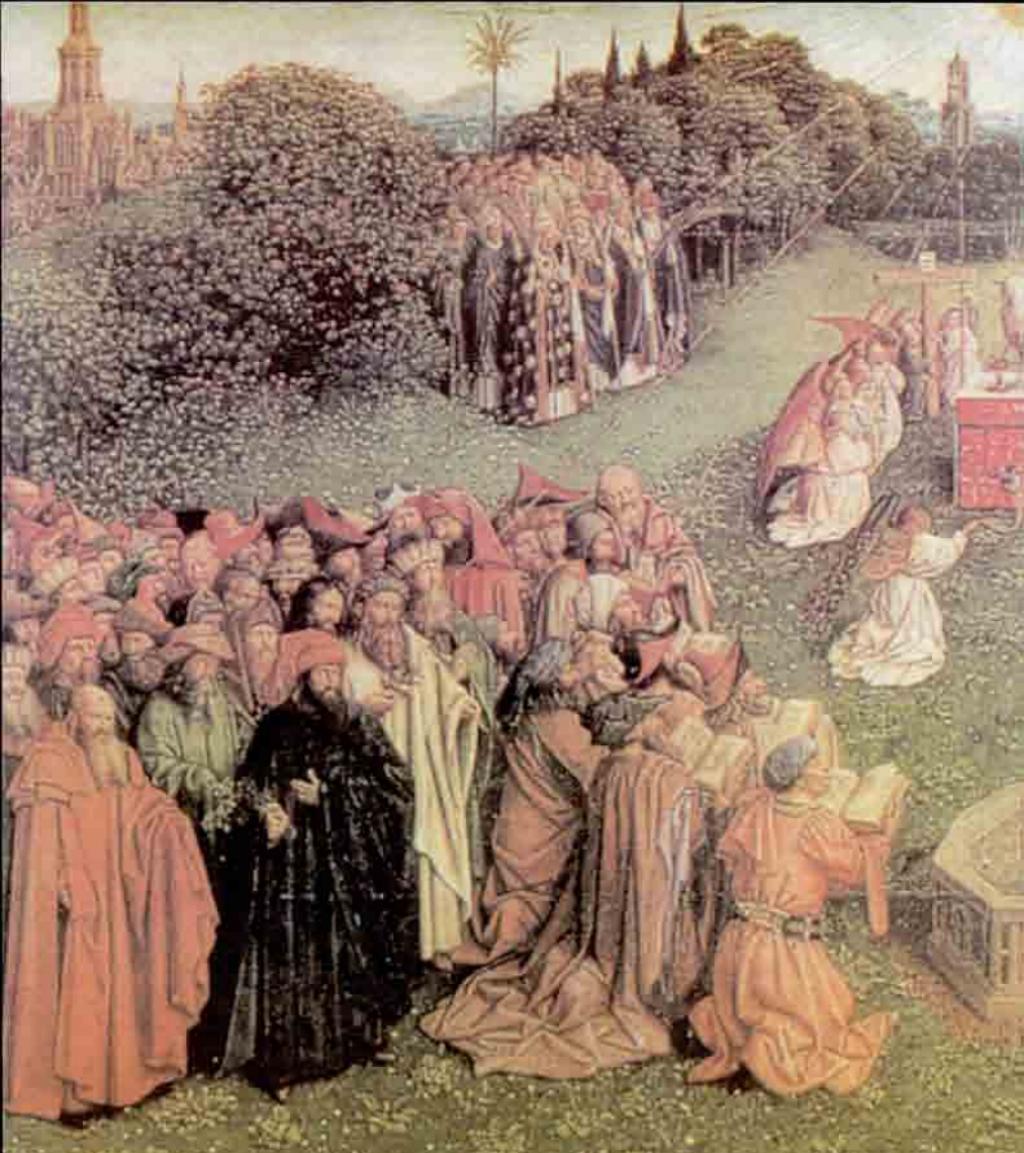
Итак, в 1432 году работы были закончены и алтарь занял подобающее ему место в церкви святого Иоанна Крестителя. В августе 1566 года в разгар буйств иконоборцев, фанатически уничтожавших все попадавшие им под руку картины, укравшие церкви и соборы — не разбирая, что перед ними — обычная работа бездарных богохазов или произведение искусства — алтарь спрятали в подвале Гентской ратуши, и там он пролежал до 1587 года. Крайние створки с изображениями Адама и Евы в 1781 году сняли и продали, заменив их копиями, при этом в соответствии с царившими тогда ханжеством и духом благочестия (император Иосиф II отличался особенном целомудрием), на копиях Адам и Ева предстали перед прихожанами в весьма приличном виде, прикрыв срамные места кожаными передниками.

В 1794 году Наполеон захватил Бельгию. Конечно же,

он не мог не обратить внимание на создание ван Эйка, и четыре центральные створки были вывезены во Францию, правда, уже в 1816 году, после поражения Наполеона при Ватерлоо, их вернули на родину, но в таком состоянии, что казалось, шедевр ван Эйка уже не восстановить. Примерно в это же время створки с изображением ангелов и створки нижнего ряда были проданы и, пройдя через руки нескольких коллекционеров, в 1821 году попали в Берлинский музей. А в соборе на их место в алтаре снова поместили копии. В 1822 году в соборе вспыхнул страшный пожар, и лишь чудо спасло драгоценные доски. Прошел почти век, мир потрясли страшные события Первой мировой войны, и наконец был подписан Версальский договор. В соответствии с его специальными пунктами о перемещенных художественных ценностях все составные части Гентского алтаря возвращались в Гент. Но на этом история ван Эйковского шедевра не закончилась. В 1934 году неизвестные украли створку, на которой изображены "Праведные судьи". Злоумышленники потребовали огромный выкуп — миллион бельгийских франков, при этом в качестве доказательства серьезности притязаний и того, что в их руках действительно находятся драгоценные доски, вымогатели распилили доску и поместили часть с изображением Иоанна Крестителя в камеру хранения

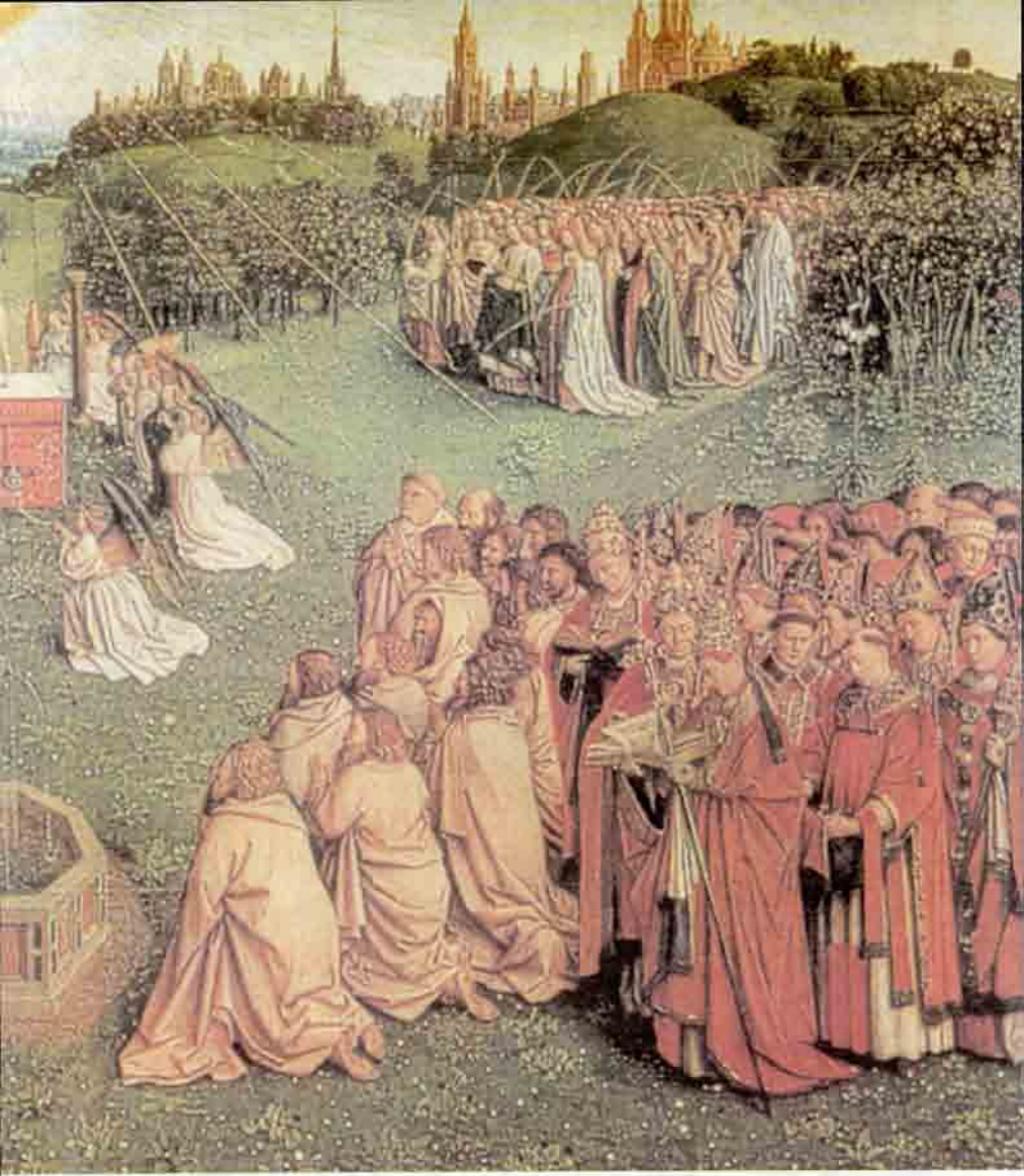

Иоанн Креститель (деталь гентского алтаря).

Поклонение Агнцу (деталь Гентского алтаря).

брюссельского вокзала. Затем они позвонили властям и назвали номер камеры. К сожалению, тогда деньги бельгийское правительство не смогло собрать, и с тех пор вторая часть "Праведных судей" утрачена безвозвратно. Но, может быть, пройдет время, и она все-таки всплынет — в какой-нибудь частной коллекции, в каком-нибудь закрытом собрании известного миллионера... Так в сорбore появилась еще одна копия — на сей раз "Праведных судей". А потом началась Вторая мировая война, и в целях сохранности Гентский алтарь отправили в южную Францию — в город По, в замок, принадлежавший когда-то Генри-

ху IV. Но немцы захватили и эти районы. Они отвезли алтарь в австрийский Бад-Альтаузен и спрятали в соляных копях. Туда свозились художественные ценности, награбленные нацистами по всей Европе — более 7000 единиц хранения. Перед самым окончанием войны, поняв, что поражение неминуемо, гауляйтер Верхней Австрии Айгрубер — история никогда не забудет имени этого просвещенного варвара! — принял решение взорвать штолни. Но, к счастью, гитлеровцы не успели осуществить свой дьявольский замысел, и вскоре Гентский алтарь снова оказался в соборе святого Бавона, в своем родном городе, где и хра-

Архангел Гавриил (деталь Гейтского алтаря)

нится ныне, в прозрачном защитном боксе.

Но все эти драматические события происходили гораздо позже, а пока вернемся в XV век, к создателю алтаря, Яну ван Эйку. Итак, в 1432 году ван Эйк снова перебрался в Брюгге. Он купил себе дом и женился на вполне милой девушке по имени Маргарита. Видно, им было хорошо вместе все годы их совместной жизни, недаром одна из его последних работ — портрет жены (1439 год), написанный с любовью и нежностью. В 1434 году его уважаемая супруга Маргарита родила ему первенца — сына Филиппа, названного так в честь Филиппа Доброго. Герцог, любивший и высоко ценивший своего придворного художника, стал крестным малыша и подарил счастливому отцу в честь этого радостного события шесть серебряных кубков. Позже Маргарита родила Яну еще девять детишек.

30-е годы — годы творческого расцвета. Рождается один шедевр за другим, и среди них есть поистине революционные для европейской живописи работы. Тут и "Мадонна каноника Ван дер Пале", "Мадонна из Инс Холла", "Человек в тюрбане", "Мадонна с младенцем" и многие другие. Но из них всех, пожалуй, особенно выделяется портрет четы Арнольфини, написанный в 1434 году. Это первый в истории европейского искусства парный портрет. Ван Эйк изобразил преуспевающего итальянского купца Джованни Арнольфини, представлявшего в Брюгге

Праведные судьи (слева) и рыцари Креста (справа). (деталь Гентского алтаря)

интересы торгового дома Медичи. В его образе — все то, что необходимо для успеха делового человека в любом веке: целеустремленность, скрытность, честолюбие. Молодая жена Арнольфини Джованна Ченами — беременная, вся в ожидании, в зеленом платье (зеленый цвет всегда ассоциировался с плодородием), наоборот, нежна, покорна, и полностью подчинена своему суровому супругу. Картина проникнута лиризмом и любовью — ведь мы видим персонажей в торжественную минуту принесения клятвы супружеской верности, во время церемонии "домашнего обручения", которая была распространена в тогдашней Голландии и приравнивалась по значимости к церковному обряду. В зеркале, позволяющем художнику углубить пространство картины, отражаются спины супругов и еще два человека — свидетели обручения. Возможно, один из них — ван Эйк. Эта картина насыщена символами: апельсин (в Северной Европе во времена ван Эйка эти оранжевые плоды были экзотической роскошью) предвещает радости супружества и указывает на итальянское происхождение четы; туфли (кстати, такие туфли позволяли себе носить только весьма небедные люди) и щенок — супружескую верность, четки — свидетельствуют о благочестии Арнольфини; статуэтка святой Маргариты говорит о благополучности скорых родов; горящая свеча в люстре — о святыми ритуала и присутствии Святого Духа; а чистейшее зеркало — о чистоте душ.

Эта картина Ван Эйка, как никакая другая, породила невероятное множество толкований. А совсем недавно возникло и еще одно — все узрели поразительное сходство нынешнего Президента России Путина и купца Арнольфини. И тогда ван Эйку приписали способность к пророчеству, назвав его фламандским Ноstrадамусом...

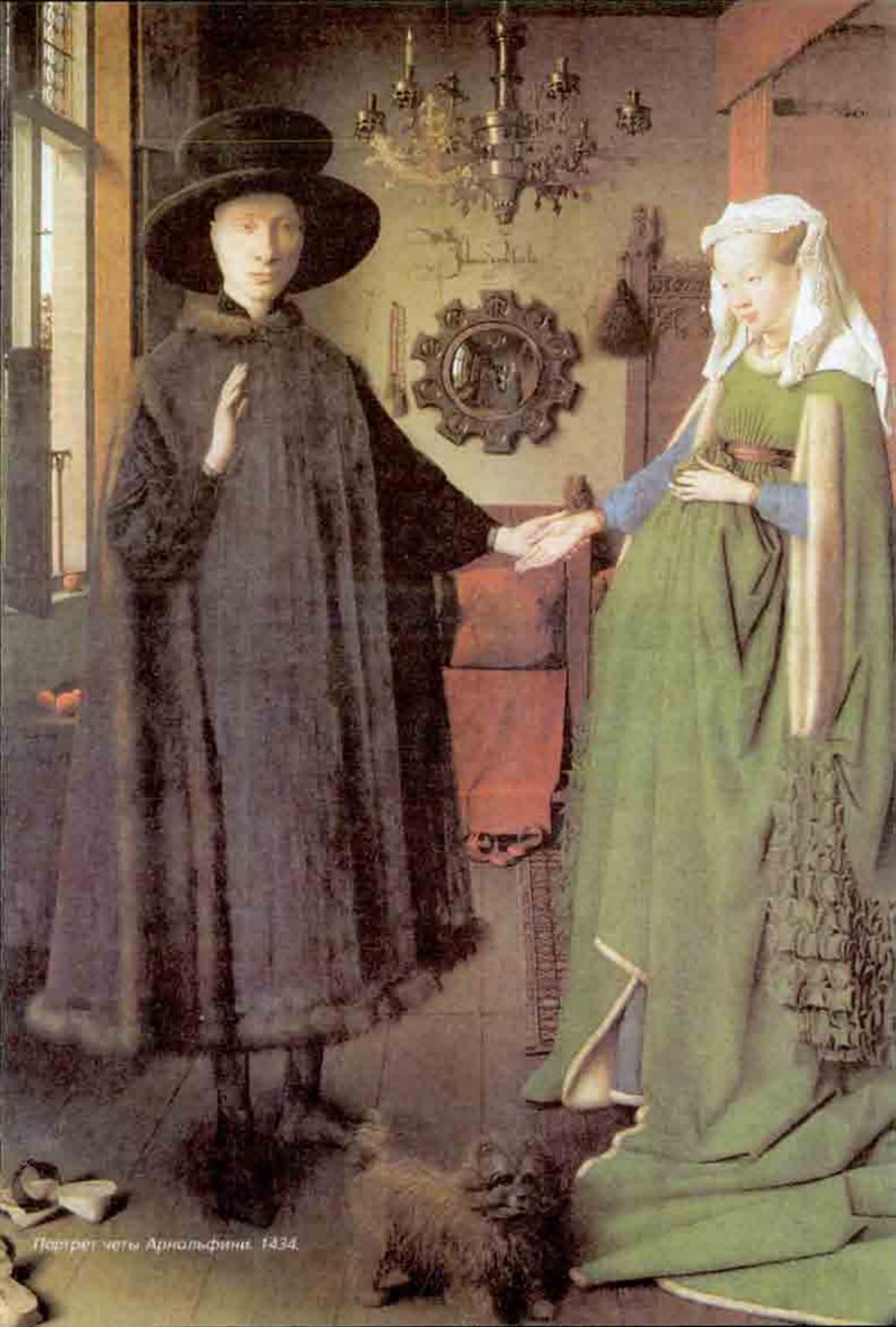
Среди замечательных работ ван Эйка тех лет и алтарная композиция "Мадонна канцлера Ролена". Канцлер Ролен был довольно примечательной личностью. В 1408 году он поступил на службу к герцогу Бургундии Иоанну Безстрашному. Видно, он приобрел безупречную репутацию, поскольку после смерти Иоанна его сын Филипп Добрый произвел Ролена в канцлеры. Сей пост Ролен занимал почти сорок лет и, наверное, извлек все выгоды из своего положения, сколотив огромное состояние. Но он умел делиться, а посему много денег вкладывал в строительство города, в поддержку художников, на богоугодные дела. Эту картину он заказал ван Эйку в 1431 году для семейной усыпальницы Роленов в родном городе канцлера Отоне (теперь город находится на территории Франции). На картине советник Иоанна Безстрашного и Филиппа Доброго Николас Ролен в благоговении преклонил колено

Мужчина с гвоздикой. 1435.

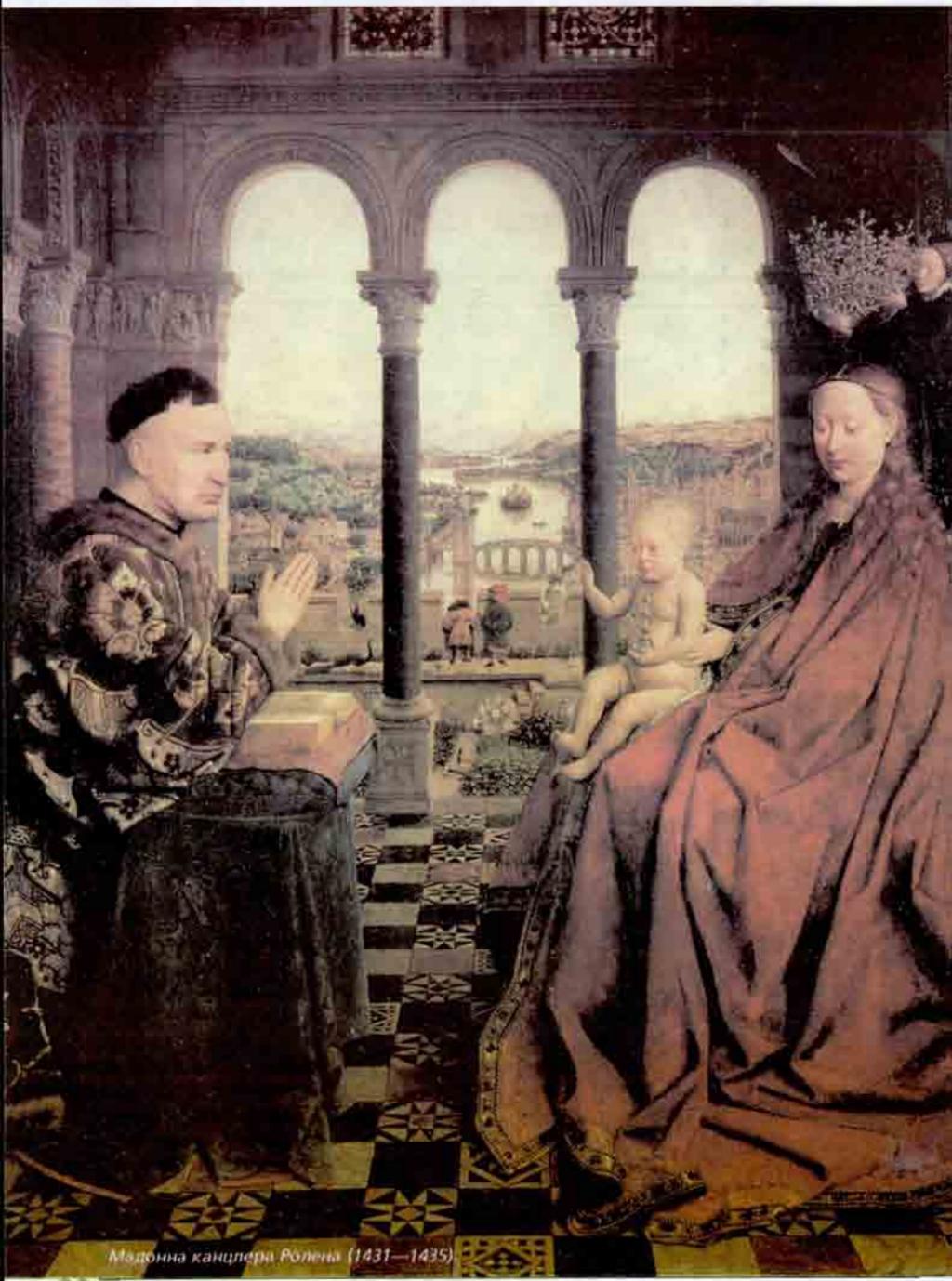

ни перед Богоматерью и Младенцем. И здесь, как и на всех картинах ван Эйка, множество символов. Тройная арка обозначает христианскую Троицу; в руках у Младенца увенчанная крестом держава — знак того, что очень скоро Иисус станет Спасителем мира; лилии в саду — символ непорочности и чистоты Богоматери. Главная идея картины — единство земного и Небесного, человеческого и Божественного миров...

В Брюгге художник жил спокойной, оседлой жизнью. Правда, это спокойное существование однажды было нарушено — герцог снова отправил ван Эйка с оче-

Портрет четы Арнольфини. 1434.

Мадонна канцлера Ролена (1431—1435)

Пророк Михей
(деталь Гентского алтаря).

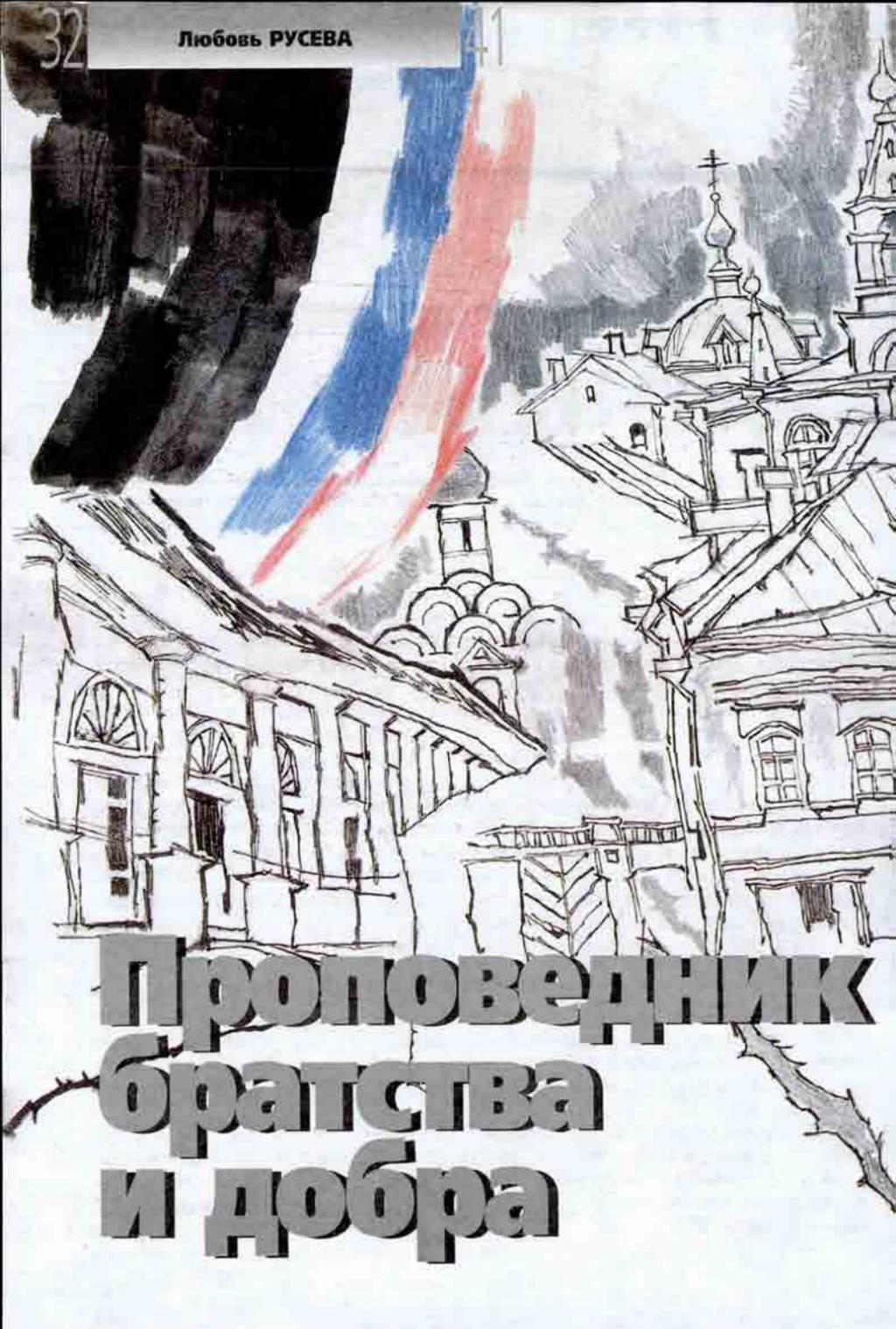

редной секретной миссией — и на сей раз довольно далеко. Ученые полагают, что художник поехал на Святую Землю, в Иерусалим. Однако, это лишь предположение — миссию настолько засекретили, что до сих пор ее подробности остаются тайной.

Почти всю свою жизнь Ян ван Эйк провел рядом с Филиппом. Наверняка он участвовал в подготовке праздников, которые так любили при дворе бургундского герцога, придумывал костюмы, сценарии представлений, декорации. Возможно, украшал блюда, подаваемые на стол, когда герцог принимал особенно важных гостей. Такого рода вещам в те времена придавали огромное значение — поразить приглашенных иностранных монархов или их послов пышностью и богатством своего двора было невероятно важно для каждого европейского правителя. Ведь потом именно по роскоши приемов будут судить о его могуществе... Такие задания приходилось выполнять многим художникам того времени, и даже Леонардо да Винчи участвовал в организации празднеств своих покровителей — миланского герцога Сфорца и французского короля Франциска I. Скорее всего, у ван Эйка была мастерская, в которой рядом с мастером работали и ученики. Ужасно обидно, что так мало достоверных сведений о жизни художника и его личности дошло до нашего времени, но вот имя одного из его учеников известно — им был Петрус Кристос. Один из самых значительных художников Фландрьи XV века, он умер в 1476 году и в полной мере испытал влияние ван Эйка.

Ян ван Эйк ушел из жизни в Брюгге, в июне 1441 года. Похоронили его "в ограде" церкви святого Доната, взметнувшей свой шпиль недалеко от его дома. Прошел год, и брат художника попросил герцога позволить перезахоронить прах ван Эйка внутри церкви, на что и получил высочайшее согласие. Это была большая честь — в церкви Доната хоронили самых известных и самых уважаемых граждан Брюгге. Филипп оказался внимателен не только к памяти художника-дипломата, но и к его семье — он назначил весьма приличное пожизненное содержание Маргарите ван Эйк.

На всех полотнах Ян ван Эйк оставлял свой девиз — "Как умею". И в этих словах — смиренье, но и удивительное достоинство, гордость и понимание своего дара. А даром он владел уникальным — видеть прекрасное в мире и создавать его в своем творчестве. Его искусство никогда не потеряет свою прелест и актуальность, оно — навсегда.

Проповедник братьства и добра

иллюстрация Геннадия Новожилова

— Вы увидите очень умного и престранного человека. В нем сходятся все возможные противоположности. Он — прекрасный математик, даже астроном, и в то же время бредит Шекспиром и Гете, калязинский землевладелец, популярный в своей округе, ходит там в народном костюме, играет у себя вместе с крестьянами на сцене, а потом углубляется с Шеллингом в дебри абстрактности; славянофил по многим мнениям и по дружеским связям, но радуется каждому успеху европейского прогресса, с интересом следит за самыми смелыми направлениями в науке и жизни...

Так напутствовали Алексея Николаевича Веселовского на встречу с одним из самых замечательных людей второй половины XIX столетия. «Но действительность превзошла ожидания», — вспоминает профессор. — Слишком очевидно было, что такой человек не может тешиться игрою противоречий иисканием возбуждающих впечатлений... У этого человека есть своя, глубоко им продуманная и дорогая ему мысль. До ее осуществления безмерно далеко; идеальный строй жизни... в котором личное примиряется с общим... Перед его верой в идею смолкает холодное слово сомнения или житейской мудрости. С такими людьми не станешь спорить, а только порадуешься, что они есть между нами».

В истории нашей культуры и в становлении национальной идеи видное место занимает «московский король Лир», «последний могикан 40-х годов», «идеалист чистой воды» Сергей Андреевич Юрьев. Ученый, мыслитель, публицист, писатель и общественный деятель являлся на протяжении трех с половиной десятилетий «лучшим украшением интеллигентской Москвы». Блестящий оратор отличался толерантностью и в разгоревшейся идеиной «войне» стал объединяющим началом. Юрьев считал, что идеологические и теоретические разногласия, неизбежные в обществе, не должны приводить к конфронтации, он искренне верил в возможность единения разных партий на почве общих гуманных идеалов.

Солнышко, спрятавшись за холмы, бросило на купола Златоглавой прощаль-ные лучи. Но вскоре и те, поиграв многоцветием, потухли. Вот-вот опустятся сумерки, и на уличных столбах патриархального города зажгутся керосиновые фонари. В этот морозный предсумрачный час москвичи при виде всадника шарахались. Причина страха крылась не в наезднике, а в сопровождавшей его свирепой русской овчарке, чьи спутанные лохмы ниспадали чуть ли не до земли.

Всадник спешился у подъезда дома, что на углу Садовой и 4-й Мещанской, и, как всегда, привязал лошадь к фонарному столбу. Во дворе звенел смех детворы, малышня с визгом скатывалась с горки и только, было, принялась играть в снежки, как увидела знакомый темный полушибок. И что за привычка наведываться к деду как раз в разгар игры?

— Опять приехал этот противный Толстой со своей собакой, — заворчали раздосадованные дети, уходя в дом.

Приезжая на зиму из Ясной Поляны в Москву, Лев Николаевич постоянно посещал Юрьева. Сергея Андреевича радовали частые визиты близкого друга, чегоСОЛЬЗЯ было сказать о его внуках. Любимая собака графа каждый раз увязывалась за хозяином, и во избежание инцидентов с прохожими ее приходилось загонять во двор.

Толстой сразу же отправлялся в кабинет, откуда до позднего вечера доносились глухой голос гостя и зычный бас хозяина. Импозантный высокий Юрьев сидел в кресле, грива его волос, зачесанных назад, открывала огромный лоб на большой голове. Длинная седая борода, точно жабо, спадала на неизменный

черный сюртук, постепенно покрывавшийся пеплом от беспрестанного курения во время беседы. Толстой, по своему обыкновению, расхаживал по комнате быстрыми мелкими шагами.

В этот вечер горячий спор завязался по поводу волновавшей Льва Николаевича идеи "непротивления злу". Юрьев доказывал ее утопичность.

— Что, если б на вашу дочь напал какой-нибудь негодяй и пытался на ваших глазах изнасиловать ее? — прогремел зычный бас хозяина. — Что же, вы и тут не стали бы противиться злу?

Толстой остановился и снова зашагал.

— В каждом человеке, каким бы он ни был злодеем, всегда заложены добрые начала, надо только умело подойти к нему и пробудить эти добрые чувства, дав ему понять, что на него не смотрят уж так безнадежно. Нужно относиться к человеку с доверием, тогда в нем проснется совесть и заговорит порядочность.

— Я не отрицаю по существу эту теорию, но обстоятельства бывают разные. В приведенном мной примере я не вижу возможности внезапного воздействия.

После долгого спора Лев Николаевич, наконец, уступил и к первоначальной формуле "не противиться злу" прибавил: "насилием". Так выкристаллизовалось толстовское "непротивление злу насилием".

"Последний могикан 40-х годов" родился в 1821 году в Тверской губернии, в имении своего отца. Образование он получил в Московском дворянском институте, а затем в Московском университете на математическом факультете. После его окончания Сергей Андреевич служил чиновником особых поручений при тверском губернаторе, а в 1853 году получил место астронома-наблюдателя при обсерватории Московского университета. В "Математическом сборнике" появились его работы "О солнечной системе".

Мировоззрение Сергея Андреевича сложилось в славянофильских кружках. Считая, что у России особый исторический путь развития, он не находил нужным откращиваться от западноевропейской цивилизации. Сторонник "хорового начала" в общественной жизни Юрьев твердил, что в этом "хоре" должен быть слышен каждый отдельный голос, и в то же время все голоса должны сливаться в одно гармоническое целое. Будучи искренно верующим человеком, он искал идеал церковного строя не в византийских традициях, а в демократической общине первых веков христианства.

Научную карьеру талантливого ученого прервало резкое ухудшение зрения. Юрьев отправляется в заграничное путешествие, во время которого он посещал немецкие и французские университеты. Вернувшись, Сергей Андреевич увлеченно занялся просвещением: основал в своем имении народное училище, устроил крестьянский театр, гдеставил пьесы Островского и Писемского, а также народные сказки, переложенные им в драматическую форму. Но такому могикану необходимо огромное поле деятельности. Его эрудиция, энергия, уникальный ораторский дар требовали широкой аудитории.

Сергей Андреевич оказывал влияние на современников прежде всего своей личностью. В 1871 году у этого проповедника всеобщего братства, "вечных начал добра, правды, красоты и свободы" появилась трибуна — он стал издавать в Москве журнал "Беседа", на страницах которого могли печататься представители самых разнообразных эстетических, идеальных и философских направлений. Подобная толерантность Юрьева вызвала непонимание и раздражение со стороны славянофилов, которые восприняли его сотрудничество с петербургскими литераторами как отступничество. Задача "Беседы" — "содействовать подъему

философского духа... и распространению общечеловеческих сведений, изучению нашей народной жизни... без всякой предвзятой мысли, изучению жизни славянских народов... с судьбами которой неразрывно связана наша будущность, и сравнительному изучению нашей жизни с жизнью прочих европейских народов".

Не только программа и направленность журнала явились новым в нашей журналистике, но и нравственный климат в редакции. Молодым сотрудникам было легко и интересно работать с Юрьевым. Алексей Веселовский, ведший политическое обозрение и отдел иностранной литературы, писал: "Вольно дышалось в новом кружке, и прежде всего потому, что здесь никто не насиливал убеждений, не примучивал к обязательному credo. Если в главных чертах сотрудник был согласен с направлением и знал, что, идя разными путями, можно прийти к одной и той же цели, — самостоятельность его личного оттенка оставалась неприкосновенною".

Нападки со стороны своего "лагеря" не поколебали редактора, и желающих печататься на страницах "Беседы" становилось все больше. Но журнал в 1872 году закрыли. И "неисправимый идеалист" вторично меняет арену деятельности. Как раньше ему пришлось покинуть науку для журналистики, так теперь из публициста он становится драматургом. Театр — та же арена общественной деятельности, а сцена — та же кафедра. Первыми его героями становятся исторические личности, боровшиеся за свободу и независимость своего народа — Ян Жижка с его тaborитами и воспетый сербскими песнями Марко Кралевич.

Юрьев Россия обязана своим знакомством с испанской драматургией: он перевел пьесы Кальдерона и Лопе де Веги. Русский зритель увидел шекспировские "Короля Лира", "Антония и Клеопатру", "Макбета", "Сон в летнюю ночь"... Перевод "Короля Лира" Юрьев впервые прочел на квартире создательницы Пушкинского театра Анны Бренко. "Я себе представить короля Лира не могу иначе, чем в лице Сергея Андреевича. Это был действительно сам король Лир, каким его написал Шекспир и каким он нам представляется. Еще раз я видела такой же верный образ в исполнении артиста России".

Юрьев считал, что простой подстрочный перевод Шекспира или Лопе де Веги не донесет до современного зрителя красоту и величие мастеров прошлого, и он становится их талантливым "соавтором". О работе над "Звездой Севильи" писал его племянник Юрий Михайлович: "Сначала он ограничился ее переводом. Но потом ему показалось, что все же целая пропасть лежит между нами и тем народом, ярким выражителем которого является Лопе де Вега... И все, что было в свое время ценно, велико и значительно, — поставлено в такие чуждые нам условия, что оно перестает нас волновать. А как заманчиво приблизить к нашей жизни все, чем богата эта трагедия: чувство долга, чести, стойкости, непреклонной воли!"

Постановка Малым театром "Звезды Севильи" произвела эффект "неожиданно разорвавшейся бомбы", успех был чрезвычайный. Но еще за 10 лет до этого события перевод Юрьева "Овечьего источника" Лопе де Веги привел к рождению гениальной актрисы.

Дочь супфлера-виртуоза Малого театра Николая Алексеевича Ермолова училась в балетном классе Московского театрального училища. Балерины из девочки не получилось — не было таланта, зато была тяга к драматической сцене.

¹Юрьев Ю.М. — знаменитый актер, один из создателей Большого драматического театра (БДТ), руководитель Академического театра (бывшая Александринка).

Отец Марии иногда играл в водевилях, он и дал дочери ее первую роль в свой бенефис. Тринадцатилетняя Ермолова осталась незамеченной.

Спустя четыре года знаменитая актриса Надежда Михайловна Медведева предложила ей участвовать в своем бенефисе вместо заболевшей Федотовой. На этот раз это была не маленькая роль девочки-кокетки, а главная, трагическая, соответствующая ее темпераменту и амплуа — Мария Николаевна играла Эмилию Галотти. Успех был огромный, и Ермолову вскоре приняли в труппу. Однако на протяжении почти шести лет играть пришлось в пьесах, совершенно чуждых ее дарованию. Постепенно сложилось мнение о бесталанности, стали поговаривать об исключении ее из театра. Мало кто верил в Ермолову, но среди них был Юрьев.

В 1876 году Марии Николаевне разрешили первый бенефис, для которого Сергей Андреевич выбрал "Овечий источник" и сам же его перевел. Пьеса чрезвычайно понравилась актерам и дирекции, но, не веря в талант Ермоловой, Юрьев упрекали за то, что он губит сильное произведение, отдавая главную роль несостоявшейся актрисе. И самым ярым противником оказался талантливейший Сергей Васильевич Шумской, пользовавшийся большим авторитетом в театре. Он наотрез отказался играть с ней. Юрьев не раз ездил к нему домой, пока не уломал актера.

Чувствуя громадный талант в Марии Николаевне, Сергей Андреевич старался внушить ей веру в себя, но этому мало способствовала атмосфера репетиций. Саркастические улыбки, недружелюбные взгляды труппы и постоянные выкрики Шумского: "Дура!" "Бездарность!" В противовес выдающемуся актеру Юрьев как "Отче наш" твердил бенефициантке:

— Героический энтузиазм Лауренсии как нельзя более совпадает с основной чертой вашей артистической природы. Данная роль приведет к завоеванию прочного положения на сцене.

Сергей Андреевич присутствовал на всех репетициях и неотлучно находился при молодой актрисе, не давая ей окончательно пасть духом. Он постоянно давал ей советы, делал замечания, которые, по признанию самой Ермоловой, оставили в ней большой след и помогли определить ее литературные симпатии и вкусы. Наконец наступил вечер бенефиса. Он состоялся 1 марта 1876 года.

— У меня ничего не выйдет, — лихорадило Ермолову за кулисами перед последним выходом, — я не сумею произнести этого монолога.

— Машенька, ради Бога, успокойтесь. Все у вас получится.

— Сергей Андреевич, голубчик, позвольте мне выкинуть слова, которые мне никак не даются. Они мне настолько мешают, что я из-за них погублю весь монолог.

— Разумеется, уж коль так, то выброси их.

Актриса вышла на сцену, а Сергей Андреевич в волнении слушал из-за кулис монолог.

— И вдруг я слышу, — рассказывал потом Юрьев, — как те слова, которые, по ее мнению, мешали ей, и которые она только что умоляла дать ей возможность не произносить, вырываются у нее с такою силой и непосредственностью, что ими-то она более всего и захватывает публику!

Зал взорвался не овациями — это была настоящая буря. Такого давно не видела сцена Малого театра. Кто был в этот вечер более счастлив — Ермолова или Юрьев — трудно сказать. Сергей Андреевич умел радоваться успехам и счастью других.

Об этом бенефисе и особенно монологе писала и пресса, и ученыe. "Монолог, с которым обращается она к толпе, написан с чрезвычайной силой, и М.Н.

Ермолова, игравшая Лауренсию, произносила его потрясающим образом. По всей зрительной зале пробежал электрический ток, всем сообщалось сильнейшее возбуждение; зритель, дрожавший, как в лихорадке, кажется, готов был сорваться со своего места, побежать за этой девушкой-героинею и отомстить за ее поруганную честь, за попранную свободу "Овечьего источника".

О большом историческом событии в жизни русского театра — появлении великой актрисы — вспоминал в 1905 году профессор Московского университета Николай Ильич Стороженко: "Бывшим на этом спектакле до сих пор памятно то глубокое, потрясающее впечатление, которое произвели и пьеса, и игра Марии Николаевны в роли Лауренсии... когда Лауренсия бледная, с распущенными волосами, дрожащая от стыда и негодования прибегает на площадь и сильной речью возбуждает народ к восстанию против губернатора, восторг публики дошел до энтузиазма... Словно электрическая цепь соединила на этот раз сердце артистки с сердцами тысячи зрителей, и они сливались с ней в одном чувстве".

Предсказания Юрьева сбылись: роль Лауренсии укрепила положение Марии Николаевны в театре, на нее другими глазами стали смотреть не только режиссеры и пресса... Отныне Ермолова стала Ермоловой.

Сергей Андреевич страстно любил театр и был по-настоящему счастлив, когда появлялись новые таланты, интересные спектакли или на гастроли приезжала европейская знаменитость. Приезд выдающегося немецкого актера Людвига Барная (создателя и директора Берлинского Театра) стал для него настоящим праздником.

Именно во время гастролей любимого актера Юрьева в гости к нему пожаловал друг детства Салтыков, который родился в семи верстах от села Воскресенское — родины Юрьева. Они вместе учились в школе, Дворянском институте в Москве, и на всю жизнь сохранили необыкновенное теплое отношение друг к другу. Когда после кончины Сергея Андреевича друзья готовили издание в его память, Веселовский просил Щедрина написать воспоминания, тот отказался изза немощности своей.

— Вероятно, у вас немало было курьезных педагогов, — поинтересовался Алексей Николаевич, — ведь старая школа была полна оригиналами.

— Да теперь таких уже не бывает — небритье, вечно пьяные, ходили в фризовых шинелях.

И сатирик представил в лицах картинку из их школы. На Веселовского пахнуло стариной, с допотопными учителями, битьем линейками по рукам, надеванием колпака с огромными ушами. "Героем рассказа был учитель русской словесности Суринов, никогда не являвшийся в класс в трезвом состоянии и не замечавший, что во время урока ученики чуть не на головах ходили. Но вот однажды шум стал до того оглушительным, что он решил положить ему предел. На самой дальней скамейке увидел он Юрьева в рукопашной схватке со своим соседом и, чтобы застичь его врасплох, устремился к нему, шагая прямо по классным столам, выволок Юрьева на середину комнаты, поставил на колени и украсил его голову страшным колпаком".

В тот приезд Михаил Евграфович жаловался на свою судьбу, на нездоровье, на царящую всеобщую скучу, на непривлекательность жизни, в которой он не видит никакого просвета. Сергей Андреевич, веривший в прогресс всего человечества, в ответ пустился в рассуждения о силе творческой энергии и любимом трагике.

— Как благотворно действуют на наши души яркие выдающиеся таланты. Они обновляют наши силы, освежают нас и не дают окончательно уснуть теп-

ляющейся внутри нас надежде. Барнай, олицетворяя сценические образы с их страстями и борьбой, является той движущей силой, которая живо свидетельствует о том, какие великие возможности таятся в человеке и на что он способен.

— Ты неисправим! Каким ты был в юношеские дни, таким и остался... Завидую... У тебя счастливый характер, иная натура, чем у меня. Ты воспринимаешь все окружающее по-иному и, несмотря ни на что, находишь себе какие-то утешения. Что касается меня, то я, по обыкновению, хандрю. Тебя хоть Барнай интересует, а у меня и этого удовольствия нет.

Гастроли выдающегося актера закончились, и Юрьев на прощание устроил у себя большой ужин, пригласив много интересных людей из литературного и артистического мира. Вечер удался на славу, но "королю Лири", чрезвычайно волновавшемуся, все казалось, что что-то не ладится, слишком официально и натянуто. Сергей Андреевич испереживался настолько, что после ужина подошел к профессору Стороженко.

— Как здесь скучно! Уедемте скорее отсюда! — совсем забыв, что он сам является хозяином дома.

Барнай обожал Юрьева и, уезжая, подарил ему множество своих фотографий. Как-то впоследствии Сергей Андреевич неосторожно пообещал своему племяннику подарить одну из них. Он долго перебирал свою коллекцию, каждой карточкой любовался, не зная, с какой ему рассстаться.

— Постой, постой... Я сейчас тебе выберу... Вот эту не могу, видишь, она с надписью... Вот эта — тоже с надписью... А эта... Нет, и эту не могу: единственная карточка в этой роли... Знаешь, Юра, — наконец, нашел выход Юрьев, — я тебе дам его визитную карточку... Вот она... Все-таки будет память у тебя.

Сергей Андреевич обладал уникальным даром любить людей, и это чувствовал каждый, кто с ним сталкивался по жизни. К нему тянулись все, независимо от возраста и мировоззрения. Он привлекал к себе искренностью и энтузиазмом, юношеским мироощущением и редкой мудростью. Особенно любила "молодого старца" с внешностью короля Лира молодежь, среди которой он чувствовал себя "своим".

"Появляясь среди нас, молодых, — писал Юрий Михайлович Юрьев, — он никогда не вносил какого-либо диссонанса. В нем и в помине ничего не было от "пророка-вещателя". Был интересный, сдержанный, с большой эрудицией, полный глубины собеседник, живший одними интересами со всеми нами. Слушаешь его, бывало, и удивляешься, каким образом в таком старце концентрируется столько жизненных запасов, столько интереса к запросам жизни, столько свежести мысли и упования!"

1880 год знаменателен для Юрьева двумя крупнейшими событиями в жизни России, "виновником" которых он был. В этом году Сергей Андреевич основал "Русскую мысль", сыгравшую выдающуюся роль в общественной и культурной жизни страны. Это был один из лучших ежемесячных журналов нашего Отечества. Он сразу же стал самым читаемым в России: число подписчиков доходило до 13 000.

Редактором "Русской мысли" Юрьев был до 1885 года, но определял ее политику до своей кончины. Он придал журналу своеобразный славянофильский характер с мистическим поклонением свободе слова и совести, общенному на-чалу, великим нравственным качествам "русско-славянского племени". И опять же, главный принцип — толерантность, которую "Русская мысль" не утратила и

после смерти своего создателя. Здесь печатались писатели и ученые разных школ и направлений, журналисты разной политической ориентации.

Особенностью "Русской мысли" являлось отдельное приложение — "Библиографический отдел", в котором систематически сообщалось обо всех главных новинках русской книжной и журнальной литературы. В "Научном обозрении" помещались обзоры по разным отделам науки, написанные известными специалистами (как отечественными, так и западноевропейскими), а в "Современном искусстве" сообщалось о театральных и художественных новинках.

В "Русской мысли", как в зеркале, отражалась личность ее основателя. По воспоминаниям современников, Сергея Андреевича волновало все, что происходило в любой сфере жизни: будь то политика, наука, искусство. Он увлекательно и горячо обсуждал каждое явление. Писал Юрьев не много, но много блестящие ораторствовал. Авторитет Сергея Андреевича был столь высок, что его захотели выбрать в члены Общества российской словесности. По положению прежде избрания наводили справки о том, что написал кандидат. В данном случае при обсуждении кандидатуры Юрьева Писемский, любивший его, восхликал:

— Что вы мне говорите — написал? Да он наговорил о литературе больше всех нас!

В 1880 году в Москве открыли памятник Александру Сергеевичу Пушкину, и благодаря исключительно Юрьеву (он был председателем общества по организации праздника), это стало крупнейшим национальным событием, блестящим торжеством отечественной словесности, всероссийским съездом писателей.

"В нем чувствовалась и мощь, и сила, — вспоминала Анна Бренко. — И вместе с тем необычная обаятельная снисходительность, и доброта. Когда он только входил на крыльцо дома, вы уже слышали этот зычный громовой голос, не отрывистый, но мягкий. Сергей Андреевич шел и уже говорил, что он зашел только на минутку навестить. Проходит час, два, три, и Сергей Андреевич говорил опять, что уходит, но никуда не двигался. Обыкновенно, когда он приходил, я уговаривала его оставаться обедать. Он отказывался, но за интересным своим разговором он уже этого не помнил, и наступал поздний вечерний час, когда он, опомнившись, говорил:

— Ах, как я засиделся. — А речь продолжалась об Элладе, о Шекспире, об испанских поэтах... Говорилось в красочных словах о классических древностях. Все это было так интересно, что мы тоже забывались и заслушивались этими речами.

Наконец, часа в два ночи, когда уже везде погасли огни, голос Сергея Андреевича раздавался еще на крыльце задолго до его ухода. И вы, как будто освещенный этими речами, успокоенный, провожали дорого гостя".

О том, как приезжал в гости и уезжал оттуда Сергей Андреевич и как долго звучал его голос у парадной, вспоминают многие современники. Юрьев стеснялся своей близорукости и, входя в комнату, всегда на всякий случай раскланивался налево и направо, приговаривая: "Виноват-с... Ах-с, виноват". Зачастую он это проделывал в совершенно пустой гостиной перед мебелью.

Собираясь домой, Сергей Андреевич часами возился в передней, надевая свою огромную енотовую шубу, он продолжал вещать, не умолкая, искал свою шапку, палку, калоши... Наконец, когда они находились, он извинялся, благодарили всех: хозяев, прислугу, гостей, уходящих вместе с ним. Ну а у подъезда проходило то, о чем писала Бренко: часовые лекции на тему добра и роли искусства в обществе.

Чрезвычайная рассеянность "короля Лира" часто приводила к курьезам. Он мог позвонить, например, в двери собственного дома, но прислуга, не ожидавшая столь скорого его возвращения, двери не открыла, а сообщила:

— Барина нет дома.

"Нет так нет, делать нечего, в другой раз приеду" — и Юрьев садится на извозчика, уезжает. Правда, спустя некоторое время он спохватился. По рассеянности Сергей Андреевич однажды, уходя из гостей, пытался вместо меховой шапки "надеть" на голову... кошку!

Но эта анекдотическая рассеянность исчезала, когда дело касалось других людей. Здесь его память сбоев не давала. Юрьев никогда не забывал поздравить человека с радостным событием и чрезвычайно был чуток к чужому горю.

С благодарностью вспоминает его поддержку Анна Бренко, когда она лишилась своего детища — "Пушкинского театра". "В то время... я буквально чувствовала свое собственное уничтожение — нравственное и гражданское. Я страшно страдала. И никто другой, кроме Сергея Андреевича, меня не мог и не желал утешить, облегчить мои страдания. Он часто приходил меня навещать, облегчал мое горе своими взглядами на вещи и красноречивым сочувствием к чужому, несправедливо обрушившемуся несчастью. А взгляды его были настолько толерантны, что несправедливая обида в душе моей утихала. Я и теперь, на старости лет, всегда вспоминаю, как какую-то лучезарную полоску, знакомство с Сергеем Андреевичем. Он все понимал, все оправдывал и все оценивал. И мирна, и велика была душа его. Велик был и образ, который он давал в "Короле Лире".

Последние годы жизни Сергей Андреевич Юрьев всего себя посвящал развитию театрального искусства. Уже болезнь вселилась в организм, а он продолжал жить интересами театра. По дороге в немецкий театр, где давали "Медею", "молодой" старец потерял сознание. Вознице едва удалось привести его в чувства.

— Куда же теперь везти вас, барин?

— В театр.

Последний раз побывал в театре московский король Лир, а лебединой песней его стала речь на открытии "Драматических курсов" при Театральной школе. Он дожил до осуществления своей мечты, которую долго пропагандировал, и с любовью читал курс Теории драмы.

В последние дни врачи не разрешали близким и друзьям разговаривать с больным. Юрьев же, несмотря на тяжелую форму пневмонии, не умолкая проповедовал, и последние слова к родным были о любви к людям, он просил их помнить, что братство всеобщее — не утопия, оно непременно когда-нибудь наступит.

"Кончина Сергея Андреевича отняла у каждого из нас, его знатных, умного, горячо нас любившего, горячо нами любимого старого деда, — писал Александр Иванович Сумбатов-Югин. — Он рассказывал нам днем и ночью светлые сказки о том, что есть мир добра и правды, что были и теперь еще живут храбрые паладины долга и бросают эти паладины свои железные перчатки с вызовом колдунам, чародеям и людоедам. Слушаешь, бывало, эти сказки, в которых, пожалуй, больше правды и смысла, чем во многом из того, что бесспорно существует, — слушаешь-слушашь, да и станут из глубины души подниматься давно заглохшие чувства... Под обаянием увлекательной речи старого деда звучат лучшие наши струны и все громче гремят в них вечные песни. Умер наш старый дед, замолкли светлые речи, затихли чудесные звуки, вливавшие в нас бодрость и силу восторга".

Одинокая волчица

иллюстрация Алексея Островецкого

Окончание. Начало в № 7, 2005 г.

Глава двенадцатая. Цирк на кладбище

Лев Валерьянович примчался в особняк Императрицы через час после того, как она позвонила. Ранний утренний звонок Льва не потревожил — он давно спал не больше четырех-пяти часов в сутки, а после шести утра вообще не спал. Если его что-то и поразило в этой ситуации, то лишь волнение, которое он испытал, услышав голос Ирины в телефонной трубке. Новость же, которую она сообщила, была скорее приятной, нежели скорбной. Для Льва Валерьяновича, разумеется.

— Дорогая моя, — пророкотал он в телефонную трубку, хоть и не сразу, но разобрав, что происходит. — Прежде всего, успокойтесь. Нервы вам еще пригодятся. Я сейчас же выезжаю и буду с вами столько, сколько потребуется.

Пока Лев собирался, пока ехал уже знакомой дорогой в поместье Попугая, ему хоть и не без труда, но удалось взять себя в руки.

Машина плавно притормозила перед глухими воротами поместья Попугая, и Лев внутренне подобрался. Теперь главное — найти верный тон в первом разговоре с Ириной, от этого многое зависит, то есть практически все. Не пережать с предложениями поддержки и помощи, но и не переборщить с равнодушием и незаинтересованностью. Дать понять, что молодая вдова ему отнюдь не безразлична, но не навязываться в качестве друга жизни и сердца.

Минувшая неизбежную процедуру проверки бдительной охраной, Лев Валерьянович почти взбежал по ступеням ко входной двери, но осадил себя и в гостиную. Лев Валерьянович даже не вошел — вплыл, утвердив на лице приличествующую случаю мину: почти скорбную, но скорее — задумчиво-печальную. Мол, все мы там будем, причем скорее рано, чем поздно...

Но когда в комнату вошла Ирина, Лев Валерьянович ощутил столь мощный выброс адреналина в кровь, что чуть было не вышел из тщательно сделанного образа. Женщина была не просто красива — возмутительно хороша: неподкрашенная, с припухшими глазами, она словно помолодела лет на пять, а небрежность во внешности наводила на мысль о том, что ночь была... скажем так, бурной. Но — приятной.

— Иринушка! — пророкотал Лев Валерьянович, склоняясь над ее рукой. — Голубушка, какое несчастье! Сочувствую, всем сердцем сочувствую. Тем более, что и мне, наверное, тоже предстоит...

Ирина передернула плечами и утомленно прикрыла глаза.

— Надеюсь, что вы еще поживете, — прохладно проговорила она, усаживаясь в глубокое кресло. — Туда мы все успеем, нечего загадывать. Вы же не знаете... — Она осеклась, и прикусила губу и бросила на Льва Валерьяновича непонятный, короткий взгляд исподлобья.

— Я вообще ничего не знаю. Как это произошло? Когда?

— Ночью у него стало плохо с сердцем, — начала Ирина и снова словно осеклась.

— Иринушка, что вас гнетет? Геннадия... убили? Вам угрожают?

В этот момент горничная вкатила в комнату столик с кофе и какой-то едой. Ирина красноречиво показала на нее Льву Валерьяновичу глазами, взяла сигарету и неторопливо стала ее раскуривать, причем руки у нее отнюдь не дрожали. А для опытного человека это свидетельствовало об очень многом. Наконец они снова остались в комнате вдвоем: горничная вышла, плотно, но бесшумно притворив за собой тяжелую дверь.

— Отвечаю на вопросы по порядку, — спокойно начала Ирина. — Геннадий умер от разрыва аорты, так, во всяком случае, считают врачи. Мне не угрожают... пока. Но мне страшно.

— Почему? Или, точнее, чего?

— Не знаю. Страшно. До сих пор я жила... в общем, меня ничего не заботило. Обо мне заботились... иногда даже слишком. А теперь я думаю, что меня могут просто убить. Или похитить и пытать, чтобы я подписала какие-нибудь документы. Или похитить и потребовать выкуп...

— У кого потребовать, Иринушка? — мягко спросил Лев, постепенно успокаиваясь.

— У кого? — растерялась Ирина. — Ну-у... не знаю. Ах, какая разница! Мне страшно — вот и все.

— Вы напуганы, голубушка. Устали, перенервничали, провели бессонную ночь. А потом ведь я здесь, с вами. Прежде всего, чтобы освободить вас от заботы о всяких докучных мелочах. Предоставьте все мне и ни о чем не тревожьтесь. Скажите только: вы доверяете вашей охране?

Взгляд Ирины как-то странно метнулся в сторону.

— Я никого не знаю, — тихо ответила она. — Всем занимался муж. А теперь...

— Хорошо, оставим это. Я сам всем займусь. Только вызовите сюда начальника охраны и подтвердите ему мои полномочия. Потом я вам еще кое о чем расскажу — и пойдете, голубушка, отдохнуть. Договорились?

Вместо ответа Ирина нажала на кнопку, укрепленную внизу столешницы.

— Николая Дмитриевича сюда, — потребовала она у возникшего в дверях охранника.

Тот кивнул и исчез.

— Его я тоже боюсь, — бесцветным голосом продолжала Ирина. — Сегодня познакомилась с ним поближе и...

— Охране нужно доверять больше, чем себе, — попытался пошутить Лев. — Тем более, начальнику охраны. Я, например, своему почти верю. Познакомитесь с ним, поймете, почему.

— А я не знаю, насколько и кому муж доверял, — не приняла шутки Ирина. — Может быть, Босс как раз начальнику охраны и поручил меня следом за ним отправить, на тот свет. Чтобы в могиле не скучно лежать было.

Лев Валерьевич не успел среагировать на подобную догадку, в дверь чуть слышно постучали, и на пороге возник седовласый мужчина с явно военной выправкой.

— Звали, Ирина Феликсовна?

— Звала, Николай Дмитриевич. Хочу вас представить ближайшему другу моего мужа... покойного. Лев Валерьевич, вот, знакомьтесь. Задавайте любые вопросы. Давайте любые поручения. А я, как вы мне и советовали, постараюсь отдохнуть. Хотя бы несколько часов.

— Задержитесь еще на несколько секунд. Иринушка. Я хоть и друг Геннадия, царствие ему небесное, даже — душеприказчик, но ваше-то слово все равно решающее.

— А что я могу решить? — пожала плечами Ирина. — Даже не знаю... Похороны нужно организовать.

— Вы только скажите — как? С отпеванием? Только с гражданской панихидой?

— Решайте сами, как лучше. Мне все равно.

— Значит, так, Николай Дмитриевич, — решительно взял инициативу в свои руки Лев. — Договоритесь, голубчик, с ритуальным агентством, чтобы все по классу люкс. Отпевание обязательно, теперь без него даже бомжей не хоронят. Речи, кто хочет, скажет на кладбище, только проследите, чтобы никакой прессы близко не было. Поминки организуем в офисе, сюда лишних людей звать ни к чему, нам Ири-

ну Феликовсну теперь пуще глаза беречь нужно. Ну, что я вас учу, сами, небось, все знаете.

— Я пойду к себе, — поднялась из кресла Ирина. — Голова раскалывается, сил нет. Спасибо вам, Лев Валерьевич. Я не прощаюсь, не в последний раз видимся.

Она чуть заметно кивнула начальнику охраны и выскользнула из гостиной. Лев, заложив руки за спину, принял мерить комнату шагами из угла в угол, словно забыв о присутствии Николая Дмитриевича; но тот по-прежнему стоял, не шелохнувшись. Вдруг Лев круто повернулся на каблуках и вперил пронизывающий взгляд в начальника охраны:

— А теперь я хотел бы знать, что произошло на самом деле, — отрывисто сказал он. — Знаю, что информация конфиденциальная, следовательно, дорогая. Думаю, договоримся. Причем так, что никому больше вы эти сведения перепродавать не будете. Это понятно?

Николай Дмитриевич только молча наклонил голову. Лев достал из внутреннего кармана пиджака пачку банкнот и, не считая, протянул ему:

— Задаток. После похорон получите реквизиты своего счета в банке. Итак?

Два часа спустя Лев Валерьевич возвращался к себе, осмысливая полученную, точнее, купленную информацию, а также состояние финансовых дел покойного Босса. О "пикантных" моментах в кончине Попугая знает всего несколько человек, проболтаться теоретически никто не может.

Финансовые дела покойника, похоже, в идеальном порядке: готовился, небось, бедолага, не хотел, чтобы после него остались какие-то неясности. Дело поставлено широко, движется без сучка, без задоринки, Ирина надежно обеспечена. Но сама она, конечно, с такой машиной не справится, да и не нужно ей заниматься всеми этими глупостями. Самое дорогое из наследства Попугая — связи. Легальное прикрытие абсолютно нелегального бизнеса, приносящего сумасшедшие доходы. Отдавать все в слабые женские ручки? Да никогда в жизни!

Самое правильное — жениться на ней, причем как можно быстрее. Но как она сама отнесется к подобному проекту — вопрос. Деньгами ее облазнить уже невозможно. Можно только напугать, причем так, чтобы она сама попросилась под защиту.

Чем напугать? Инсценировать похищение, подержать пару дней в каком-нибудь подвале, потом торжественно освободить и пригласить под венец? Хлопотно, дорого и, наконец, глупо. Не дай бог, кто-нибудь догадается об инсценировке — всю оставшуюся жизнь откупаться придется. Довольно и того, что придется щедро платить этому самому начальнику охраны: уж слишком много он знает, причем рассказывает далеко не все. Умен, бестия, сведения выдает небольшими порциями. Убрать бы его — да ведь он профессионал, голыми руками не возьмешь...

Уже у себя, занимаясь повседневными неотложными делами, Лев Валерьевич продолжал обдумывать сложившуюся ситуацию. И выстраивать логическую цепочку, которая была необходима для дальнейших действий. Осенило его уже совсем поздно вечером, причем решение оказалось настолько простым и элегантным, что Лев даже прищекнул от удовольствия. Одним ходом он мог решить сразу две проблемы, а заодно расчистить себе поле деятельности.

— Николай Дмитриевич, — начал он без предисловий, когда на другом конце провода взяли трубку, — что-то мне тревожно. Предчувствия какие-то... Не смейтесь над стариком, лучше уж перебдеть... Об Ирине Феликовсне все думаю, об ее безопасности. Пока она дома, под вашим попечением, говорить не о чем. А послезавтра, на похоронах? Сами знаете, в нашей сумасшедшей стране...

— Вы предлагаете усилить охрану? — бесстрастно спросил Николай Дмитриевич. — Можно, только не вижу повода...

— А вы подумайте, голубчик, крепко подумайте. Ирина Феликовна стала хэзяйкой такого дела... За меньшие деньги убивали, не задумываясь. Возможно, я панкер, но что-то мне тревожно.

— Давайте так, Лев Валерьянович: я во время похорон от Ирины Феликовны ни на шаг не отойду, буду ее личным телохранителем. У меня муха незамеченной не пролетит. Я один лучше целого ОМОНа справлюсь.

— Вот и славно, голубчик, я же знал, что вы решение найдете. Не сердитесь на меня, старого, ладно? Похороны пройдут, мы с вами посидим, потолкуем о будущем. Договорились? Захватите, кстати, те документы, о которых мы с вами договаривались. Порешаем все срочные вопросы. Ладненько?

— Так точно! — по-военному ответил Николай Дмитриевич.

Босса хоронили на Ваганьковском кладбище, прочно вошедшем в официальный список подлежащих осмотру достопримечательностей столицы и занимающем третье место в негласном списке престижных некрополей. Хоронили не в начале кладбища, а на одной из первых аллей, где каким-то чудом сохранился деревоизделия изготавления склеп в виде чугунной беседки. Эту самую "беседку" несколько лет тому назад Босс лично оформил на себя в качестве места последнего упокоения, завещав со временем положить рядом с собой любимую жену.

Удобно откинувшись на мягкие подушки лимузина, Ирина думала о том, какой приятный вечер ее нынче ожидает: к полуночи приедет Музыкант с очередной порцией "тонизирующих веществ", бар в ее личных апартаментах заполнен красивыми бутылками до отказа, а безумно раздражавшую ее горничную накануне уволили. Вместо нее появилось существо среднего рода и среднего возраста, судя по поведению — немая. Умеет Николай Дмитриевич подбирать персонал, ничего не скажешь. Надо будет его поблагодарить как-нибудь.

При мысли о форме благодарности лицо Ирины слегка омрачилось. Наличных денег фактически не было, где их взять, она понятия не имела, а обаятельный Николай Дмитриевич в ответ на довольно прозрачный намек просто вынул из кармана пачку банкнот и сказал:

— Потом сочтемся, голубушка.

Ирина бросила из-под ресниц короткий взгляд в сторону переднего сиденья, где в обманчивой неподвижности застыл Николай Дмитриевич. За три дня он успел узять много, даже слишком много, так что выбирать не приходится. Убить его? Как? Нанять кого-нибудь? Она никого, кроме Музыканта, не знает, а он и без того не в восторге, что пришлось труту "подружки" вывозить.

Кстати, Музыкант первый сказал, что начальник охраны опасен. Нет, ну до чего подло все-таки устроена жизнь! Молодая, красивая, богатая вдова должна оглядываться при каждом своем шаге! Не-е-т, хватит с нее таких развлечений! Девять дней еще можно потерпеть, а потом нужно продать это самое "дело", положить денежки в какой-нибудь заграничный банк и жить в свое удовольствие подальше от России...

— Ирина Феликовна, — услышала она негромкий голос.

— Да?

— Я попрошу вас во время похорон держаться поближе ко мне. Не отходите ни на шаг.

— Вы что, ждете покушения на меня?

— У меня такая работа, — терпеливо пояснил ей Николай Дмитриевич. — Я отвечаю за вашу безопасность головой, в прямом и переносном смысле слова. Да и Лев Валерьянович обеспокоен...

— Чем? Ему, кажется, ничего не угрожает.

— А он не о себе волнуется, о вас. Просто ночи не спит.

— Бедняжка, — иронически отозвалась Ирина. — Небось, не знает, с какой стороны к богатой вдовушке подкатиться, вот сон и не идет.

Ирина осеклась и замолчала. Когда она отучится говорить то, что думает?

— Вы серьезно? — отозвался Николай Дмитриевич.

— У меня мысли путаются, — вполне естественно пожаловалась Ирина. — Никак не приду в себя после всего этого кошмара. И потом... я первый раз в жизни на похоронах.

— Успокойтесь, Ирина Феликсовна. Вы действительно измучены, у вас нервы на пределе. Вам нужно отдохнуть хотя бы неделю, таблеточки какие-нибудь попить, с подружкой поболтать. С другом пообщаться... Значит, прошу: будьте все время рядом со мной. Просто для подстраховки. Мои люди все держат под контролем, да и нечего вам опасаться. Прошу вас, Ирина Феликсовна.

Она молча кивнула, дождалась, пока он выйдет из машины и откроет ей дверцу, опустила на лицо полупрозрачную вуаль и медленно пошла ко входу в церковь. Краем глаза заметила, что народу собралось очень даже немало, причем случайных зевак среди них, судя по всему, нет. Интересно, неужели это все — представители того круга, к которому принадлежал Попугай?

Взгляд Ирины задержался на изображении какого-то святого, и ей показалось, что иконописный старец пристально ее рассматривает. Ощущение живого взгляда было настолько четким, что она невольно вздрогнула и сделала шаг в сторону. Но взгляд не отпускал ее, а сам святой словно бы тоже шелохнулся. Или это ей показалось из-за густых клубов ладанного дыма?

В следующее мгновение произошло сразу несколько событий, причем одинаково невероятных. Стоявший рядом с Ириной Николай Дмитриевич вдруг резко толкнул ее плечом в сторону, а сам, как подкошенный, упал навзничь, а во лбу у него появилась маленькая темная дырочка. Ирина услышала дикий, на невероятно высокой ноте, крик и поняла, что кричит она сама. Внезапно возникшая в церкви мертвая тишина быстро разорвалась от воплей ужаса, криков, началась беспорядочная беготня. Ирину подхватили чьи-то крепкие руки, и ее почти мгновенно вынесли из церкви...

Очнувшись, она не сразу поняла, где находится. Потом увидела, что полулежит на подушках своего лимузина, а над ней склонился встреможенный Лев Валерьянович и подносит к ее лицу остро пахнущий флакон.

— Очнулись, Иринушка? — ласково спросил он. — Слава Богу, с вами все в порядке.

— Мне показалось, — чуть слышно произнесла она.

— Вам не показалось, — помрачнел Лев. — Вас пытались убить. Николай Дмитриевич очень профессионально среагировал, иначе все могло быть скверно.

— А он...

— Погиб, к сожалению. Получил предназначавшуюся вам пулю. Умер мгновенно. Но кто мог предположить, чтобы в церкви... Мы ведь с ним, кажется, все предусмотрели...

— Но похороны?! Гроб ведь еще не в могиле...

— Иринушка, гроб в могилу опустят без вас, я не позволю вам больше рисковать. Вполне может быть вторая попытка. Доставлю вас домой...

Только тут Ирина заметила, что машина не стоит на месте, а едет, причем довольно быстро. Господи, кому могло прийти в голову пытаться ее убить? За что?

— Попытайтесь сейчас ни о чем не думать, — точно прочитал ее мысли Лев Валерьянович. — Этим делом я сам займусь. Вас наверняка будут со временем допрашивать люди из милиции, говорите только то, что знаете. Никаких догадок, никаких предположений. Вы меня слышите? Да скажите же хоть что-нибудь!

— За что? — только и смогла пролепетать она.

— Сам ума не приложу, — покачал головой Лев. — Если бы в меня кто пальнул — не удивился бы, недоброжелателей хватает. Да и любой из присутствовавших, положа руку на сердце, мог бы о себе сказать то же самое. Но вы... Я постараюсь разобраться, дорогая, приложу все усилия. И охранять вас будут теперь лучше, чем главу государства, уж поверте мне. Своего начальника охраны на это наложу, он в своем деле собаку съел. Успокойтесь, возможно, это просто какая-то чудовищная ошибка...

— Мне нужно срочно что-нибудь выпить, — перебила его Ирина. — Меня трясет. Откройте бар, там должна быть водка. Папик... то есть Геннадий Васильевич всегда держит... держал в баре водку, он больше ничего не пьет... не пил. Ох, если бы он был жив!

— Ему все равно недолго оставалось, Иринушка. Он ведь был очень болен.

— Разве? — искренне удивилась она. — Ну, что ж, тогда все действительно к лучшему. Ну, пусть земля ему будет пухом! — Она залпом, даже не поморшившись, осушила рюмку и протянула ее Льву Валерьяновичу. — Еще! Пожалуйста...

Глава тринадцатая. Дела полусемейные

Жутковатые события на даче здорово выбили меня из колеи.

Тем не менее, на душе стало немного спокойнее, хотя время от времени еще и накатывала какая-то волна тоскливой паники. Но от такого наплыва событий у кого угодно крыша поедет. Андрей не показывался, откладывая короткими телефонными звонками с рапортом, что зашивается на новой работе. Я уже не удивлялась и не обижалась — было просто грустно.

Где-то в середине недели, когда я паникой сидела дома и работала, точнее, пыталась это делать, потому что мысли были очень далеко от собственно работы, мне позвонил Андрей. Голос у него был просто ликийский:

— Светкин, я теперь свободный человек! Почти. Заявление подали, теперь через месяц получу свидетельство и пошлю всех на...

— Меня тоже? — на всякий случай спросила я.

— Перестань цепляться к словам. Я просто хочу поделиться радостью. Но тебе, кажется, это безразлично?

— Ты же знаешь, что нет, — почти равнодушно ответила я. — Значит, через месяц отпразднуем твою свободу. Только, если можно, не у Павла.

— А где же? — слегка опешил Андрей.

— У меня, например. Или у тебя.

— Хозяйка не разрешит, — мгновенно отозвался Андрей. — Она такая...

— Понятно. Ну, за месяц что-нибудь образуется. Только не дача.

— Слушай, — сказал Андрей, — сегодня я хочу тебя кое с кем познакомить. Тебе это будет интересно и полезно, а мне максимально облегчит жизнь. Иди в ресторан неохота...

— С кем ты меня хочешь познакомить?

— С бывшим коллегой. Он теперь начальник охраны у какой-то большой шиш-ки.

— Только вы двое и будете? — на всякий случай уточнила я.

— Ну, может, еще Павел забежит... — туманно ответил Андрей. — Но он позво-нит перед этим.

— Чудно. Во сколько вас ждать?

— Примерно после работы. Моей, естественно. И не придумывай, пожалуйста, чепухи: Костя наш с Павлом старый знакомый, а не преступник или мафиози. Про-сто трудовая биография так выстроилась...

— В каком смысле?

— Костя — бывший капитан ГРУ. Мужик хороший, правильный, только уж очень крутой. Был, во всяком случае. Начальство всегда считал понятием относи-тельным. Ну, и оно к нему относилось соответственно...

— До майора, судя по всему, дослужиться не дали? — предположила я.

— Естественно. Зато потом он сам себе взял да и присвоил полковника. Только учти: я тебе про него ничего не говорил. Если все-таки будешь присутствовав при встрече, постараюсь больше молчать и делать вид, что ты очень ум-ная.

— Тройка с минусом, — вздохнула я. — На уровне "сам дурак" дискутировать отказываюсь. Не мой разряд. А зачем вдруг этому самому Косте понадобилось с вами встречаться? Да еще инкогнито, на нейтральной территории?

— Есть причины, — уклончиво ответил Андрей. — Если результат окажется по-ложительным, сама узнаешь. А если отрицательным, то и говорить не о чем.

— Значит, после шести я вас жду. Что-нибудь приготовить?

— Если пожаришь картошку, будет идеально. Остальное — наши заботы.

Андрей приехал именно тогда, когда обещал. Я вышла в коридор встречать гостей и... на какую-то секунду буквально потеряла дар речи. Весь дверной проем моей квартиры занимала мужская фигура. Шея у фигуры практически отсутствовала, а посаженная прямо на широченные плечи голова блестала — в прямом и пере-носном смысле слова — полным отсутствием какой бы то ни было шевелюры. Перебитый нос, тонкие губы, маленькие глаза под резко выступающими надбровны-ми дугами...

— Знакомься, Светик, это Костя, — вывел меня из временного ступора голос Андрея.

— Очень приятно, — лицемерно проговорила я, не без опаски протягивая руку вышеназванному Косте. — Проходите, пожалуйста. Давайте прямо к столу.

— Вот это правильно, Светик, — подхватил Андрей, — это ты молодец. И соловья, как известно, баснями не кормят, и у голодной кумы, знамо дело, только хлеб на уме.

— Это у русской кумы, — внес свою лепту непредсказуемый Костя, — а у меня, как у хохла, не только хлеб, но еще и сало.

— Вот чего нема, того нема, — сокрушенno покачала я головой. — Не было та-ких указаний. Работа с национальными кадрами у нас пока еще поставлена из рук вон плохо. Чтобы не сказать хуже.

Павел поморщился и первым прошел на кухню. Уже оттуда он все-таки не удер-жался — высказался:

— Еще один веселый и находчивый на мою голову. Кабачок тринадцать стульев... В любом месте веселее вместе.

— Не понял, — недоуменно поднял брови Костя.

— Павлик не любит шибко чересчур остроумных, — доброжелательно пояснила я. — Нам с Андреем от него постоянно попадает за веселье по поводу и без повода. Паша-то человек сурьезный...

В этот момент зазвонил телефон. Андрей поморщился, но ничего не сказал. А я подошла к телефону и услышала голос Алины. Вот это сюрприз!

— Ты никогда не угадаешь, что случилось! — с энтузиазмом начала она. — Даже не пытайся. Раздается на днях телефонный звонок. И какой-то тип предлагает мне приехать к нему домой. То есть не к нему, а к его даме. За любые деньги...

— Любые — это сколько? — с любопытством спросила я.

— Любые — это значит любые, — нетерпеливо отрезала Алина. — Какая разница? Я работаю только у себя.

— А если бы тебе предложили... ну, десять тысяч долларов? — не унималась я. — И транспорт от двери до двери?

— А мне и предложили, — спокойно отозвалась Алина. — Но я не работаю вне дома. Только у себя. Собственно говоря, я хотела тебе рассказать именно об этом визите. По-моему, тебе будет интересно. А деньги тут совершенно ни при чем.

— Что за потрясающий визит? — поторопила я подругу.

— У меня была женщина. Молодая и очень красивая. И она как-то связана с твоей Юлией. Той, которая пропала.

— Как именно связана?

— Откуда я знаю? — возмутилась Алина. — Я же не детектив! Просто эта женщина очень похожа на Юлию. Более того, она Юлий называлась.

— Алина, — укоризненно сказала я, — ты, конечно, не детектив, но с логикой у тебя до сих пор все было нормально. Две минуты назад ты сказала, что женщина была молодая и очень, подчеркиваю, очень красивая. Юлия, во-первых, моя ровесница, так что о молодости помолчим. Во-вторых, я же видела ее фотографию: мила, но не более того.

— Вот я и говорю: похожа. Если бы Юлию причесать, подкрасить и омолодить лет эдак на десять...

— Если бы у бабушки были колеса, была бы не бабушка, а автобус, — начала я терять терпение. — Ну, допустим, похожи форма носа и разрез глаз. Так и я в профиль — точь-в-точь королева Елизавета, только никто не делает из этого далеко идущих выводов. Почему-то.

— Главное, конечно, не в сходстве, — продолжала Алина как ни в чем не бывало. — Главное в том, что зовут мою клиентку... Императрица! Так один раз ее кавалер назвал. Она его за это взглядом чуть по стенке не размазала. То есть это у нее кличка такая, но все равно, по-моему, интересно. А по-твоему?

— Императрица? — ошарашенно переспросила я. — Миллионерша, что ли? Из этих, новых русских?

— Точнее, вдова миллионера. Она самая.

— И за каким чертом ее к тебе понесло? Чего ей по жизни не хватает?

— Представь себе, того же, чего и всем: счастья. Хотела узнать, дождется она его или нет. А если дождется, то откуда и когда.

— И чем ты ее порадовала?

— Хотела бы. Но только понятно, что смерть ей пока не угрожает. Ни естественная, ни насильственная.

— А что же плохого?

— Болеть будет долго и тяжело. А причиной станет человек водянного знака, причем пламенно ее любящий и даже мечтающий на ней жениться.

— А каким образом эта самая Императрица у тебя оказалась? Ты же без рекомендации никого не принимаешь.

— Вот тут вообще интересно получилось. За нее со мной договаривался мужик. И он сослался на одного моего бывшего поклонника. Причем такого, которому я не могу отказать.

Сначала позвонивший пообещал ей немереные деньги и транспорт туда и обратно, но Алина уперлась насмерть. Сошлись на том, что клиенты приедут к ней, но сразу. И приехали. Молодой, довольно интересный мужчина и сногшибательная дама, которой, собственно, и было нужно мастерство моей подруги. Алина разложила свои карты и...

— Так вот, с водяными знаками. Она-то сама тоже Рак, то есть та же стихия, а это неважно сочетается. Спрашиваю: есть такие знакомые? Она лепечет: есть. Смотрю дальше. Человек этот явно находится на карте Дьявола, так что ничего хорошего от него, сама понимаешь, ожидать не приходится. Хотя, прикинь: обаятельный, притягательный, убедительный, не считается ни с какими преградами, чужие желания в грех не ставит, свои обязательно реализует. Ну и прекрасный любовник. Она совсем скисла и поинтересовалась, можно ли от этой напасти избавиться. Можно, говорю: уберите его из своей жизни, глядишь, полегчает. Ну, и как тебе все это?

— Что сильно, то сильно, — искренне сказала я. — То есть здорово убедительно, но почти все непонятно.

— Ну, ладно, ко мне вот-вот люди придут, хочу хоть чашку кофе перед этим выпить. Чай!

— Какао! — машинально ответила я.

Сумбур у меня в голове не только не улегся, но скорее наоборот — перешел из количества в качество. Но информация сама по себе любопытная, если, конечно, внимательно подумать и отделить мух от котлет. Только одна я со всем этим никогда не разберусь. Значит, нужно проинформировать Андрея и Павла. Да и Костю заодно. Я направилась к кухне и замерла на полу пути, услышав фразу, сказанную Костей:

— Ох, стариk, если бы ты знал, как тяжело жить с дурой!

Я затаила дыхание. Сейчас должен ответить Андрей, который-то живет явно не с дурой, а со мной. Вот интересно, что он скажет относительно легкости общения с интеллектуальной подругой. И Андрей не замедлил с ответом:

— А с умной ты пробовал?

Я сделала два нарочито громких шага и открыла дверь на кухню.

— Мальчики, я старалась быть максимально деликатной, но так курить хочется, что чашка чая просто необходима. Поэтому извините за вторжение...

— Ничего страшного, — гостеприимно отозвался Костя, — вы не помешаете.

— У тебя какие-то новости? — небрежно осведомился Андрей.

— Новостей у меня, в принципе, много. Но они могут и подождать. У вас, насколько я понимаю, серьезный разговор. Деловой.

— Основные проблемы мы выяснили, — как всегда суховато заметил Павел. — Алина звонила просто так или по какому-то делу?

Ну, профессионалы! И хотела бы скрыть, так все равно не получится. Читают все по лицу, как по писанному, что один, что другой.

— По делу, — неопределенно ответила я, — но не знаю, насколько это будет интересно Косте. У него, надо полагать, своих проблем достаточно.

— Не столько своих, сколько чужих, — усмехнулся Костя. — На свои времени не хватает.

— Костя работает начальником охраны, — пояснил Андрей. — У довольно крупного банкира, между прочим.

— Догадываюсь, что у крупного, — отозвалась я. — Мелкие обычно либо вовсе охранников не держат, либо нанимают одного, максимум двух.

— Умная девочка, сразу обо всем догадалась, — одобрительно заметил Костя. — Не хочется поработать секретарем у такого человека?

— Ни у какого не хочется, — искренне ответила я. — Своей работой я довольна. В отличие от вас всех, если я правильно понимаю обстановку.

— Обстановку ты понимаешь почти правильно, — уточнил Андрей. — Меня моя нынешняя работа вполне устраивает. И хотя Костя делает очень заманчивое предложение, думаю, могу от него отказаться.

— Что за предложение? — удивилась я. — И вообще, Костя у нас начальник охраны или руководитель отдела кадров? Мне работу предлагает, тебе... Тебе-то какую?

— Охранять нужно, — фыркнул Андрей. — Причем профессионально, а не на уровне провинциального ВОХРа.

— Кого охранять? Банк?

— Женщину, — ответил Костя. — До недавнего времени у нее был прекрасный начальник охраны, но он как-то нелепо погиб. Точнее, его убили. А мой босс, похоже, на эту даму запал, она вдова его близкого друга. Между прочим, очень молодая и очень красивая.

— А друга что — тоже убили?

— Ты будешь смеяться, Светик, — снова вмешался Андрей, — но мир удивительно тесен. Или, как ты любишь выражаться, не мир тесен — прослойка тонкая. Костя обеспечивает охрану поклонника одной твоей знакомой. Точнее, без пяти минут жениха. Помнишь, мы недавно говорили о даме по прозвищу Императрица? Ты еще настаивала, что она имеет какое-то отношение к исчезновению Юлии. Так тебе, во всяком случае, Алина сказала.

— И только что косвенно это подтвердила. К ней сегодня Императрица со своим холалем приезжала.

— Что? — буквально подскочил доселе невозмутимый Костя. — С кем приезжала? А мне, выходит, ничего не сказали?! Сейчас всех поувольняю к чертовой матери! Просил же без меня никаких поездок, тем более, к сомнительным личностям. — Он выхватил из кармана мобильник, который тут же буквально потонул в его огромной ладони, и начал с остервенением давить на кнопки. — Это кто? Вот приеду, сразу узнаешь, с кем говоришь. Ну и хорошо, что узнал. Слушай, Мерцалов, куда шеф сегодня ездил? Почему без охраны? Сколько раз можно говорить... Нет, это ты меня послушай! Я предупреждал? Что?! Точно? Ну ладно, живите пока. Все равно приеду — проверю. Конец связи. — Костя сунул мобильник обратно в карман, какое-то время помолчал, потом проговорил с некоторой растерянностью: — Говорят, никто никуда вообще не ездил. Шеф сидит дома, сейчас у него посетительница. Ничего не понимаю... Ваша подруга сказала, что Императрица приезжала с кавалером, так?

— Ну да! С молодым, симпатичным мужиком. Похож на Леонардо ди Каприо. Это не ваш шеф?

Костя что-то прощедил сквозь зубы и закурил. Зато Павел среагировал гораздо более импульсивно:

— Молодой и смазливый? Ты ничего не перепутала?

Я покачала головой.

— Хотела бы тебя порадовать своей бестолковостью, но на сей раз все точно. Судя по всему, там крутится какой-то молодой хлыщ. А самой Императрице, если верить Алине, теперь кто-то угрожает...

— Так, — уронил Павел, — еще раз с самого начала. Пятнадцать страниц про карты Таро можешь опустить, рассказывай остальное.

Я прикрыла глаза и постаралась как можно более точно воспроизвести то, что услышала от Алины.

— Притягательный, обаятельный, умеет добиваться своего... — задумчиво протянул Костя. — Скорпион... Очень похожий портрет моего шефа. И твоя подруга считает, что он замыслил убийство Императрицы? — Увлекшись, он спонтанно перешел на "ты".

— Алина считает, что угроза исходит от человека водного знака Зодиака. А их три: Рыба, Рак и Скорпион. Как бы не факт, что это обязательно твой шеф. С таким же успехом это может быть и ее спутник: он тоже обаятельный.

— Нет, мой шеф эту бабу убивать не будет, — гнуя свое Костя. — Он, наоборот, на ней жениться хочет. Лично я с ней рядом в театре бы не сел. Злая, взбалмошная, избалованная. Из-за нее, между прочим, хороший мужик погиб.

— Муж? — поинтересовалась я, но Костя только отмахнулся:

— При чем тут муж? Начальник охраны. Его застрелили, когда он ее прикрыть хотел. Мой шеф, кстати, что-то такое предполагал, по-моему, даже предупреждал. Не уберегся Дмитриевич. Получил пулю точно между глаз.

— Снайперский выстрел, — сдержанно заметил Павел. — Кому-то он крепко насолил, твой Дмитриевич.

— Да он-то тут при чем? — вскинулся Костя. — Я же говорю: стреляли в эту стервозину, а он ее прикрыл.

— Ты же профессионал, Костя, — покачал головой Павел. — Точно между глаз попадают только тогда, когда туда целятся. Ну, прикинь: ты прикрываешь собой объект, так на чем твое внимание концентрируется? Это ты уже в следующие пять секунд будешь искать глазами источник опасности. Но в первые-то две? А?

— Действительно... — растерянно проговорил Костя. — Как же я про такой расклад не подумал? Вот дурак!

— Ты не дурак, Костя, — усмехнулся Павел. — Ты просто жертва стереотипа. Тебе твой шеф настойчиво внушает, что опасность угрожает его знакомой. Ту же самую идею он впаривает твоему коллеге, который на самом деле и есть мишень для киллера. А теперь догадайся с трех раз, кому мог перейти дорогу начальник охраны.

— Нет! — выдохнул Костя после секундной паузы.

— Почему? — пожал плечами Павел. — Только потому, что он твой шеф? Это между прочим, вовсе не гарантия его порядочности и безгрешности. Подумай еще: тот начальник охраны, который схватил пулю, занимал эту должность при прежнем хозяине? Или его наняла уже молодая вдова?

— Черт, конечно, он был раньше... Ты хочешь сказать?..

— Сначала он схватил лишнюю информацию. И неудачно ею распорядился. Или собирался распорядиться, а его предупредили. Старик, комбинация для начинающих, ты мог сам просчитать. Но для меня эта информация просто бесценна, теперь, возможно, полегче будет. Босса нет, начальника его охраны — тоже...

— А тебе-то какая разница? — изумился Андрей.

Павел вопроса как бы и не услышал. А я вспомнила, как в подслушанном мною фрагменте разговора Павла и Николая Дмитриевича четко прозвучало настойчивое желание Павла ни под каким видом не впутывать в свои дела Андрея. Более того, поняла, почему Павел помог своему другу уйти из ФСБ в страховой бизнес.

— Ладно, теперь поехали дальше, — сказал Павел. — Нам нужно найти Юлию. Ты можешь получить какие-нибудь сведения, Костя?

— От кого? От этой самой Императрицы? У меня нет повода для разговора с нею.

— Повод можно придумать. Поговори со своим шефом, скажи, что ты беспокоишься за его безопасность. Расскажи о молодом поклоннике его пассии, поинтересуйся, отчего умер его друг. И посоветуй ему самому быть поосторожнее с этой самой Императрицей. Она и его может отправить на тот свет. Если, конечно, поверит Алине. Предложи своему шефу понаблюдать за ... невестой. В общем, рано или поздно повод для разговора возникнет.

— Очень сложно, Паша, — поморщился Костя. — К тому же шефа никто пальцем не тронет, пока я рядом. Ты же меня знаешь...

— В тебе я не сомневаюсь. Но ты не привык иметь дело с сумасшедшими, у них своя логика. А у наркоманов ее просто нет. Я забыл сказать: Императрица лечилась в какой-то клинике за границей. Судя по всему, от наркотической зависимости. И судя по всему, не очень-то результативно.

— Пашенька, откуда такая осведомленность? — обрела я наконец дар речи.

— Да так, — пожал он плечами, — собираешь информацию, кое-что сопоставляешь, делаешь определенные выводы. Метод дедукции, чтобы тебе было понятно. И мне почему-то кажется, что я знаю этого молодого хлыща, который сопровождал Императрицу к Алине. Но это еще надо проверить. А вот почему эта дама называлась Юлией, если она Ирина... Этого я не понимаю.

— А может быть, это и есть Юлия? — предположил Андрей. — Мы ее ищем, а она подцепила богатого поклонника и живет в свое удовольствие. По-моему, нужно брать за жабры этого хахала. Допросить Императрицу вряд ли получится...

— Нужно будет — допросим, — хмуро пообещал Костя. — В конце концов, это входит в круг моих непосредственных обязанностей: проверять тех, кто приближается к шефу. А эта дама что-то уж очень близко подошла. И вообще мне эта история не нравится. Сегодня же поговорю с шефом...

— О чём? — скептически осведомился Павел. — Надеюсь, ты не собираешься открывать ему глаза на моральный облик его возлюбленной?

— А если собираюсь?

— А если подумать? То есть подумать прежде, чем делать. Мужчины обычно не любят, когда им говорят гадости об их женщинах. Даже если это — чистая правда. Рискуешь потерять место.

— Думаешь? — озабочился Костя. — Черт, до чего же я не люблю все эти психологические этюды! Милое дело — конкретное боевое задание...

— Понимаю, — усмехнулся Павел, — но частная охрана — это не спецназ ГРУ. Без психологических этюдов ты с этой работой вряд ли справишься.

— Ну так я потому и прошу помочь! — с какой-то детской непосредственностью отозвался Костя. — Сам чувствую, что не вполне соответствую... Помните, в прежние времена мы всегда друг друга поддерживали? Нам даже кличку прилепили: "Три мушкетера".

— Времена изменились, — дипломатично отозвался Андрей. — Я, во всяком случае, из этих игр выбыл. Так что не обессудь.

— Я, конечно, помогу, — сказал Павел, — но дело это достаточно тонкое и деликатное. Спешкой его можно только испортить. Там же ничего не горит, верно?

— Не горит, — согласился Костя. — Но, по-моему, жареным уже пахнет. Ты же знаешь, у меня на неприятности чутье звериное. Не нравится мне этот расклад.

— Чем?

— Не знаю. Не нравится — и все. Ладно, я сказал, вы услышали. Недели на размышление хватит?

— Вполне, — отозвался Павел. — Возможно, я сам найду подход к Императрице. Тогда и посмотрю, что за публика возле нее вертится, помимо твоего шефа.

Лицо Кости просветлело:

— Ну вот, совсем другое дело! Конечно, ты лучше сообразишь, как за это взяться. А я обеспечу подходы и прикрытие. Каждому, как говорится, свое.

Глава четырнадцатая. Занимателная зоология

За последние несколько дней она пристрастилась к чтению. Точнее, к коллекционированию книг в ярких, глянцевых обложках с изображением непременных пистолетов, кинжалов и кровавых луж. Содержание ее практически не волновало, она лишь находила какое-то странное удовольствие в описаниях смерти. Мучительно-долгой или мгновенной. Примитивной — от удара ножом, от пули, от взрыва автомашины. Изощренно-мучительной — в этом плане человеческая фантазия пределов не имеет.

Прочитав очередную сцену насилия, она садилась раскладывать пасьянс, всегда один и тот же, потому что других просто не знала. Тупо-механически раскладывала карты и думала о том, что исполнение желаний не всегда приносит счастье. Какое там счастье! Столько лет мечтать о том, чтобы освободиться от постылого мужа, наконец, похоронить его и...

И обнаружить, что без него жизнь стала еще тоскливе и омерзительнее. Что единственным желанием стало одно: избавиться от человека, который почему-то решил занять место ее покойного супруга и который шел к своей цели, как танк, испытывая при этом ровно столько же неудобств и угрозений совести, сколько может испытывать эта самая боевая машина. Ноль целых, ноль десятых.

Императрица нервным жестом смешала карты, которые раскладывала на низком столике, подошла к окну и с тоской оглядела осточертевший пейзаж. Ее отвлек телефонный звонок.

— Да? — бросила она в трубку с плохо скрытым раздражением. — Говорите!
— Красавица, почему такой мигрант?

Слава Богу, это не Лев! Наконец-то прорезался Музыкант, которого она после визита к гадалке не видела и даже не слышала. Наверное, какие-то свои проблемы решал, у него ведь тоже какой-то бизнес, похоже, не совсем законный. Только ее это никаким боком не касается, зато теперь можно будет придумать что-нибудь не очень скучное, Музыкант всегда поможет со вкусом потратить деньги и нестандартно оттянуться.

— Ты же меня бросил, — почти весело ответила она, — вот я и горюю. Буквально света белого от тоски не вижу.

На том конце провода послышался тихий смешок:

— А ты хоть знаешь, что до тебя дозвониться — проблема из проблем? Ты же мне прямого номера не дала, забыла, видно, а по общему твои холуи такой допрос с пристрастием устраивают — мало не покажется. Пришлось изрядно потрудиться, точнее, потратиться, чтобы номерок получить.

— Кто же тебе его продал?

— Нет, красавица, я своих не выдаю. Так что не бери в голову. Похоже, ты мне рада.

— Представь себе.

— Неужели и видеть меня хочешь? Просто так, без всякого повода?

— Это кто тебе сказал такую глупость? — с привычной язвительностью спросила Императрица. — Повод у нас с тобой всегда есть, не забыл? Есть у тебя, чем девушки порадовать?

— Как не быть, если ты желаешь... Слушай, а не закатиться ли нам в какое-нибудь заведение? Или ты в глубоком трауре, скорбишь и затворяешься от света?

— Я не в глубоком трауре, а в глубокой... Ладно, это к делу не относится. Приезжай, поможешь мне хоть один вечер нормально провести. Одна голова — хорошо, а две...

— А две больше, понятно. Хорошо, через часок приеду. Лекарства никакие не нужны?

— Успокоительные, — огрызнулась она. — Все, хватит болтать, приезжай, я пока оденусь...

Через какое-то время раздался негромкий стук в дверь. Когда постучали во второй раз, уже чуть более настойчиво, Императрица даже вздрогнула от неожиданности и уронила ручное зеркало, с помощью которого любовалась на свой профиль. Стекло в затейливой серебряной рамке мгновенно покрылось паутиной трещин.

"Разбитое зеркало — семь лет несчастий", — машинально подумала она и крикнула:

— Да входите же, кто там еще?

— К вам гость, — тихо доложила безликая и незаметная горничная.

— Ну так пусть заходит. Что за дурацкие церемонии?

Горничная выскользнула за дверь, откуда в ту же секунду появился Музыкант... в белом смокинге. Императрица даже рот приоткрыла от удивления: это что еще за цирк? Похоже, мальчик думает, что они намерены отправиться на прием в какое-нибудь посольство.

— Что ты так удивляешься, красавица? — самодовольно усмехнулся Музыкант. — Думаешь, если я не миллионер, так уже и в красивой жизни ничего не понимаю? Не волнуйся: знаем, плавали. А ты все еще в неглиже, моя прелест? Никак не можешь платьице выбрать, глазки разбегаются?

— Разбегаются! — фырнула Императрица. — Это ты, миленький, разбежался, смокинг нацепил. Думаешь, куда-нибудь поедем? Как же, сейчас! Кто меня отсюда выпустит?

— Не понял, — прищурился Музыкант, подходя вплотную к ней и беззастенчиво разглядывая очень соблазнительное декольте. — Ты под домашним арестом? А что натворила?

— Меня хотели убить. Понимаешь? Меня — убить! Или ты уже забыл об этом?

— Естественное желание, мне иногда этого тоже хочется. С чего такой крик на лужайке? Дай лучше выпить чего-нибудь, в горле пересохло.

— Налей себе сам. И мне заодно. Какая, в конце концов, разница, где пить?

— Никакой, — покладисто согласился Музыкант, — разница только в том, что и с кем. Похоже, ты пьешь водку, причем одна. Прямой путь к алкоголизму, красавица. Если уж так душа горит, зови меня, в компании веселее,

— Тебе тогда тут поселиться придется, — невесело усмехнулась Императрица.

— Даже так? Эх, тебя скрутило, болезная. Действительно, богатые тожеплачут, вот уж не думал, не гадал. Между прочим, поселиться здесь я могу. Только пожалай.

— Кто это мне позволил тебя здесь поселить?

Музыкант отставил чуть пригубленный бокал в сторону и взял Императрицу за обе руки.

— Что происходит, девочка? — тихо спросил он, без своего обычного фиглярства. — Тебя кто-то шантажирует? Запугивает? Ты теперь хозяйка, миллионерша, черт, дьявол, ваше превосходительство. А ты заладила, как бедная приживалка: кто позволит, кто позволит... Не узнаю тебя, Императрица. Давай все по порядку с того самого момента, как мы с тобой расстались. И никаких комментариев, только факты. Договорились?

Факты? Императрица растерянно посмотрела на него: факт был только один — тот самый ужасный выстрел в церкви. Если бы Николай Дмитриевич не оттолкнул ее тогда...

— Во время отпевания в меня кто-то выстрелил. Пулю получил начальник охраны... — Она зябко передернула плечами и залпом выпила все, что было в ее бокале.

— Почему ты решила, что стреляли в тебя? Тебе угрожали? Кому-то выгодно тебя убить? Кстати, к кому все переходит в случае твоей смерти?

— Тому, кому я завещаю, наверное. У меня ведь нет близких родственников.

— При таких деньгах найдутся, не сомневайся. Но завещания ты пока еще не составила?

— Нет. А зачем? Мне решительно все равно, что будет после моей смерти. А вся эта возня с нотариусами... Хотя Лев Валерьевич каждый раз уговаривает меня написать.

— Это еще кто?

— Ах да, ты же ничего не знаешь. Мой драгоценный супруг организовал мне опекуна. Сделал из меня эдакое переходящее красное знамя — приз победителю...

— Я, кажется, просил тебя пока воздержаться от комментариев. Мне сейчас нужны только факты. Соберись — и давай все сначала, подробно. Кто, откуда, почему, зачем...

— Незадолго до смерти... — начала Императрица, стараясь не сбиваться на эмоции, хотя это было куда труднее, чем просто жаловаться на тяжелую жизнь. — И вот теперь я оказалась в совершенно идиотском положении, — завершила она свой рассказ, — Лев спит и видит, чтобы я за него замуж вышла. Старый козел!

— Допустим, это еще ни о чём не говорит. Я тоже, может быть, хочу на тебе жениться. Я же убийства при этом не организую.

— Какого убийства? Моего?

— Детка, у тебя мания величия. Прикинь: кому выгодна твоя смерть? На данный момент — абсолютно никому, хотя бы потому, что делами ты не занимаешься и с криминальным миром связей не имеешь... серьезных. В политику, вроде бы, тоже не сущешься. Остальные убийства происходят либо по пьянке на собственной кухне, либо по дурости в какой-нибудь подворотне. Насколько я понимаю, тебе ни то, ни другое как бы не грозит, хотя к алкоголю ты дышишь явно неровно. Равно как и к другим веселящим средствам. Но за это не убивают, это только пытаются лечить. Да ты и сама знаешь...

— А можно без издевательств? — взвилась она.

— Можно и без издевательств. Тебя, по-моему, сознательно запугивают, красавица. Никому твоя смерть не нужна и не выгодна... в данный конкретный момент. Можешь считать меня сумасшедшим, но я готов биться об заклад: стреляли не в тебя, стреляли в твоего охранника. И, естественно, попали, потому что этот бедолага думал о том, как защитить тебя. Защищать себя ему в голову не пришло.

— Допустим. Но за что его-то убивать?

— А слишком много знал, — безмятежно сообщил Музикант. — И с кем-то неудачно этим знанием поделился. Или только намекнул, что — знает. Теперь давай

соображать, кому выгодно убрать твоего секьюрити. Только тому, кто хотел бы еще ближе к тебе подобраться. Мы только что выяснили, что в этом заинтересованы два человека — этот самый твой Лев и... Не догадалась? И я. Причем оба мы банально хотим видеть тебя в своей койке, хоть бы и в качестве законной супруги.

— Ну, и что дальше?

— Дальше? Дальше, красавица, нормальная жизнь. Спокойная. Потому что бояться тебе совершенно некого. Это пусть тебя боятся.

— Меня? — не без удивления переспросила Императрица.

И тут же поняла, что он прав. Страх, прочно поселившийся в ней с момента не-лепой смерти Попугая, куда-то делился, а на смену ему пришла удивительная ясность мыслей и какая-то внутренняя уравновешенность.

— Льва нужно убрать, — спокойно проговорила она, закуривая очередную сигарету. — Просто потому, что он мне надоел.

— Не только поэтому. Прикинь: твой покойный супруг написал завещание. Но кому нужно это его завещание, если ты и так — его единственная наследница? Абсолютно, кстати, законная. Лев просто берет тебя на понт и запугивает какими-то мифическими киллерами.

— Похоже на то, — медленно проговорила Императрица. — Я ведь сразу сказала ему, что боюсь Николая Дмитриевича. Начальника охраны, которого застрелили. Знаешь, я сейчас вспомнила: пуля попала точно в середину лба. Словно целились именно в него.

— Слава Богу, процесс пошел, — вздохнул Музыкант. — С волками жить — повольчи выть, красавица. Что-то с твоим опекуном нужно делать. Я подумаю. А пока...

В этот момент негромко зазвонил внутренний телефон.

— Новое дело! — пожала плечами Императрица. — Что еще могло случиться?

— Сними трубку — узнаешь, — посоветовал Музыкант.

— Да? Ко мне? Женщина? Какая еще женщина? Лариса? Авдеева? Не знаю никакой Ларисы, никого не жду. Подождите минуту.

Она прикрыла микрофон рукой и спросила у Музыканта, который делал ей какие-то странные знаки:

— Ну?

— Кажется, я ее знаю, — прошептал Музыкант. — Пусть пропустят, может получиться забавно. Кстати, еще одну проблему решим, заодно, так сказать.

— Пропустите, — приказала Императрица, положила трубку и поднялась с кресла. — Кому я понадобилась? Может, это опять Лев свет Валерьянович что-то затеял?

— Нет. Между прочим, если это та самая Лариса, о которой я думаю, так она — твоя лучшая подруга. Во всяком случае, она сама так утверждает.

— Моя лучшая подруга? — Императрица расхохоталась так же заразительно, как до этого смеялся Музыкант. — Ну, уморил! У меня подруг вообще нет... живых, во всяком случае.

— Ну, правильно: лучшая подруга — это мертвая подруга. Если понадобится еще кого-нибудь на свалку отвезти, обращайся ко мне. Организую в лучшем виде за минимальную плату.

— Кстати, я, кажется, тебе должна...

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Свои люди, сочтемся, — бросил Музыкант. — Давай пока гостей принимать.

Когда в комнату не вошла, а буквально просочилась невысокая, худенькая женщина, накрашенная по принципу "лишь бы блестело", неуловимо напоминавшая

крысу, Императрица всего несколько мгновений вспоминала, где она ее видела. Потом усмехнулась:

— Ларчик. Подруга дней моих суровых. Продавщица колец счастья.

— Здравствуй, Ирусянка, — смиленно ответила Лариса и тут увидела Музыканта.

На ее лице мелькнула целая гамма переживаний: узнавание, испуг, досада, злость, разочарование. Последнее чувство было настолько сильным, что она не удержалась и процедила сквозь зубы:

— Гиена в сиропе...

— Ну, Ларочка, мы так давно знакомы, что можем называть друг друга просто, по имени, — сладко улыбнулся Музыкант. — Ты забыла, как меня зовут? Провалы в памяти? Помню, ты чем-то там тяжело болела, сочувствую. Но сейчас ты просто цветешь, не губки — а малинка с лютеском. Где ты исхитрилась купить такую помаду, сроду не видел ничего безобразнее. Ирочка, красавица моя, мир до безобразия тесен. Мы с твоей подругой давным-давно знаем друг друга.

— И близко? — поинтересовалась Императрица.

— Сердце мое, окстись! Только деловые контакты. Бизнес-партнеры. Правда, Ларочка?

— Правда, — сухо ответила она, уже взяв себя в руки. — Наш пострел везде поспел. Ты уже и сюда втерся?

— Не надо грязи, дорогая подруга. Мы с Ириной Феликсовной тоже давно знакомы, и сюда меня привели самые искренние дружеские чувства. У нее горе, она недавно овдовела. А ты что подумала?

— А что, нужно, чтобы я еще и думала? — огрызнулась Лариса.

— Ну что ты, не нужно делать то, к чему ты не привыкла. И вообще, расслабься, сядь, выпей чего-нибудь.

Императрица с любопытством следила за разворачивавшейся на ее глазах перепалкой, переводя взгляд с Музыканта на Ларису и обратно.

— Действительно, — вмешалась она, — сядь, не мельтеши. Зачем пожаловала? Вроде, вид у тебя получше, чем при нашей последней встрече, уже не голодаешь. Опять что-нибудь продавать принесла?

— Нет, — ответила Лариса, закидывая ногу на ногу и стремясь продемонстрировать свою независимость и деловитость. — У меня есть одно предложение... Но я, кажется, не вовремя? Ты занята?

— Что за предложение? Не стесняйся, тут чужих нет.

— Один мой знакомый... — осторожно начала Лариса. — Точнее, мой основной клиент...

Спустя час, выпроводив Ларису, почти успокоенную двойными обещаниями будущего сотрудничества, Императрица и Музыкант молча сидели за столиком и думали. Но если Императрица размышляла, как ей отделаться от надоевшего уже Льва, то мысли Музыканта были направлены совсем на другое.

— Есть! — объявил он наконец. — Вот теперь все состыковывается. Мы с тобой — при отличных деньгах, Лев — в гробу, а Лариска — при деле. В любом случае, рискует только она.

— Что ты надумал? — встрепенулась Императрица.

Из всей тирады ее, естественно, заинтересовалась только перспектива увидеть Льва в гробу.

— Эта самая Лариса — моя связная с тем мастером, который может изготовить любое снадобье. Оказывается, он вообще умелец на все руки. Ты слышала, он редкоземельный элемент синтезировал. С ума сошел!

— Действительно я с тобой с ума сойду! Ну, кто-то что-то синтезировал. Это что — решает наши проблемы?

— Твои проблемы, — мягко поправил ее Музыкант. — Да, решает. Найти покупателя — значит, обеспечить себя до конца жизни выше крыши, причем родному государству об этом знать совершенно не обязательно. Сам Химик покупателя найти не может, попросил Ларису. Она посредник, причем даже не понимает, с чем имеет дело. Вот и славно. А знаешь, кто найдет покупателя?

— Нет.

— И не надо. Лишние знания укорачивают жизнь и увеличивают число морщин.

Музыкант демонстративно вздохнул и протянул Императрице патрончик с таблетками.

— Выпей одну, красавица. Быстрее соображать будешь, по себе знаю. И я с тобой за компанию. Вот так, вот и славно. Я отправляю Ларису к покупателю за кордон. Ну, не сам, конечно... А Лев... Лев просто умирает. Естественной смертью, разумеется. Никаких киллеров, взрывов машин и тому подобной голливудской дребедени. Мы люди скромные, нам такие эффекты ни к чему. Верно?

— Допустим. И что дальше?

— Дальше? Дальше мы с тобой поженимся. Я ведь тоже буду очень богатым человеком, красавица, так что в корыстных расчетах ты меня подозревать уже не сможешь. Будем жить долго и счастливо, умрем в один день. Как тебе такая перспектива?

— Никогда не могу понять, серьезно ты говоришь или шутишь, — заметила Императрица.

— Красавица моя, да я и сам этого не понимаю! Но, между прочим, за тобой должок. Хотя я, конечно, могу подождать и до свадьбы.

— Что еще за должок? Ах, да, деньги!

— Деньги — вздор, я же сказал: сочтемся.

— Тогда что?

— Ты. Когда я помог тебе увезти отсюда твою, извини за выражение, подругу, ты мне кое-что обещала. В знак благодарности, так сказать. Причем за языки я тебя не тянул, как сейчас помню.

Императрица резко поднялась с кресла и посмотрела на Музыканта потемневшими глазами. Губы у нее подрагивали, крылья тонкого носа трепетали, и Музыкант с восхищением заметил про себя, что такой красивой он ее никогда еще не видел. Стерва, конечно, но — хороша, слов нет. Укротить такую пантеру... Сам себя уважать станешь.

— Пойдем, — просто сказала Императрица. — Я свои долги привыкла платить, а обещания — выполнять. Только постарайся меня не разочаровать, хорошо? Иначе продолжения не будет.

— Он постараётся, — пробормотал Музыкант. — Он очень постараётся. Можешь быть уверена, красавица.

Глава пятнадцатая. Занимательный аквариум

— Вот что бы я хотел на самом деле, — мечтательно произнес Музыкант, откладывая в сторону книгу и сладко потягиваясь. — Большой аквариум-бассейн. И в нем симпатичных, юрких рыбок...

— А трехколесный велосипед не хочешь, деточка? — с иронией осведомилась Императрица. — Могу купить, мне не жалко.

Она сидела в спальне перед огромным трюмо и сосредоточенно подводила и без того большие глаза. Результат ее почему-то не устраивал, она негромко выругалась сквозь зубы, стерла с век тени и начала все заново. Через минуту отбросила в сторону кисточку и мрачно уставилась на свое отражение в зеркале.

— Мы не в духе? — осведомился Мзыкант. — У нас опять расшалились нервы?

— Перестань юродствовать! — по-настоящему разозлилась Императрица. — Скажи лучше, когда эта каторга кончится? Опять еду на встречу с этим старым придурком, а твои хваленые сигареты все не действуют. Неделя прошла!

— Терпение, — философски ответил Мзыкант. — Рано или поздно он возьмет именно ту, которая предусмотрена. Твоя беда в том, что ты хочешь получить все сразу.

— А ты — нет?

— А я согласен и подождать, — усмехнулся Мзыкант. — Упорство и прилежание лучше, чем беспутство и гений. Переждал твоего супруга, пережду и поклонника.

— Если он меня до этого не отправит к праотцам! — огрызнулась Императрица. — Ты же знаешь, что сказала Алина? Это он, все сходится. Я узнала, когда у него день рождения. В ноябре.

— Ну и что?

— А то, что он — Скорпион по знаку Зодиака. Водный знак. И мечтает на мне жениться, уже два раза заводил разговор на эту тему.

— Красавица, я тоже собираюсь на тебе жениться. Правда, по гороскопу я — Рыба, но это тоже имеет отношение к воде, причем куда более непосредственное, чем Скорпион. Нельзя быть такой доверчивой.

— Я чувствую, что он хочет погубить меня, — беспапелляционно заявила Императрица. — А женскую интуицию пока еще никто не отменял.

— Ну, так просто пошли его куда подальше. А сама выходи за меня замуж. Мы с тобой отлично заживем, вот увидишь.

— А Лариса?

— При чем тут Лариса? — искренне изумился Мзыкант. — Ты что, ревнуешь? Только этого не хватало.

— Размечтался! — пренебрежительно фыркнула Императрица. — Ревновать тебя к этой белобрыской швабре? Много чести! Только если я Льва пошлю, твой замечательный план о контактах за рубежом накроется медным тазом.

— Так не посытай, — пожал плечами Мзыкант. — Наберись терпения. Тогда получишь не просто молодого мужа, но еще и с собственными деньгами. Думаешь, мне очень интересно от тебя зависеть?

— Думаю, что не очень, — усмехнулась Императрица. — Ладно, не мешай, мне нужно сосредоточиться, а времени уже нет. Скоро ехать на этот ужин...

— Ночевать-то приедешь? — невинно поинтересовался Мзыкант.

— Как будто тебе не все равно.

Мзыкант внезапно кошачьим прыжком выскочил из кресла, подошел к Императрице и крепко взял ее за плечи.

— Мне не все равно. Я тебя люблю. Лев опасен, тут ты права, но я верю в то, что чудеса случаются именно тогда, когда они особенно нужны. И еще я верю, что мы поженимся еще до твоего дня рождения. Не позже, чем через месяц. Тогда все будет по-другому. Вот увидишь.

— И ведь, кажется, даже не врешь, — усмехнулась Императрица. — Ладно, поживем — посмотрим... если только доживем. Мне пора ехать.

В "клубном ресторане" под названием "Экипаж" оказалась в этот вечер Императрица. Лев Валерьевич, как всегда, все продумал: в зале народу — самый минимум, охрана ненавязчиво расположилась через столик от хозяина. Полумрак, негромкая музыка, дорогие запахи. Запахи ведь тоже имеют свою цену.

Неслышно подошел офицант, склонился в полупоклоне, вручил меню Императрице и Льву Валерьевичу. Лишние слова в этом заведении явно не поощрялись.

— Есть не хочу, — капризно сказала Императрица. — Хочу хорошего белого вина. И побольше.

— Как скажете, королева моя, так и будет.

Лев Валерьевич указал офицанту на какую-то строчку в меню, тот почтительно наклонил голову.

— А мне, сынок, принесешь водки. Холодной. И грибов каких-нибудь, для начала. Да, у того столика еще спроси, что ребята будут пить-есть.

Он достал из кармана сине-серую невзрачную пачку сигарет и, перехватив взгляд Императрицы, усмехнулся:

— Другими не накуриваюсь, да и не люблю привычки менять. А "Дымок" — он и в Африке "Дымок". Уж вы, голубушка, над стариком не смейтесь. У меня к вам еще вот какое дело. Мой начальник охраны хочет с вами побеседовать. Говорит, очень важно.

— Для кого важно? — надменно спросила она и тут же встретилась взглядом с самим начальником охраны, огромным, чуть ли не квадратным человеком, который сидел за своим столиком совершенно неподвижно и смотрел в их сторону, даже не мигая.

— Я так понял, для него. А может быть, и для вас, голубушка. Он мыслит перспективно: ваша безопасность — это и моя безопасность. Когда свадьба, Иринушка?

— Свадьба? Чья свадьба?

— Голубушка, хватит кокетничать. Наша свадьба, конечно. Ведь я...

И тут Императрица увидела, что лицо Льва Валерьевича приобрело какой-то зеленоватый оттенок. Он на секунду прикрыл глаза, потом широко распахнул их, попытался что-то сказать и... начал медленно сползать со стула на пол, хватаясь за скатерть. Императрица дико вззвизгнула и схватилась за виски. Начальник охраны с потрясающей для его комплекции быстротой сорвался со своего места и подскочил к шефу.

— Врача! — гаркнул он обомлевшему офицанту. — Сию секунду! Чем вы его напоили?

— Он еще ничего не пил... — пролепетала Императрица. — Не успел.

Взгляд, которым ее наградил начальник охраны, тянул на приличную могильную плиту, но, на счастье Императрицы, этим все и ограничилось. Даже сверхподозрительный человек в считанные секунды мог сообразить, что об убийстве речь идти не может. В душе Императрица благословляла медлительность официанта: принеси он напитки на три минуты раньше, неизвестно, как бы обернулось дело. Пока же всем окружающим было ясно: Лев Валерьевич только что, прямо на их глазах, скончался. А уж от инфаркта или от инсульта, предстояло определить вскрытию.

И все-таки нервы Императрицы не выдержали: она уронила голову на стол и зашлась в припадке истерических рыданий. В конце концов, второй мужчина на протяжении всего лишь нескольких месяцев переселяется в иной мир — и не

на больничной койке после тяжелой и продолжительной болезни, и даже не от пули киллера.

— Классический инфаркт, — заявил врач "Скорой помощи", появившейся довольно быстро. — Все произошло в считанные секунды. Даже если бы он в этот момент находился непосредственно в клинике, ничего сделать уже было нельзя.

— Тогда займитесь дамой, — мрачно уронил начальник охраны. — Дайте ей что-нибудь успокоительное.

— Я хочу домой, — прошептала Императрица, когда истерику удалось пристановить. — Отвезите меня немедленно домой. Вызовите мою машину. Да дайте же что-нибудь, черт вас всех побери! Охрана...

"Неужели — все?" — думала она, обессиленно откинувшись на подушки своего лимузина. — Конец этому ожиданию, неопределенности, зависимости? Да, кажется, удалось. Слава Богу, на сей раз это произошло не в спальне! Слава Богу, на сей раз она оказалась совершенно вне подозрений! Теперь можно жить в свое удовольствие... Надо позвонить Мзыканту... Пусть приедет с дозой..."

— Красавица, — услышала она знакомый голос откуда-то издалека. — Очнись, красавица! День на дворе, а ты все спишь.

Она с трудом открыла глаза, непроизвольно застонала и снова зажмурилась. Состоянием похмелья удивить ее было невозможно, но на сей раз это было что-то особенное: голова не болела, вместо нее существовал один огромный пересохший рот, а где-то прямо под ним бешено колотилось сердце.

— Ну-ну, очнись. Что с тобой сегодня?

"Я умираю", — хотела она сказать, но тут же поняла всю бессмысленность этой затеи: губы даже не шевельнулись.

Потом она почувствовала, как к сгибу локтя ей приставили что-то холодное и ост्रое, ощутила легкую боль от укола и несколько мгновений спустя сердце дернулось в последний раз и забилось почти ровно.

Императрица открыла глаза и на сей раз явственно увидела склоненное над ней лицо Мзыканта. Безмятежно-спокойное лицо,

— Очнулась? — спросил он. — Ох, красавица, за тобой глаз да глаз нужен. Без присмотра ни на секунду оставить нельзя.

— Что ты мне вколол? — спросила она.

— Да то же, что и всегда, — небрежно ответил Мзыкант. — Подобное лечим подобным. Прости, красавица, пока Лариска не вернется, с таблетками придется повременить. Кончились наши с тобой запасы, не рассчитал я.

— А без Лариски ты уже ничего не можешь? — ехидно поинтересовалась Императрица. — С каких это пор?

— А с тех самых, как новые каналы найти трудно. Точнее, опасно.

— Ты — боишься? Это что-то новенькое. Сам когда-то говорил: тебя никто не тронет.

— Это когда было! А теперь меня твой же поклонничек сдаст. Чтобы я не мешал вашей дальнейшей счастливой жизни.

— Ты о ком?

— О Льве твоем, естественно. Царе... зверей.

Императрица резко села и скжала пальцами виски.

— Но он же... Он же умер! Все сработало. Я просто слишком много выпила вчера... на радостях. Теперь нас с тобой уже никто не тронет, можешь не волноваться.

— Но это же колоссально, красавица! Это же... Это — совсем новая жизнь! Это нужно отметить! Черт с ней, с Лариской, теперь я могу звонить Химику напрямую, нас действительно никто не заложит и не тронет... Прикажи кофе, красавица. Побольше и покрепче. Мне нужно вспомнить телефон Химика.

— Деловой... — не без иронии отметила Императрица. — Ну, что ж, для разнообразия даже интересно. Попробуй, может в олигархи выскочишь. На мне...

Она встала с постели, потянулась и направилась в ванную, бросив через плечо:

— Кофе сам прикажи. Хочешь быть хозяином — привыкай.

И, не дожидаясь реакции, скользнула за дверь.

Пожалуй, это было единственное помещение в особняке, где Императрица чувствовала себя комфортно и уютно.

Пол и стены большой комнаты были выложены малахитом, чаша маленького бассейна, умывальник и прочие сантехнические прелести были из зеленого мрамора, краны и ручки сверкали золотом и все это великолепие буквально утопало во вьющихся растениях, пальмах и прочих экзотических цветах, то ли настоящих, то ли искусственных. Перед огромным, во всю стену зеркалом стоял столик с баночками и флаконами, кресло, обитое зеленою кожей, а сбоку — такая же кушетка. Но "гвоздем" этого интерьера была стеклянная стена, одна сторона которой утопала в бассейне, а другая — в небольшом пруду, который находился уже вне дома. Возможно, именно это ощущение простора и привлекало Императрицу, большую часть времени проводившую фактически взаперти.

Она посмотрела сквозь стеклянную стену: в идеально чистой воде пруда медленно плавали какие-то экзотические рыбки. Ну вот и готовый аквариум для Музантана, будет ему хороший свадебный подарок. Пока тепло, пусть поиграет, а там видно будет, может, он павлинов захочет завести или обезьян. Почему бы и нет, в конце концов? Чем бы дитя ни тешилось... Главное, чтобы ее любил, а он, кажется, любит.

Императрица вышла из бассейна и села перед зеркалом. Сегодня в этом зеркале она увидела незнакомку. Бледное лицо с темными кругами вокруг глаз, тусклые, спутанные волосы, две жесткие морщинки возле губ и еще одна — резкая, вертикальная, между бровей...

В этот момент в дверь ванной тихо постучали.

— Это еще что такое? — нахмурилась Императрица. — Даже здесь покоя не дают. Да, кто там еще?

Дверь приоткрылась, и появилась горничная.

— Там начальник охраны... Я говорила, что вы заняты, но он настаивает...

— Какой еще начальник? — растерялась Императрица.

— Охраны Льва Валерьевна. Говорят, что в ваших же интересах...

Глава шестнадцатая. Нет в жизни счастья!

Я откатилась от компьютера и откинулась на спинку кресла. На сегодня с меня достаточно этих переводов. Звонок во входную дверь раздался так неожиданно, что я чуть не подавилась сигаретой. Кого могло принести в полдень? Ни газовщика, ни сантехника я, кажется, не вызывала, соседи предварительно звонят по телефону, а не непосредственно в дверь, да и время для визитов, скажем, не самое подходящее. Я подошла к двери и накинула:

— Кто там?

— Гестапо! — отозвался мужской голос, мне категорически не знакомый.

— Не вызывала! — молниеносно отпарировала я.

- Плановая проверка.
- Вы что, думаете, я открою? Вот прямо сейчас! Между прочим, могу милицию вызвать, будете разбираться с коллегами.
- Коллег нужно вызывать из другого ведомства, Светлана. Откройте, пожалуйста. Это Костя.
- Он вошел в коридор, и большая квартира тут же стала казаться очень малогабаритной.
- Привет, Светлана. Это вам.
- Костя протянул мне букет потрясающие красивых роз, чем окончательно добил. От таких знаков внимания я, если честно, поотвыкла, да и розы, между прочим, удовольствие по нынешним временам не из дешевых.
- Спасибо. Красота какая! Проходите, присаживайтесь, кофейку попьем.
- Я, собственно, ищу Андрея. На службе его сегодня нет, и сказали, что вряд ли будет. Вот я и подумал... Телефона вашего не знаю, решил заехать сам.
- К сожалению, его у меня нет. И вообще здесь он бывает достаточно редко. Но вы проходите, я вас чаем угощу. Или пивом, если хотите.
- С удовольствием. От пива не откажусь даже из вежливости.
- На прошлой неделе Андрей обещал приехать или позвонить, — сообщила я, наполняя стаканы. — Правда, не уточнил, в какой день. Так что могу дать вам номер его мобилки — не более того.
- Звонил, — мрачно сообщил Костя. — Абонент не отвечает или временно отсутствует. К домашнему телефону никто не подходит.
- По какому домашнему? — насторожилась я.
- По его, — недоумменно ответил Костя. — Он там уже лет семь живет.
- Он уже почти месяц живет по другому адресу и с другим телефоном. Разводится с женой.
- Бывает, — философски заметил Костя. — Телефончиком-адресом не снабди-те?
- Я их не знаю, — старательно-равнодушным тоном ответила я. Костя поперхнулся пивом.
- То есть как?
- А так. С меня достаточно номера мобильного.
- Это вы так решили?
- Так считает Андрей. Возможно, Павел более осведомлен, чем я. Позвоните ему.
- Уже, — отозвался Костя, мощным глотком осушив кружку до дна. — Та же история: на работе нет и сегодня не будет, мобилка не соединяет. Ну нет в жизни счастья!
- Тут я заметила, что жизнерадостность тона моего гостя плохо сочетается с выражением его лица. Нерадостное это было выражение. Можно даже сказать — мрачное.
- Что-нибудь случилось? — осторожно поинтересовалась я. — Не могу сказать, что на вас лица нет, поскольку оно как бы имеется, но...
- Случилось, — буркнул Костя, приводя голос в соответствие со всем остальным. — Еще как случилось! Только понять не могу, есть ли во всем этом хоть какая-то связь. То есть чувствую, что есть, а фактов... Ноль целых, фиг десятых. Одна интуиция.
- Ну, интуиция — это уже кое-что, — обнадежила я его. — Иногда с ее помощью можно буквально чудеса творить. В чем дело-то? Если это, конечно, не государственная тайна...

Костя посмотрел на меня с некоторой иронией, но сдержался и ответил достаточно просто:

— Может, и тайна, только не государственная. А может, и не тайна вовсе, а самая обыкновенная уголовка. А может, вообще чушь полная. Не знаю.

Он поставил пустую кружку на стол и посмотрел на нее не без сожаления. Такие взгляды я прекрасно понимаю, поэтому молча отправилась на кухню и принесла еще пару бутылок, отметив про себя, что нужно будет попросить Андрея купить пополнение. Если, конечно, он позвонит.

— Гениально! — восхитился Костя. — Впервые в жизни вижу женщину, которая умеет читать мысли мужчины. Везет же некоторым...

— В этом вопросе у нас разногласий нет, — сказала я, смеясь. — Что там дальше на повестке дня?

— Конкретное историческое предложение. Нужно все-таки организованно перейти на "ты". На брудершафт при этом пить не обязательно, это предрассудки. А то я все время думаю о хороших манерах и теряю нить рассуждений.

— Предложение принято. Бог с ними, действительно, с манерами! Так что же все-таки случилось?

— Мой шеф откинулся, — мрачно заявил Костя. — Причем на моих глазах. Вот и охраняй...

— Убили?

Костя покачал головой.

— В том-то и дело, что умер он, вроде бы, естественной смертью. Во всяком случае, его не подстрелили, не взорвали в машине и не отравили. Вскрытие ничего подозрительного не показало...

— Человека, конечно, жалко, но в чем загадка-то? Он ведь, кажется, не первой молодости был?

— И даже не второй, притом был не дурак выпить, курил, как паровоз, а в последнее время еще и завел себе молодую любовницу...

— Снова непонятно. Если на фоне всего этого, да естественной смертью, в своей постели... Как говорится, дай нам Бог всем вместе и каждому по отдельности.

— Он умер не в постели, а в ресторане. Прямо за столиком.

— Так это вообще по Булгакову! Переселился, можно сказать, в иной мир в окружении лихих красавиц.

— Вот с красавицами-то как раз и получается напряженка. Точнее, с красавицей. Он собрался ужинать со своей любовницей, хотя еще с утра не очень хорошо себя чувствовал. Я ему намекнул, что мероприятие хорошо бы отложить, а заодно и врачу показаться. На всякий, так сказать, противопожарный. Куда он меня послал, ты, наверное, догадываешься. Приехали в ресторан, по дороге прихватили его красотку. Голову даю на отсечение, подсыпать ему что-то она физически не могла. Сели за столик, что-то заказали. А потом шеф вдруг начал сползать на пол. И все. Красавица устроила грандиозную истерику, что, в принципе, понятно и объяснимо. И быстременько сбежала.

— Что тоже, в общем-то, не криминал.

— Да все как бы не криминал! Но в принципе у шефа было здоровое сердце, а умер он от инфаркта, мгновенного и обширного. Согласен, тоже случается. Но... — Костя явно замялся и стал чрезмерно тщательно гасить в пепельнице докуренную до фильтра сигарету.

— Ну? — не выдержала я паузы. — Что но?

— Понимаешь, я как раз хотел с этой дамой побеседовать. Прежде всего, по поводу твоей подруги. Деликатно так побеседовать, в частном порядке, как меня Па-

вел и попросил. Кое-что я и без нее знал, кстати. Начальник ее охраны, ну, тот, которого в церкви грохнули, намекал мне, что там не все чисто хрустально. Ну, сама понимаешь, мы с ним коллеги, причем дважды: по первому, так сказать, месту работы и по нынешней службе. Была там какая-то женщина, которую вывезли из дома в абсолютно бессознательном состоянии. То ли пьяную в стельку, то ли обкурившуюся — он не вникал, ему нужно было от лишних свидетелей избавляться, благопристойно обставить кончину своего хозяина.

— Благопристойно — это как? — заинтересовалась я.

— Так, чтобы следов не осталось, — охотно пояснил Костя. — На нашем языке еще говорят: почистить как следует. Но дело не в этом. Я хотел лично побеседовать с Императрицей...

— С кем, с кем?

— Да это у нее кличка такая — Императрица. Мы же при тебе о ней говорили, ты еще гадалку какую-то в этой связи поминала.

Туман у меня в голове начал медленно рассеиваться, а события, наоборот, принимать более или менее четкие очертания.

— И удалось тебе с ней поговорить? Хотя ты же сказал: твой шеф умер. Вот уж, правда, не вовремя.

— Я поехал к ней на следующий день. С трудом, но добился, чтобы меня впустили в дом. С еще большим трудом заставил обо мне дождаться. И все — впустую. Полный облом. Мадам не пожелала меня видеть, передала, что она, во-первых, занята, а во-вторых, ей со мной говорить не о чем. Вот так.

— А ты думал, она тебя кофе с пирожными будет уговаривать? — не удержалась и я.

— О чем я думал, к делу не относится. Слушай дальше, это все пока еще преамбула. Значит, мадам дала мне отворот поворот, но забыла приказать, чтобы меня вообще выставили. Я пошел было по особняку с людьми беседовать, благо меня там несколько раз видели, знали, что не чужой. И тут не вышло: после смерти хозяина вся прислуга сменилась, никого из прежних не осталось. Подругу твою, естественно, никто не видел, ничего о ней не слышал.

— Собственно, никто и не ожидал...

— Что ваша Юлия жива и здорова? — продолжил мою реплику Костя.

— То есть как? — опешила я.

— А так, что поскольку есть заявление о ее пропаже, то данные о ней заведены куда следует. И мне почти сразу после визита в особняк позвонил один старый кореш из милиции и сказал, что никакая девушка не пропала, а живет в свое удовольствие. В казино, например, ходит, причем не из дешевых.

— Ничего не понимаю... — растерянно проговорила я.

— А там перестрелочка вышла, вот и стали проверять документы у всех присутствующих и записывать паспортные данные. Среди них — твоя Юлия. Так что все очень просто. Собственно, я и это хотел Павлу с Андреем рассказать, а потом сообщил, что тебе будет тоже интересно.

— Правильно сообразил, — отозвалась я, — еще как интересно. И где же она сейчас?

Костя пожал плечами.

— Понятия не имею. В этом казино она впервые была, никто ее раньше не видел. Уехала — и все. Прописка у нее не московская, так что с адресом ничего выяснить не удалось.

— Но если Юлия жива и здорова, то почему она до сих пор не давала о себе знать? Возможно, конечно, Юлия в лице вдовы-миллионерши обрела надежную

покровительницу и в подругах уже не нуждается. Это, конечно, свинство, но не более того.

— Логично. Как рабочая версия — вполне. Но... зачем было менять всю прислугу в доме, включая охрану?

— Знаешь, я не готова ответить на этот вопрос. Но почему все-таки Юлия не позвонила Галке, чтобы сообщить о благоприятных переменах в своей жизни?

— Люди способны на самые неожиданные и экстравагантные поступки, — философски заметил Костя. — Я все-таки добьюсь встречи с дражайшей Ириной Феликсовной, тем более, что ей нужен начальник охраны, а мне нужна работа.

— Это как раз понятно, — задумчиво сказала я, одновременно переваривая полученную информацию. — Ты пока пивка попей, можешь телевизор включить.

Костя живо нажал на кнопку и стал смотреть вечерний выпуск новостей. Внезапно он замер и уставился в экран. Там показывали какое-то очередное задержание на таможне, сотрудники соответствующих служб общались с понурой гражданкой, лет тридцати. Единственное, что было заметно на лице этой женщины: накрашенные губы. И цвет помады был мне знаком: я уже видела этот уникальный ядовито-малиновый тон на сигаретных фильтрах. Оказывается, эта помада пользуется определенным успехом, вот уж не подумала бы!

— Слушай, мать, — приглушенным голосом сказал он, — а ведь эту бабу я у шефа видел, ей-богу! За несколько дней до его смерти.

— Ну и что? — недоуменно спросила я.

— Да нет, ничего... Только, кажется, понятно, что там они обсуждали... Интересно, даже очень. Вовремя, кажется, шеф откинулся...

— Костя, — вдруг решилась я, — а ты не мог бы сделать мне одно одолжение?

— Попробую, если это в моих силах.

— Мне нужно отдать на экспертизу одну штуку. На предмет обнаружения остатков яда.

— Всего-то? За день нарисуем, не проблема.

— Только пусть это будет наша маленькая тайна, — попросила я. — Андрей терпеть не может, когда я занимаюсь самодеятельностью. Павел, кстати, тоже. А от результатов этой экспертизы, мне кажется, может зависеть судьба Ивана.

Я достала надежно запрятанный осколок бокала, который хранила со дня своего рождения и происшествия с бедным Никитой, и вручила сверточек Косте. Он, не глядя, сунул его в карман своей необъятной куртки и встал.

— Ладно, я пошел. Спасибо за приют и ласку, жаль только, что не хочешь давать координаты Андрея. Понятно, что полномочий не имеешь, но все-таки...

— Да не знаю я никаких координат!

— Естественно! Полтора года живешь с человеком, с какой стати он тебе будет давать такую информацию о себе?

— Я с ним не живу, — мрачно сообщила я. — Мы дружим. Причем, в основном, домами — с Павлом и Еленой.

Оставшись одна, я села и стала думать сначала о том, что все-таки полное неизвестие адреса и телефона близкого человека не совсем нормальное явление.

Интересно также, куда могли запропаститься Андрей с Павлом? Теоретически — рабочий день, должны смирно сидеть в своих кабинетах или хотя бы мобильники не отключать. Позвонить Елене? Она ничего не скажет, даже если знает.

Андрей все-таки проявился ближе к вечеру, но свою недоступность в течение дня объяснять не стал. А я не стала задавать вопросы, потому что совсем не была уверена, что мне понравятся ответы на них.

— Ну, как ты там, малыш? — спросил он. — Выполнила на сегодня свою норму по трупам?

— Ты мне лучше скажи, удалось найти какие-нибудь следы Юлии? Или все по прежнему глухо?

— Работаем, — неопределенно ответил Андрей. — Пока возникла одна-единственная зацепка: перед отъездом в Уральск Юлия собиралась поехать на встречу с одним очень крутым бизнесменом. Я звонил Галке, она напряглась и вспомнила: о чем-то таком они с ней накануне вечером говорили. Но практически потянули пустышку. Ни в тот день, ни на следующий этот самый бизнесмен в своем офисе так и не появился. Болел. А потом взял да и умер.

— С его стороны, конечно, свинство, — посочувствовала я. — Теперь он уже вряд ли сможет дать хоть какие-то показания.

— В общем, испарились девушка. На поезд так и не села, это мы тоже проверили. Единственный занятый, с позволения сказать, момент во всем этом: покойный бизнесмен — супруг Императрицы...

— Я же говорила! — так и подскочила я.

— Говорила, — согласился Андрей. — Но твои разговоры доказательством быть не могут, так уж сложилось, извини. Императрица последние несколько месяцев в офисе супруга не показывалась. Так что сама прикинь...

— Андрюша, а что там с Иваном происходит? Где он вообще сейчас?

— В психиатрической больнице, — буркнул Андрей.

— Не смешно, — фыркнула я.

— А я и не смеюсь, все вполне серьезно. Он на допросах понес такую оклесицу о призраках, привидениях и прочих потусторонних явлениях, что его определили на экспертизу, а если понадобится — на лечение. Прямых-то доказательств преступления нет. А высказывается гражданин так, что нормальным его назвать — язык не поворачивается.

— В Сербского отправили? — поинтересовалась я.

— Невелика птица! — отрезал Андрей. — Можно сказать, определили по месту жительства. Есть в городе Видном, точнее, рядом с ним такая маленькая психиатрическая больничка...

— Не может быть! — ахнула я.

— Почему не может? Очень даже может: тихий уголок, недавно капитально отремонтирован, чистенько, палаты на четверых, но есть и одиночки.

Я-то изумилась другому: насколько тесен мир. Совсем недавно я вспомнила про своего знакомого психиатра, главного врача этой самой больнички, а теперь оказывается, туда определили моего бывшего мужа. Ну, уж тут сам Бог велел возобновить знакомство. Интересно только, почему ни Андрей, ни Павел как-то не удосужились мне об этом сообщить? Все-таки речь идет о моем муже, пусть и бывшем.

— В ближайшие дни я по горло занят, малыш, — продолжил Андрей. — Скорее всего, и в выходные тоже. Тут у нас, помимо запарки, еще всякие корпоративные мероприятия будут, а мне нужно активно влияться в новый коллектив. Так что придумай себе какое-нибудь увлекательное занятие и не грусти.

— То есть до следующих выходных я тебя не увижу? — уточнила я.

— Типа того. Но как только разгребу все дела, сразу позвоню. Ты на меня не сердишься?

— За что мне на тебя сердиться? — ответила я вопросом на вопрос. — Кстати, тебя разыскивал Константин. Зачем-то ты срочно ему понадобился вместе с Павлом.

— Спасибо, разберусь. Пока.

— Пока, — нетерпеливо попрощалась я, уже роясь в телефонных книжках в поисках номера главврача психушки.

Во второй по счету книжке я обнаружила его на букве "в", поскольку именно с нее начиналось название города Видное, и тут же позвонила.

Откликнулся приятный женский голос:

— Больница слушает.

— Здравствуйте. Могу я поговорить с Михаилом Петровичем?

— Как вас представить?

Я назвала фамилию.

— Сейчас посмотрю, на месте ли он.

Михаил оказался на месте и даже вспомнил меня. Но по телефону обсуждать какие бы то ни было проблемы счел неправильным, а пригласил меня приехать к нему через два дня, часиков в двенадцать. Обход уже закончится, и мы сможем спокойно обо всем поговорить.

— Если бы до этого вы могли осмотреть моего экс-супруга, — попросила я, — то сделали бы мне огромное одолжение.

— Господи, — изумился Михаил, — а я думал, что это ваш однофамилец. Тесен мир, до безобразия тесен. Мы ведь, кажется, с ним даже встречались когда-то...

— Да, было такое, но очень давно, — согласилась я. — Вряд ли он вас вспомнит, у него сейчас голова совсем другим занята.

— Не сомневаюсь, — откликнулся Михаил. — Не беспокойтесь, все сделаю в лучшем виде. Приезжайте, жду.

Глава семнадцатая. Все мы — пограничники

Через два дня я, как и собиралась, отправилась на встречу с Михаилом. Идти от станции действительно было недалеко, я только один раз переспросила какую-то тетку, правильно ли иду к психиатрической больнице.

Больница, точнее, больничка, представляла собой два одноэтажных кирпичных здания, соединенных кирпичным же коридором. Один корпус — женский, другой — мужской. Кабинет главврача находился почему-то в женском корпусе, хотя, возможно, это было продиктовано какой-то профессиональной спецификой.

Внутрь попасть было непросто. Входная дверь оказалась запертой, пришлось звонить в специальный звонок, на который откликнулась медсестра. Я объяснила, к кому, собственно, иду, она меня впустила, но строго отконвоировала до самого кабинета, предварительно заперев входную дверь.

Михаил практически не изменился за то время, что мы с ним не виделись. Та же вьющаяся ухоженная шевелюра, те же холеные усы, только в поведении появилась некая солидность.

— Время вас не берет, Светлана, — с ходу отвесил он мне комплимент. — Выглядите классно. Как супруг?

— Супруга я похоронила без малого два года назад, — сообщила я.

— Простите.

— Ничего. Я уже адаптировалась. Сначала, конечно, было кисло.

— Да, — философски изрек Михаил, — человек ко всему привыкает. Даже к сумасшедшему дому.

— По-моему, сумасшедший дом как раз остался снаружи, — усмехнулась я. — То и дело народ голоса какие-то слышит, ритуальные убийства совершают и так далее... Откуда столько психов взялось?

— А их сколько было, в среднем, столько и осталось. Просто раньше статистические данные по нашему профилю считались сверхсекретными. Возможно, людей с психическими отклонениями было ничуть не меньше, чем сейчас, просто лучше работали "тормоза": страх попасть в "психушку" и тем самым обрести клеймо на всю оставшуюся жизнь и стать человеком второго, если не третьего сорта.

— Да, психушек тогда больше тюрьмы боялись. Воистину, страх — самый надежный способ держать людей в узде.

— Кончилась узда, — вздохнул Михаил, разливая чай и доставая конфеты, явно подношение от родственников больных. — Теперь пока человек не впал в белую горячку или, не дай Бог, конечно, кого-нибудь не прикончил или не ограбил, его психика неприкосненная. Он может постоянно угрожать родным, близким и вообще посторонним людям всевозможными ужасными расправами, но пока он только болтает, ничего с ним поделать нельзя. Он, может, и сумасшедший, но ведь не дурак же — идти в "психушку" добровольно. Это нормальный человек может прийти к невропатологу, ну, в крайнем случае, к психотерапевту, и сказать: "Доктор, я, кажется,хожу с ума, у меня вот такие-то симптомы..." Но ни один человек с действительно существующими психическими отклонениями никогда этого не признает. Кстати, о нормальных людях. Пообщался я вчера с вашим экс-супругом. С моей точки зрения, он абсолютно вменяем, но если нужно, чтобы он был немножко сумасшедшим, то это не проблема. В принципе, мы все "пограничники", кого-то заносит в шизофрению, кого-то — в паранойю, так что нюансов масса.

— А кому нужна его невменяемость? — заинтересовалась я.

— Полковник, который мне звонил сразу после госпитализации вашего супруга, намекнул на это более чем прозрачно.

— Полковника, случайно, не Павлом Васильевичем звали? — спросила я, подчиняясь внезапному порыву.

— Возможно. Он имени и отчества не называл, представился как полковник Артемьев. Конечно, ваш экс-супруг рассказывает странные вещи. Голоса ему мешались, тени какие-то по территории ходили. Но при всем том он абсолютно адекватен, прекрасно ориентируется в окружающей среде, даже знает, что я обязан соблюдать врачебную тайну, и поэтому рассказал мне кое-что приватное.

— Если бы он рассказал, где на самом деле был в тот проклятый вечер, он ни в тюрьму, ни сюда бы не попал. Главная его беда — отсутствие алиби.

— Хотите сами с ним поговорить? Я действительно не могу нарушить наше правило, мало ли что мне тут пациенты рассказывают.

— Хочу — не хочу, а наверняка придется. Может быть, он перестанет упираться, и я смогу ему помочь. С моей точки зрения, он абсолютно нормальный человек. У меня к вам еще один вопрос, чисто теоретический. Есть у меня знакомая дама, прикованная к инвалидной коляске. Ноги у нее отнялись после тяжелого триппа, а в детстве она переболела полиомиелитом. Но мне кажется, что она — либо стопроцентная ваша пациентка, либо наркоманка со стажем. Симптомы, по-моему, можно толковать и так, и эдак.

Я рассказала ему о Елене и ее чудачествах. Какое-то время Михаил молчал, осмысливая полученную информацию, потом сказал:

— Конечно, заочный диагноз — это очень приблизительно. Но мне кажется, что шизофрения там присутствует, причем цветущая. Классический симптом: периоды возбуждения и разговорчивости сменяются абсолютным нежеланием общаться с кем бы то ни было. Она пьет?

— Практически нет, только курит.

— Ничего конкретного не могу сказать заочно, но по вашему описанию у нее в любой момент может наступить агрессивный период. Накапливаются отрицательные эмоции, а выплеск может быть каким угодно: от банальной истерики до самоубийства. Но судя по всему, она женщина хладнокровная: никак внешне не среагировала на трагедию с отравлением. Один совет: держитесь от нее подальше, — сделал вывод Михаил. — А еще лучше, посоветуйте ее супругу показать ее специалистам. Иначе дело может очень плохо кончиться. Возможно, там не только шизофрения, но и наркотики. Хотя опять же заочно... Ладно, а теперь пойдемте пообщаемся с вашим протеже.

Мы прошли из женского отделения в мужское через коридор без окон, но зато с двумя стальными дверями с обеих сторон. Медсестра ловко пользовалась одним и тем же ключом странной формы, но мне стало как-то не по себе. Почему — не знаю, меня же никто не собирался удерживать в этих стенах, но настроение резко испортилось. Я подумала, что скорее всего эта маленькая больничка не так проста, как кажется, и что, поговорив с главным врачом, сюда можно определить кого угодно и получить искомый диагноз.

В приемную мужского отделения Иван сопровождал санитар. По-видимому, это было обычной здесь процедурой, но впечатление тоже производило удручающее. Сначала Иван, по-моему, не врубился, кто еще пришел по его больную душу. Пришлось брать инициативу в свои руки.

— Привет, Ваня, — сказала я как можно мягче. — Я тут тебе кое-что принесла.

— По правилам, сумку должен проверить санитар, — негромко сказал мне Михаил, — но вам я доверяю.

— Там только фрукты и сигареты, — ответила я тоже вполголоса. — Ничего запрещенного.

На звук моего голоса Иван среагировал и поднял на меня совершенно измученные глаза.

— Ты пришла? Как ты узнала?

— Случайно. Произошла утечка информации. Тебе неприятно?

— Я не в том виде, чтобы принимать гостей.

— Давай все-таки посидим и поговорим, — предложила я. — Что-то мне слабо верится в твоё душевное заболевание.

— А я здоров, — с оттенком раздражения проговорил Иван, но все-таки сел в одно из кресел. — Правда, здесь намного лучше, чем в тюрьме, но решетки на окнах тоже есть.

— В конечном итоге, все зависит от тебя. Если выяснится, что в момент совершения преступления ты был в каком-то определенном месте и это кто-то может подтвердить, ты будешь свободен.

— Да не могу я это сказать!

— Честь дамы? — предположила я и попала в яблочко.

— Угадала, — процедил сквозь зубы Иван, раскуривая сигарету. — Давай угадывай дальше.

— Она замужем, и огласка ей не нужна.

— Опять правильно.

— Ваше свидание прервалось на самом интересном месте неожиданным приходом мужа. Но смыться ты успел.

— Ты можешь заниматься гаданием не хуже твоей Алины, — усмехнулся Иван. — Пока все так, как ты предполагаешь.

- Осталось только выяснить, где ты был после этого.
- С женщиной был. Точнее, с проституткой. Найти ее, боюсь, проблематично. Помню только, что ее звали Лялей. И что я только попусту потратил время и деньги.
- Но почему ты об этом не сказал?
- Меня не красит ни первый эпизод, ни второй. Правда, после тюрьмы и этого вот заведения я готов признаться в чем угодно.
- Лучше скажи все, как есть, — посоветовала я.
- Я-то планировал целые сутки провести с порядочной, милой женщиной, а ее муженек, который к этому времени должен был лететь в Тюмень, вернулся, потому что вылет отложили на двенадцать часов. Повезло только в том, что квартира — на первом этаже.
- А как ты попал на участок?
- Иван пожал плечами.
- Через свой лаз, естественно. Только о нем никто не должен знать, это моя тайна.
- Придется все-таки кое-что рассекретить, — вздохнула я. — Тогда действительно будет понятно, что ты близко к месту убийства не подходил. А перед этим развлекался совсем в другом месте. В результате твоих упражнений в этике поведения крайней чуть было не оказалась я. Правда, у меня, в отличие от тебя, алиби стопроцентное.
- Дама в черном... — пробормотал Иван.
- Какая дама? — опешила я.
- Там на участке время от времени неизвестно откуда появляется женщина. Ходит беззвучно, исчезает внезапно, иногда с кем-то беседует возле калитки. Но очень тихо — слов не разобрать.
- Так, может быть, эта дама Настю застрелила, а пистолет тебе подбросила?
- Все может быть, — сказал Иван и закурил другую сигарету.
- Ладно, на сегодня достаточно. — Я поднялась. — Если что — звони мне. Думаю, Михаил Петрович тебе позволит.
- В порядке исключения и нечасто, — тут же отреагировал Михаил.
- Иван неохотно встал и взял пакет, который я принесла.
- Ты поосторожнее со своим бой-френдом. Сейчас ведь не разберешь, где милиция, а где бандиты. Не вляпайся во что-нибудь по глупости.
- Она постарается, — усмехнулась я. — Тем более, что он не из милиции. Не грусти, все еще наладится...
- Да? — скептически спросил Иван. — А на чердаке ты была?
- Заходила, — пожала я плечами. — Пыль, правда, немного, рухлядь какая-то в умеренных количествах, ящики со свертками, вроде бы, забитые, а на самом деле можно открыть.
- Они были забиты, когда я смотрел. Из любопытства дощечку и отодрал, аккуратненько так. А как увидел, чем ящики набиты, так сразу оттуда сбежал. Только этого мне не хватало!
- Чего именно? — недоумленно спросила я.
- А сама ты не знаешь, что в этих мешочеках?
- Понятия не имею.
- А вы, доктор? — обратился Иван к Михаилу Петровичу.
- Мешочки тугие, но мягкие? — уточнил тот.
- Иван кивнул головой.
- Значит, наркотики. Тара стандартная.

Я так и села. Наркотики? В доме у полковника ФСБ? И в таком количестве? Даже я знала, что все это стоит совершенно сумасшедших денег. И к тому же крайне опасно.

— Вот так, милая моя, — язвительно проговорил Иван. — Я ко всему прочему получил абсолютно лишнюю информацию. А теперь ты туда влезла...

— С твоей подачи, между прочим, — огрызнулась я.

— Никому не говори и уноси оттуда ноги, пока тебя не впутали в какой-нибудь криминал. Что ж тебе так везет на головников?

— Карма, наверное, такая, — пробормотала я. — Ладно, твои пожелания я учту. А ты перестань валять дурака и расскажи про своих дам. Одной это до фонаря, а вторая сама виновата: нельзя нарушать супружескую верность. И все у тебя наладится.

Мы вернулись в кабинет Михаила Петровича. Я молчала, ждала, пока он сам что-то скажет.

— Ну что ж, — произнес он, — вы все видели сами. Слава Богу, что он, наконец, перестал играть в молчанку и признался в своих похождениях. Кто-нибудь будет проверять его алиби?

Я покачала головой.

— Вряд ли. По-моему, моим знакомым нужен кто-то виновный, но без тюремного заключения и прочих заморочек. У вас ему безопаснее всего, пусть отсидится или отлежится, как удобнее. Нервы подправит. А тем временем заинтересованные лица разберутся в ситуации, назначат кого-нибудь преступником и закроют дело.

— Они могут преступником назначить Ивана.

— Я не позволю, — коротко ответила я. — Мне, в принципе, все равно...

Электричка, как ни странно, пришла вовремя, я села в полупустой вагон и начала сама для себя выстраивать версии, но меня отвлек звонок мобильного телефона. Звонил Константин.

— Ты где находишься? — начал он без всяких предварительных фраз.

— В электричке. Через пять минут буду на Павелецком вокзале.

— Нужно поговорить. Где встретимся?

— Где хочешь. Я сегодня свободна.

— Тогда через полчаса у входа в Парк культуры имени отдыха.

— Договорились, но...

Но Константин уже отключился. Что ж, особо важных дел у меня на сегодня действительно не предвиделось, Андрей в ближайшие дни даже звонить не обещал, можно выстраивать жизнь так, как хочется мне, а не кому-то еще. Только бы не проговориться, что я ездila к Ивану и вообще неплохо знакома с главным врачом этой маленькой психиатрической больницы. Я ведь не знаю, на чьей стороне, точнее, в какой команде играет Костя, а иметь его в качестве противника мне хотелось меньше всего на свете.

Я успела к месту встречи даже на пять минут раньше, но Константин, по-видимому, оттуда и звонил, потому что выхаживал на пятачке перед воротами, время от времени бросая взгляд в ту сторону, откуда теоретически должна была появиться я. Как только я оказалось в пределах его досягаемости, он крепко схватил меня за локоть и поволок через турникет в парк, не затрудняя себя приобретением входных билетов. Самое интересное заключалось в том, что охранники на входе восприняли это как должное.

Костя доволок меня до боковой аллеи и усадил на ближайшую лавочку.

— На твоей стекляшке обнаружили следы яда. Какого — определить пока невозможно, но это снадобье появилось в Москве не больше года назад. Симптомы отравления одни и те же — разрыв аорты, в организме эта штука бесследно растворяется меньше, чем за сутки. Причем снадобье запредельно дорогое, и откуда оно берется — тайна, покрытая мраком. Используют его только очень богатые люди и погибают тоже только такие.

— Я похожа на богатую женщину? — скептически спросила я. — А по раскладу яд предназначался именно мне. Бедный Никита, царствие ему небесное, просто перепутал бокалы: хотел взять Алину, а схватил мой.

— Как говорится, неинтересно, но любопытно, — проворчал Константин. — Если кто-то хотел от тебя избавиться, то существует масса других дешевых и доступных способов. Ты права, такая отрава тебе пока еще не полагается. Давай говорить дальше.

— Давай, — покладисто согласилась я. — Только попить бы чего-нибудь. У меня от таких ужасов в горле пересохло.

— Момент, — кивнул Костя, быстрым шагом двинулся куда-то вбок, и уже через несколько минут вернулся с двумя запотевшими бутылками пива в руках.

— Твоих вкусов я не знаю, а пиво — оно и в Африке пиво.

— Пусть будет пиво, — согласилась я.

Мне было действительно безразлично, что пить, лишь бы туда опять чего-нибудь не подсыпали.

— Домработницу застрелили из пистолета Павла, — сообщил Костя, в три глотка опустив свою бутылку. — О том, что в доме есть пистолет, знали только сам хозяин и его жена. Иван об этом представления не имел.

— Подержите его в психушке недели три, он начнет сквозь стены видеть и признается в чем угодно, — не без сарказма сказала я. — В то, что Иван убийца, я ни минуты не верила. Мой совет: поспрашивать его ласково на предмет алиби, мне кажется, все прояснится.

— Возможно. И не останется никого под подозрением. Кроме тебя, естественно.

— Почему кроме меня?

— Потому что алиби тоже довольно зыбкое, а про пистолет ты могла знать: он достался Павлу как бы по наследству от прежних хозяев, с которыми ты дружила, причем очень близко.

Я на какую-то секунду онемела от удивления. У Володи был пистолет? Вот уж новость, так новость. Не иначе купил на черном рынке просто "чтобы был", да так и оставил в каком-нибудь не слишком хитром тайнике письменного стола.

— Понятия не имела ни о каком пистолете, — твердо сказала я. — Между прочим, бывший хозяин этого кабинета к себе вообще никого не пускал, даже родную жену, не говоря уже о приятелях и приятельницах. Так что эта версия не выдерживает критики. Давай лучше подумаем, кто мог подсыпать или подлить яд в бокал. Круг присутствующих был довольно узок.

— Излагай, — кивнул Костя.

— Павел, Андрей, Елена, Галина, моя подруга, и Алина, вторая моя подруга со своим любовником. Любовника отметаем сразу, так?

— Допустим.

— Алина тоже вне подозрений: Павла и Елену она видела первый раз в жизни, Андрея, по-моему, во второй, а мы с Галкой ничего такого не сделали, чтобы ей нужно было нас убивать.

— Хорошо. А твоя Галина?

— Ни мотивов, ни поводов, ни возможности достать яд. Павел и Андрей исключаются по определению, — продолжила я. — Павлу это ни к чему, а Андрею проще бросить меня, чем тратиться на дорогостоящие и экзотические средства. А вот Елена...

— Откуда у нее-то яд?

— Оттуда же, откуда наркотики, — рубанула я. — Она же больная женщина, вы что, этого не знаете, не замечаете? И дело не в ногах, она на голову больная, плюс наркоманка с большим стажем.

— Серьезно? Откуда ты это знаешь? — спросил ошарашенный Костя.

— Простая наблюдательность и давний интерес к психологии. Всего-навсего.

— Черт, а ведь действительно. Я ее, в принципе, видел считанное число раз, особо не приглядывался, но что-то такое есть, действительно. Врачи-то что говорят?

— Врачи ничего не говорят, потому что Павел состояние любимой жены тщательно от всех скрывает.

— У меня, понимаешь ли, из головы не идет то, что и Попугай, и юноша скончались практически одинаково. Юношу, как видно, отравили. Значит, и Попугая тоже. Кому это было выгодно, ежику понятно: супруге и моему бывшему боссу. Босс тоже приказал долго жить. Значит...

— Значит, нужно искать подходы к Императрице. Поговори с Павлом, по-моему, у него есть один деятель, который входит в тот дом. Ниточку, кажется, нужно тянуть именно оттуда, тогда весь клубок потихонечку размотается.

— Создам частное детективное агентство, пойдешь ко мне работать? — усмехнулся Костя.

— Только позови. По крышам я, правда, бегать не умею и стреляю из рук вон плохо, но интересных мыслей у меня обычно много. Глядишь, хоть одна, да подойдет.

— Заметано! А пока попробую устроиться в этот дом по специальности. Сядь, пожалуйста, у меня еще одна новость есть. На ногах ты точно не удержишься. Сегодня я еще раз попробовал попасть на прием к Императрице. Но опять не повезло. То есть впустили меня впали, и мадам, кажется, даже хотела со мной поговорить, но тут вдруг началась какая-то суматоха, беготня, какие-то люди приехали. Про меня, естественно, забыли, вообще охрана там сейчас — туши свет! И вот попробуй догадаться, что это такое было?

— Визит налоговой полиции, — предположила я.

— Размечталась! — фыркнул Костя. — Гораздо интереснее. Мадам решила выйти замуж. Причем в загс не поехала, она сотрудников с регистрационной книгой на дом пригласила.

— Имеет право, — покачала я плечами. — У богатых свои причуды.

— Трудно не согласиться, — кивнул Костя. — Только слушай, что дальше-то было. Я посидел тихонечко в уголке, пока там бракосочетались, дождался сотрудницы загса, навязался ей в провожатые. Охранники только рады были на меня эту заботу спихнуть, а я все равно в город ехал. По дороге стал девушку обаять...

— Обаял? — с огромным интересом спросила я.

— Обижаешь, подруга! — возмутился Костя. — У меня с этим делом осечек никогда не бывает, я только не хвастаюсь, потому что скромный и застенчивый. Слушай, мы будем про меня говорить или про Императрицу?

— Про Императрицу, конечно. Про тебя как-нибудь в другой раз. Ну, и что с девушкой из загса?

— А то, что она мне показала книгу регистрации. Знаешь, кто вступил в замужний брак? Юлия!

— Ты ничего не перепутал? — ошарашенно спросила я.

— Опять обожаешь. Память у меня прекрасная, в том числе на имена и фамилии. Твоя подруга, все сходится. Значит, никуда ее не увозили, и ничего с ней не случилось, просто пригрелась возле богатой дамы, да еще и мужа получила. Так что за нее можно только порадоваться.

— А муж у нас кто?

— А муж у нас — никто. То есть у человека, разумеется, есть и имя, и фамилия, и отчество, и даже год рождения, но мне это ровным счетом ни о чем не говорило. Не попадался он мне по жизни никогда, даже в разговорах не мелькал. Но... Мне его описали. Похоже, воздыхатель Императрицы. Молодой смазливый блондин с приятными манерами. Совсем непонятно. Юлия-то постарше его будет годков на десять.

— А если это любовь? — предположила я.

— Не смеши, подруга, — отмахнулся Костя. — Если я правильно понимаю этот персонаж, он не из тех, кто способен жениться даром. Даже по большой и страстной любви. Скорее всего, фиктивный брак, чтобы Императрица выглядела безупречно. Рано ей еще замуж, траур не закончился.

— Фантастика какая-то, — вздохнула я. — Почти как в тех книгах, которые я перевожу. Там, правда, трупов побольше. То есть буквально по трупу на один авторский лист. Иногда даже по два.

Костя довез меня до дома на стареньком, но очень приличном "вольво", сделал ручкой на прощание и умчался по своим делам. Оставшийся вечер прошел в мелких хлопотах по хозяйству, потом я посмотрела какой-то боевик и решила для разнообразия лечь спать пораньше, а заодно и испробовать рекомендованное Михаилом средство от бессонницы. Большая шипучая таблетка быстро растворилась в стакане с минеральной водой, я закурила последнюю в этот день сигарету, легла в постель и приготовилась к привычному времяпрепровождению: открытые глаза уставлены в потолок, а в голове скачут, обгоняя друг друга, не слишком приятные мысли и обрывки воспоминаний.

Но произошло маленькое чудо. Я почувствовала, как глаза сами собой закрываются, я становлюсь невесомой и медленно-медленно отплываю куда-то, без единой мысли в голове. Я даже не успела удивиться, как глубоко заснула.

Глава восемнадцатая. Профессионалы и дилетанты

Несколько дней после визита в психиатрическую больницу и последовавшей за ней встречей с Константином я провела чрезвычайно спокойно, даже не пытаясь как-то связаться с Андреем. Прежде всего, не было повода: работа, дом, какие-то мелкие дела, с которыми я прекрасноправлялась самостоятельно. Да и Константин звонил достаточно регулярно, так что я была более или менее в курсе того, что происходит. Вот и опять меня отвлек от дел его звонок.

— Мать, гостей сегодня принимаешь? — спросил он, как всегда пропустив вступительную часть разговора.

— Каких гостей? — растерялась я.

— Незваных, — хохотнул Костя. — Мы с Милдой хотели бы на часок к тебе зарулить. Обменяться, так сказать, информацией. Только не затевай никакой гостевки, мы только что пообедали.

— Ну, на таких условиях, конечно, приезжайте, — усмехнулась я. — Только предупреждаю: дома у меня полный разгром.

— Не влияет, — отозвался Костя. — Через полчасика будем.

Ровно через полчаса раздался звонок во входную дверь. Появились мои неизвестные гости: Константин с букетом цветов и бутылкой вина и Милда с коробкой конфет.

— Мы со своими харчами и выпивкой! — радостно заявил Костя.

Принесенный Костей букет сирени я пристроила в спальне, а мы расположились на кухне, предварительно расчистив там пятачок свободного места.

— У вас сегодня выходной, Милда? — вежливо поинтересовалась я, пока Костя откупоривал бутылку и добывал бокалы.

— Можно сказать так, — кивнула она. — Вчера вечером хозяин так решил.

— Соображаешь? — спросил Костя, разливая вино. — Лишних на сегодня убирают, значит, что-то затеяли. Меня тоже не зовут, хотя могли бы. Милда, рассказывай. Ты же сама хотела, чтобы Светлана...

— Я понимаю, да, так, — отозвалась Милда. — Сейчас расскажу. Только закурю.

За компанию взяла сигарету и я. Костя тем временем достал из кармана фотографию... Юлии. Уж где он ее взял, понятия не имею.

— Это я украла, — спокойно прокомментировала Милда. — Вам ведь это интересно будет, так?

Я кивнула, решив ничему уже не удивляться.

— Я видела ее, — продолжила Милда. — У моей прежней хозяйки. Не знаю, что она там делала, а вопросы задавать невозможно было. С этой вашей знакомой я не разговаривала вообще. Появилась она... Подождите, это было еще до смерти хозяина, да, так. Перед майскими праздниками, в самую жару, помните, тогда просто дышать было нечем. Она там жила дней десять, наверное. Ну уж не меньше недели, это точно. Хозяйка сказала, что это ее подруга.

— Так что с этой женщиной? Ее, кстати, Юлией зовут. Перед праздниками она должна была уехать к себе, в Уральск. И — с концами.

— Никуда она не уезжала, из Москвы, во всяком случае. В город, да, часто ездила, но только на несколько часов. Так. Ночевать всегда в особняк возвращалась...

— Она и сейчас там?

Милда отрицательно покачала головой.

— Ее увезли в ту ночь, когда хозяин умер. Прямо в разгар всей этой суматохи. По-моему, у нее были проблемы, то ли с алкоголем, то ли с наркотиками, да, так. На ногах она не стояла, это точно. Приятель хозяйки ее чуть ли не на руках к двум тащил, а начальник охраны ему помогал.

— А что за приятель хозяйки? Он-то откуда взялся?

— Не знаю. Пока хозяин был жив, она никого из мужчин к себе никогда не приглашала, он бы ей просто голову оторвал, а ее гостю — все остальное заодно. А тут явился: молодой, одет с иголочки, выхоленный, даже красивый. Только на мой вкус сладковат несколько. Знаете, на кого смахивает? На этого красавчика, который в "Титанике" главную роль исполняет. Хотя постарше, конечно, да.

— Как этого приятеля звали, не помните?

— А хозяйка его по имени и не называла.

— Как же она к нему обращалась?

— Артист? Нет. Пианист? Нет. А, вспомнила! Музыкантом она его звала, так, да! Я немного удивилась, а потом забыла, и без того веселья в доме хватало.

— Значит, этот самый Музыкант Юлию увез? Куда?

— Вот этого не знаю. Он потом вернулся один. И остался в особняке ночевать. А позже Константин позвонил и сказал, чтобы я уходила оттуда, так. Там стало опасно. И Николай Дмитриевич отправил меня к Павлу Васильевичу, там как раз была нужна домоправительница.

Эту часть истории я уже знала.

— Моя новая хозяйка тоже употребляет наркотики, — продолжила Милда. — Это мне профессионально видно, да. И она очень агрессивна становится, если очередная доза запаздывает. Так.

— А дамочку, которая ее снабжала всякими снадобьями, арестовали на таможне, — добавил Константин. — Пока мой шеф был жив, они там все по струнечке у него ходили. Теперь — полный беспредел, тем более, что нашли у этой самой Ларисы не наркотики даже, а какой-то редкоземельный элемент бешеной цены. Если бы она успела вовремя проскочить границу, стала бы миллионершей.

— Я чутко сплю, — вновь вмешалась Милда, — поэтому могу слышать вещи довольно странные. Ночами по дому ходит кто-то, полагаю, Элена, да. Но сама не наблюдала.

— Милда там поставила жучки, — снова вмешался Костя, — а у себя в комнате установила магнитофон.

— Зачем? — изумилась я.

— Кто предупрежден, тот вооружен, существует такое изречение, да, — с улыбкой проговорила Милда. — Я не приветствую использование меня в темноте, так. Я должна знать.

— Тебе, кстати, тоже может быть интересно, — сказал Костя. — Мы тут одну пленочку привезли. Послушаешь?

Милда извлекла из сумочки маленький магнитофон и включила его. Какое-то время было совершенно тихо, потом в динамике послышались шаги, еще какие-то непонятные звуки, потом бульканье и, наконец, прозвучал мужской голос:

— С ней ничего не должно случиться. Иначе потеряешь все деньги, вложенные в это бунгало. Формально-то хозяйкой остается она.

Голос принадлежал Андрею, сомнений у меня не было. А вот тема, прямо сказала, удивила.

— Но ты же не сможешь постоянно морочить ей голову, — включился второй мужчина, то есть Павел. — Она отнюдь не идиотка и понимает гораздо больше, чем показывает. Да и ты ее любишь...

— Не усугубляй. Я был влюблён, конечно. Но человеческие отношения на месте не стоят. Надо либо жениться, либо расставаться.

— А она как думает?

— Не знаю.

— Ну, так узнай. Дилетанты непредсказуемы и опасны.

— Ох, только не демонизируй эту даму, умоляю! Она — не мисс Марпл. Кстати, совместных уикендов на даче хватит. Раньше я сбегал сюда от Анны, а теперь мне хочется проводить время так, как я считаю нужным....

— Так... Похоже, ты опять влюблен, а предмет твоих чувств для меня — черный ящик. Единственное, что я о ней знаю: это тренер по теннису тридцати лет, бездетная и разведенная.

— А говоришь, ничего не знаешь! Не волнуйся, сюда я ее привозить не собираюсь.

— Правильно. Совершенно незачем приглашать сюда посторонних людей. Ты же помнишь, чем закончилась затея с днем рождения.

— Идея была твоя.

— Идея была Елены. А я стараюсь не спорить с ней по пустякам.

— Ничего себе пустяк! Два человека погибли...

— Ты... Подожди, кажется, Елена меня зовет. Спускайся в сад, договорим потом там.

— Как скажешь...

Запись закончилась. Сказать, что я была потрясена, было бы не совсем верно. Почти обо всем сказанном я догадывалась, и теперь отдельные кусочки мозаики сложились в почти полную картину. Не хватало пустяка.

Я очнулась от размышлений и обнаружила, что оба моих гостя молчат, ждут, когда я переварю услышанное. Но для меня непонятным осталось только одно: почему Андрей связал воедино гибель Никиты и убийство Насти. Какая-то догадка смутно брезжала в глубинах подсознания, но как ее оттуда извлечь, я себе не представляла.

— Интересную информацию вы мне привнесли, — сказала я наконец. — И что мне с ней, по-вашему, делать? То, что наши с Андреем отношения постепенно сходят на нет, я уже и сама догадывалась. И про то, что появилась другая женщина, — тоже. Ну и что мы имеем в сухом осадке?

— Два трупа в одной связке, да, — сказала Милда. — Мы сами это никак не связывали, так, а это неправильно.

— Настю застрелили за то, что она видела, кто положил яд в бокал? — внезапно озарило меня.

— Я же говорил, что Светлана — умная женщина, — сказал Костя, явно адресуясь к Милде.

Та только улыбнулась и кивнула головой.

Я напряглась и постаралась представить себе картину того жуткого происшествия. Мы с Галкой стоим рядом возле стола, слева от меня сидит Алина. Павел и Андрей о чем-то беседуют в углу комнаты, а Елена сидит в кресле возле столика с десертом и бутылками. До этого она... до этого она проехала вдоль всей комнаты, потом задержалась возле Алины, что-то ей сказала, та стала собирать карты в колоду, а мы с Галкой... Болтали, наверное, до того, как Никита провозгласил свой тост.

А когда он упал, Елена даже не шелохнулась и не вскрикнула, только... Только почему-то глянула в сторону кухни, а потом перевела глаза на меня, и особой приязни в этом взгляде не было. Значит, Настя в этот момент была в кухне и могла что-то увидеть через проем в стене.

— По-моему, произошло вот что, — сказала я, обращаясь к Косте и Милде.

И изложила развитие событий в моем понимании.

— Почти наверняка, — согласился Костя. — Милда, если бы ты была на месте Насти, что бы ты делала?

— Следила бы из кухни за необходимостью что-либо подать или убрать, так.

— Ну, Настю уже не спросишь, но, похоже, именно так и было. Вопрос только в том, как мадам могла достать пистолет и каким образом он оказался потом у Ивана.

— Этот вопрос лучше задать психиатру, — вздохнула я. — Нервный паралич — штука сложная, иногда даже проходит... говорят. Елену сразу после случившегося отвезли к ней в комнату и как минимум два часа, если не все три, она была представлена самой себе. Если только вообразить... ну, просто вообразить на несколько минут, что паралич она просто симулирует, то все становится совершенно ясным. Даже те странные истории о черной фигуре, о которых рассказывает Иван. Никакой мистики, все очень прозаично.

— Так-то оно так, — крякнул Костя, — да уж больно выстрел меткий.

— Случайность, — пожала я плечами. — Кстати, о выстрелах и пистолетах. Я тут разбирала вещи, нашла дедушкин пистолет, только какой-то странный. Может, посмотришь и объяснишь, что это за устройство.

— Давай! — оживился Костя. — Люблю, понимаешь, новое оружие. Особенно если оно нестандартное.

— По-моему, более чем нестандартное, — утишила я его и отправилась за пистолетом в спальню.

Когда я принесла игрушку, выяснилось, что Милда тоже большая любительница подобных штучек. Вместе с Костей они осмотрели пистолетик со всех сторон, только что не обнюхали. Изучили и прилагаемые пульки. После чего Костя вынес вердикт:

— Пистолет типа стартового, но может стрелять газовыми пульками. Модель, конечно, почти антикварная, теперь таких не делают, а у нас вообще сроду ничего подобного не производили. Разрешение на него получать не нужно, клади в сумочку или под подушку и живи спокойно.

— На кой ляд мне пистолет в сумочке? — изумилась я. — А уж под подушкой — тем более?

— А на всякий случай, — бодренько сказал Константин. — Случай-то всякие случаются. Сейчас он у тебя заряжен через раз: один раз просто громкий звук выстрела, второй раз — газ.

— Ты скоро стихи писать начнешь, — фыркнула я. — Не собираюсь я жить с пистолетом, я не суперагент.

— Это точно, — подтвердил Костя. — Поэтому хоть что-то для психологической поддержки и спокойствия у тебя должно быть. Кстати, Андрей видел эту штуку?

Я покачала головой.

— Только сегодня его обнаружила. Ведь в этот уикенд я свободна, за город ехать не надо, вот и решила заняться уборкой.

— Колossalno! — восхитился Костя.

— Нам уже время уходить, так, — заметила Милда, глянув на часы. — Мой выходной почти закончился.

— Сейчас поедем, — утишил ее Константин. — Слушай, Свет, у тебя, вроде бы, сын за границей устроился. Нельзя через него Милду туда вытащить, хотя бы и в горничные или экономки? Английский она знает. А потом и я бы к ней подтянулся. Надоело здесь все...

— Напишу Алешке, — пообещала я. — Думаю, проблем не будет, особенно если учесть, что Милда — не русская. Наши там не очень приветствуются.

— Договорились, — обрадовался Костя. — А теперь мы действительно пошли.

Глава девятнадцатая.

Хорошую вещь браком не назовут

— А может быть, я напрасно отказалась встретиться с этим охранником? — спросила Императрица у Музыканта, который рассеянно перелистывал какой-то яркий журнал. — Может, он хотел сообщить что-то важное...

— Чем меньше знаешь, тем лучше спиши, — отозвался Музыкант, не прерывая своего занятия. — Что такого интересного он мог тебе сообщить? От чего помер его шеф? Так мы с тобой это и так знаем.

Императрица нервно передернула плечами и бросила на своего новообретенного супруга взгляд, совершенно лишенный приязни. Прошло очень немногого вре-

мени со дня их скоропалительного бракосочетания, а она уже почти жалела о том, что пошла на такой шаг. Немного успокаивало лишь то, что на самом деле она по-прежнему оставалась вдовой, а Музыкант был женат на бесследно исчезнувшей Юлии. Мысль использовать сохранившийся паспорт осенила невесту в самый последний момент. Но сам он об этом не знал, а рассказывать ему об этом Императрица вовсе не собиралась. И жить с ним не собиралась. Больше она такой ошибки не сделает: никого не поселит в своем доме. Самое дорогое, что у нее есть — это свобода. После денег, разумеется.

Императрица встала и прошла в спальню.

Пожалуй, теперь можно и позвонить. Она уже совершенно спокойна и точно знает, чего хочет. Прежде всего, нужно предложить Константину место начальника охраны. Он остался без работы, так что наверняка согласится. А на этом месте он должен будет заботиться прежде всего о безопасности своей хозяйки. И позаботится. За хорошие премиальные, разумеется. При таком раскладе вполне можно обойтись и без Ларисы... пока. Отравить Олега никогда не поздно, только зачем самой стараться, если можно кому-то поручить.

Она набрала номер и какое-то время слушала длинные гудки. Наконец трубку сняли и холодный и официальный мужской голос произнес:

- Слушаю вас.
- Попросите Костю... Константина. Это важно.
- Кто его спрашивает?
- Это трудно объяснить...
- Все-таки попробуйте.
- Скажите ему, что я была... очень дружна со Львом Валерьяновичем. И кое-что знаю о его смерти.
- Кто вы?
- Позвоните Константина, он поймет.
- К сожалению, его сейчас нет, он будет позднее. Так что ему передать? Может быть, оставьте свой телефон?

Императрица внезапно сообразила, что номер ее телефона и так уже зафиксирован: во всяком случае, так поступали со всеми звонками Боссу. Что ж, Константин должен сообразить, кто ему звонил. Вот только зря она сказала о смерти Льва. Вообще слишком много болтает.

— Он знает номер, — сухо проговорила она. — Но перезванивать не нужно, я сама позвоню попозже.

Не хватает еще, чтобы он позвонил, когда Олег будет рядом! Тогда весь ее замечательный план провалится еще до того, как начнется. Придется выбрать другой подходящий момент, а сегодня действительно отдохнуть. По полной программе.

А для этого нужно... Еще таблетку и один бокал, да покрепче. Или два бокала? Вот правильно: сначала было две таблетки и один бокал, а теперь — наоборот. Только пусть ее никто не беспокоит. Никто... Приказать? Ладно, сами догадаются.

Ей показалось, что прошло всего несколько минут, и она страшно удивилась, что откуда-то взявшийся Музыкант трясет ее за плечи и настойчиво повторяет:

— Что с тобой? Да что с тобой, красавица? Проснись, наконец! Не пугай меня.

Она открыла глаза. В комнате сущались сумерки: значит, она действительно проспала почти весь день. Ну и прекрасно! Теперь можно спокойно общаться с Олегом. Без истерики и без глупостей.

— Вот и ты, — нежно улыбнулась она. — Как прошел день?

— Дико скучал без тебя. В остальном — нормально. Я приготовил для тебя потрясающий сюрприз, тебе понравится. А еще купил небольшой подарок.

— Мне? — искренне изумилась Императрица.

— Кому же еще? — усмехнулся Музыкант и протянул ей довольно большой, нарядно упакованный сверток.

Императрица нетерпеливо дернула пышный бант. В свертке оказался черный лакированный ларец, украшенный затейливой инкрустацией из перламутра. А в ларце — еще что-то завернутое в мягкую белую бумагу.

— Шкатулка с сюрпризом? — спросила Императрица.

— Точно. Разверни.

Через несколько секунд Императрица держала в руках небольшой флакон, похожий на те, в которые разливают пробные духи, только не такой изящный. Она не без труда вынула плотно притертую пробку, и в воздухе разлился какой-то странный, терпкий аромат.

— Что это? На духи не похоже...

— А это не духи. Это — "аромат желания". Трех капель достаточно, чтобы любой мужик потерял от тебя голову, да и сама останешься довольна.

— Три капли — куда? В стакан с водой? Или в бокал с шампанским?

— И не в стакан, и не в бокал. Одну каплю — на грудь и еще по одной — на запястья. Старинное средство по старинному рецепту, говорят, им еще Клеопатра пользовалась.

— Прямо сейчас и капать? — кокетливо спросила она. — Или есть какие-то правила?

— Может, и есть, но мы с тобой сейчас придумаем свои собственные...

В этот момент раздался чуть слышный сигнал внутреннего телефона. Музыкант негромко выругался сквозь зубы и взял трубку. Императрица только брови приподняла: ничего себе, хозяиничает мальчик просто вовсю. Пора. Пора его останавливать.

— Да? — отрывисто бросил Музыкант. — Мы заняты. Я же сказал, русским языком... Опять начальник охраны? Обойдется. Ни с кем не соединять, пусть они там все застрелятся. Что?! Хорошо, но можешь искать себе новое место... — Он протянул трубку Императрице и со злостью бросил:

— Моего слова им мало! На, успокой сама. И пусть ни с кем не соединяют, слышь!

Как она могла забыть о своем звонке! Конечно, там ее вычислили, и вот теперь этот Константин сам звонит сюда. А что она может ему сказать в присутствии Музыканта? Назначить встречу? Бессмысленно, если не удастся поговорить с глазу на глаз. Отказаться разговаривать? Нет, уже нельзя. Нужно его пригласить. Только как?

— Алло, — начала она усталым, томным голосом. — Да, узнаю, конечно. Простите, секундочку, мне нужно кое-что сказать... — Она зажала мембррану рукой и повернулась к Олегу: — Принеси, пожалуйста, мои сигареты. Кажется, они в гостиной. Только быстро.

Как ни странно, Олег ее послушался и пошел за сигаретами. Тогда Императрица торопливо зашептала в трубку:

— Немедленно приезжайте. Я в опасности. Не будут пускать — убивайте, избивайте — что хотите. Я в ответе за все.

На том конце трубки, по-видимому, что-то хотели спросить, но Императрица заметила, что вернулся Олег, и закончила спокойным голосом.

— Да, я возьму вас на это место. Приезжайте, поговорим лично. Когда? На ваше усмотрение. Да? Что ж, прекрасно, до встречи.

Краем глаза она наблюдала за Музыкантом: поверил? Ничего не заподозрил? Выражение его лица ее успокоило и, положив трубку, она, как ни в чем не бывало, спросила:

— А почему ты положил этот флакончик в такой большой ларец?

— А чтобы интереснее было, — с улыбкой ответил он. — А теперь будем отдохать. Что ты хочешь: таблетку или укол? Кстати, когда этот твой охранник приедет?

— Завтра, после обеда. Ничего же не горит, правда? Выходить мы сегодня не будем, ты со мной.

— Вот и умница. Так таблеточку или укол?

— Пожалуй, ничего... пока. Я и так еще не совсем проснулась.

— Нет так нет, давай просто выпьем. Слушай, я тоже буду при твоем разговоре с этим охранником. Это все-таки не женское дело. — Музыкант достал из бара новую бутылку и до краев наполни два бокала.

— Ну, за наше счастье. И за нашу любовь.

Она залпом выпила бокал и протянула его Музыканту:

— Еще! И я передумала насчет таблеток. Одна, пожалуй, не помешает...

Он послушно полез в карман. Слишком уж послушно, как ей показалось.

— Нет! — почти выкрикнула она. — Лучше укол. У меня где-то еще была ампула. Сейчас принесу.

Ее пошатывало, но слегка, а голова была совершенно ясной. Даже спать расхотелось. К тому же ее подхлестывало вдруг возникшее чувство азарта: в этой игре она не позволит себя обмануть. Она победит, а он проиграет. А поскольку ставкой была в полном смысле этого слова жизнь, то это еще больше горячило ей кровь.

Ампула в ее тайничке действительно была последней, но это ее не волновало. Еще добавить пару бокалов — и ночь промчится незаметно. А если... Если исхитриться и бросить в бокал Музыканту снотворное, то можно будет незаметно ускользнуть из дома. Где-то у нее были соответствующие таблетки.

Она взяла ампулу, немного подумала и надела самый соблазнительный из своих пеньюаров — белоснежный, отороченный лебяжьим пухом. К нему идеально подходили белые туфельки на высоченном каблуке, но без задников, отделанные каким-то мехом, тоже белым...

— А вот и я! — весело объявила Императрица, картино застыв на пороге гостиной. — Как тебе?

— С ума сойти! — с неподдельным восхищением отозвался Музыкант. — Ты все-таки самая красивая женщина из всех, кого я видел. И самая опасная. Настоящая пантера.

— Боишься? — с удовольствием спросила Императрица, усаживаясь на свое место. — Правильно делаешь. Вот за это и выпьем.

— И за это тоже, — согласился Музыкант. — Давай сюда ампулу, ты просила укол...

Спустя некоторое время Императрица вдруг почувствовала, что предметы перед ее глазами начинают расплыватьться, комната теряет свои привычные очертания и даже лицо Музыканта все время заволакивается какой-то пеленой. Она попыталась сообразить, сколько же успела выпить, но тут же отказалась от этой попытки. Зевнула один раз, потом другой и уже сонно пробормотала:

— Спать очень хочется...

— Сейчас отнесу тебя в кроватку, — услышала она над собой голос Музыканта. — Устала моя девочка, ей нужно отдохнуть. Отдохнуть нужно моей ненаглядной...

Императрица слегка удивилась такой необычной для Музыканта нежности, но глаза у нее сами собой закрывались, а тело стало легким и невесомым. Она

не столько почувствовала, как Музыкант взял ее на руки, сколько словно бы уви-
деля это со стороны. И вдруг оказалась в ванной комнате около бассейна, а Му-
зыкант осторожно снимал с нее пеньюар.

— Сейчас примешь ванну, — донесся его голос уже совсем издали. — Три ка-
пли нового эликсира... обязательно. Так будет еще соблазнительнее... Еще...

Она ощутила резкий, экзотический запах, но уже не почувствовала, как ее
опустили в теплую воду, не увидела и не почувствовала, как Музыкант сделал ей
еще один укол. И уж, конечно, не услышала того, что произнес Музыкант.

— Меня невозможно обмануть, дорогая. И убить меня никому не удастся. Ни-
когда.

“Ну, вот и все. Чистое дело, умерла от передозировки снотворного, заснула в
ванной, захлебнулась, сердце не выдержало. Теперь я — безутешный вдовец и
богатый наследник, но нужно незаметно исчезнуть, чтобы ее нашли без меня”.

Ему повезло: он выбрался из дома не замеченным охранниками, а уж маши-
ну Императрицы из ворот выпустили вообще без проблем. Домой он ехать не со-
бидался, лучше пробудет какое-нибудь время у Ларисы, благо ключи есть и
квартира отдельная, а не комната в коммуналке. А завтра к вечеру объявитсѧ.
Нет, пожалуй, лучше с утра, чтобы успеть до этого нового начальника охраны...

Через некоторое время он сидел на тахте в убогой Ларисиной комнате и ту-
по смотрел на страничку своего паспорта. На ту, где ставят штамп о регистрации
бра-
ков. И думал, что совершенно зря отправил Ирину на тот свет, потому что он
теперь — вообще никто. Он женат на женщине, которая умерла еще до их бра-
косочетания. На Юлии...

Глава двадцатая. Заверкалье

Утро выдалось на редкость погожим, даже жаль было тратить такой день на
обязательное присутствие в издательстве. Но для себя я уже решила, что возъ-
му, наконец, полноценный отпуск, потому что действительно устала. А еще зай-
ду на обратном пути в какую-нибудь туристическую фирму-агентство пороспек-
табельнее и попробую купить двухнедельную поездку в Англию.

Конечно, удовольствие это дорогое, но, похоже, необходимое. Иначе я
очень скоро окажусь в женском корпусе больницы, которой руководит Михаил
Петрович. А туда, как и на кладбище, я всегда успею. А если просить Алешку
прислать официальное приглашение, то вся последующая церемония может
оказаться очень долгой и нудной. Съезжу проведать сыночка, а там посмотрим.

Директор издательства, по-видимому, тоже был в неплохом настроении, по-
скольку заявление об отпуске подмахнул, что называется, не глядя, да еще рас-
порядился в бухгалтерии, чтобы мне выдали какие-то там лечебные и премиаль-
ные. В целом набегала вполне солидная сумма, на которую я даже и не рассчи-
тывала. Так что последний присутственный день был скрашен радужными пер-
спективами и... слегка омрачен совершенно неожиданным визитом.

Масик, мой старый ухажер, о котором я и думать забыла, возник в дверях ка-
бинета, на радость моим соседкам по комнате. Вот ведь что интересно: все на-
ши дамы воспринимали это дитя природы совершенно всерьез и даже находи-
ли его интересным мужчиной. Похоже, в отличие от меня, даже не подозревали
о многочисленных странностях этого внештатного работника.

- Светик, я к тебе! — провозгласил он с порога. — Нужно поговорить.
- Слушаю тебя, — произнесла я без особого энтузиазма.
- Ну, не здесь же, — укоризненно произнес Масик. — Ты обедала?

- Нет, и как-то не...
- Я тоже с утра ничего не ел. Пойдем пройдемся.
- Не поняла: ты меня гулять приглашаешь или обедать в ресторан?
- В ресторан? Ну, я еще с ума не сошел, такие деньги на ветер швырять. По дороге что-нибудь придумаем.
- У меня много работы. Не до прогулок. Пригласи кого-нибудь еще.
- Тогда давай выйдем в холл. Там и побеседуем.
- О чём? — простонала я.
- О нашей свадьбе, естественно, — как ни в чём не бывало отозвался он. Вот тут мое терпение потихоньку начало иссякать.
- Спасибо, у меня уже есть жених, — как можно суше ответила я. — Придется тебе искать другую невесту.
- А я не хочу другую, — капризно заявил Масик. — Мне ты нужна.
- Ты мне не нужен, — отрезала я. — Еще вопросы есть?
- Нет. Но я хочу кое-что тебе показать. Личное.
- Хорошо. Пойдем в курилку, там покажешь.
- Масик скривился, но возражать не стал. Мы вышли из комнаты и направились в дальний конец коридора, где был оборудован вполне комфортный уголок. Я закурила и выжидательно посмотрела на Масика. Но тот, похоже, не хотел торопить события.
- Ну? Что такое личное ты мне хотел показать?
- Кое-какие фотографии, — сказал он загадочным тоном. — В нашем подъезде живет одна девушка, у нас балконы рядом. Так вот, к ней стал ходить один мужчина...
- Ты уверен, что эта информация представляет для меня интерес? — уже сердито спросила я.
- Абсолютно уверен. Пару месяцев тому назад ты мне этого мужчину представила как мужа. Да и раньше я его у тебя видел. Его зовут Андреем.
- Мир, конечно, тесен, но не настолько же!
- А у девушки в квартире сколько комнат? — поинтересовалась я.
- Две, кажется, — растерялся Масик. — Какая разница?
- В общем, никакой, — вздохнула я, уже примерно представляя себе суть происходящего. — Показывай фотографии.
- Масик, при всех его странностях, великолепный фотограф. На снимках Андрей был снят в очень выгодных ракурсах и в очень даже неплохой компании. Молодая, не старше тридцати, блондинка с большими глазами и прекрасной фигурой. Значит, это и есть та дама с двумя детьми, у которой снимают комнату в трехкомнатной квартире. Зачем было нагромождать столько вранья — непонятно, но очень обидно.
- Сколько? — спросила я Масика.
- Что — сколько?
- Сколько ты хочешь за эти фотографии?
- Если ты согласишься выйти за меня замуж, то это будет подарком.
- К свадьбе, что ли? — фыркнула я.
- Можно и к свадьбе, — покладисто согласился Масик. — А так — десятка за снимок, здесь десять штук.
- Хорошо. — Я докурила сигарету и поднялась с места. — Пойдем, отдам тебе деньги. О браке поговорим как-нибудь в другой раз. Кстати, ты телефон барышни знаешь?
- А тебе зачем?

— Для коллекции, — огрызнулась я. — Так знаешь или нет?

— Знаю. Мама с ней регулярно общается, соседи по площадке все-таки.

Мы вернулись в комнату, где мои коллеги, по-моему, изнылись от любопытства, но пока молчали. Я вручила Масику сотню, взяла ручку и листок бумаги.

— Диктуй. Адрес и телефон.

Удивительно, но он меня послушался. Наверное, потому, что только что получил деньги. Их он любил просто патологически, это я помнила еще по прежнему с ним общению...

Я сознательно гнала от себя мысли об Андрее и его новой пассии, гораздо важнее сейчас было выполнить задуманное с утра, то есть заказать путевку в турагентстве. Одно из наиболее респектабельных заведений этого профиля находилось примерно в получасе ходьбы от издательства, так что я еще и прогулялась немножко. А потом, не торопясь, выбрала самый примитивный и дешевый тур в Англию, потому что вовсе не собиралась ездить там на экскурсии и осматривать достопримечательности Альбиона. Я безумно соскучилась по Алешке и, ради того, чтобы повидаться с ним, готова была заплатить любые деньги.

Домой я попала уже почти вечером, так что первая острота впечатлений успела пройти, и мне даже не хотелось плакать над своей растоптанной жизнью. Все правильно: человеческие отношения на месте не стоят, они развиваются в ту или иную сторону. В данном случае — не в мою пользу.

Уже перед самым сном я решила, что завтра поеду в Калинино и поговорю хотя бы с Павлом о том, что мне все известно, и пусть он проведет соответствующую беседу со своим другом. Завтра — выходной день, но я надеялась, что Андрей не потащит туда свою нынешнюю даму сердца. Видеть его мне совершенно не хотелось, хотя бы потому, что я всегда инстинктивно избегала любых сцен, мне от них становился просто физически плохо. А с Павлом можно поговорить спокойно и без надрыва, лишь бы Елена не встряла. Но тут я надеялась на поддержку Милды. Если, конечно, к завтрашнему дню ее не выставят, как одну из ее предшественниц, или не застрелят.

Под влиянием всех этих мыслей или просто на нервной почве я положила в сумочку недавно найденный пистолет, хотя сильно сомневалась, что он может мне пригодиться. Но для психологической поддержки...

В Калинино я приехала около полудня и не спеша пошла от станции к дому. По дороге решала довольно деликатный вопрос: звонить ли мне у парадного входа, как гостье, или воспользоваться задней калиткой, как загадочные посетители Павла. Или Елены. Или — тем лазом, который там оборудовал Иван? Хотя эту тропинку скорее всего давно прикрыли.

В конце концов я решила, что через парадный вход меня могут элементарно не пустить, особенно если Андрей со своей теннисисткой все-таки приехал, и свернула к проселку.

В перелеске было тихо и пусто, но я внезапно ощутила какое-то странное чувство. Мне показалось, что я нахожусь под пристальным наблюдением даже не одной пары глаз, а нескольких. Но сколько я ни озиралась по сторонам, ничего чрезвычайного увидеть не смогла, разве что какой-то грязный и допотопный фургон, перегородивший проселок у выезда на шоссе. Так что я благополучно дошла до забора, поставила ногу на хитрый камешек и... тут же оказалась в тисках чьих-то очень сильных рук, причем не могу сказать, что это объятие было нежным. Я даже охнуть не успела, потому что рот мне тоже зажала чья-то рука.

Очухалась я под довольно пышным кустом неподалеку о калитки, и чуть не потеряла сознание вообще, потому что увидела перед собой двух человек в за-

щитных костюмах и черных масках. Вот тут у меня вообще все мысли из головы вылетели, я только открывала рот и снова закрывала его, как выброшенная на берег рыба.

Тем временем одна из масок очень расторопно обыскала и меня, и мою сумочку. Документы, то есть паспорт, ее заинтересовали постольку поскольку, а вот пистолетик озадачил.

— Это что?

— Пугач. Типа стартовый пистолет. Это не оружие, а психологическая защита. Кажется, я его убедила, пистолетик он оставил мне.

— Зачем вы туда идете?

— Я хозяйка этого дома, хочу посмотреть, как там себя ведут арендаторы.

— А почему не через главный вход?

— Сюрприз, — пожала я плечами. — Внезапная инспекторская проверка.

Мужчины переглянулись, явно решая непростой вопрос, как со мной поступить, потом один из них махнул рукой:

— Ладно, идите. Но ни слова о том, что здесь видели, понятно? Иначе будьте отвечать по всей строгости...

— Вообще-то, я смысленая. Но могу просто прийти в другой раз.

— Это вряд ли, — загадочно обронила одна из масок.

Я сделала вид, что не рассышала или не поняла, и снова отправилась к калитке. Между прочим, пока они возились со мной, через нее проскользнула какая-то фигура, которая осталась незамеченной и, судя по всему, сама не заметила посторонних. Но об этом я, конечно, информировать никого не стала: не хотела выпадать из образа непонятливой тетки.

На самом деле, даже мне все было предельно ясно: Павел доигрался со своими сомнительными связями и сейчас будет показательное выступление типа "маски-шоу". Сам Бог меня надоумил приехать сегодня. От Павла я никогда не видела ничего плохого, скорее, наоборот, и не предупредить его о том, что готовится, было бы элементарным свинством, граничащим с предательством. В конце концов, я не клялась хранить обет молчания, и даже обещаний никаких по этому поводу никому не давала.

В доме было тихо, только в районе кухни слышалось какое-то шевеление. Я отправилась напрямую туда и обнаружила Милду, которая безмятежно занималась приготовлением обеда. Услышав мои шаги, она обернулась и страшно удивилась:

— Вы сюда прибыли? Для какой цели?

— Милда, — сказала я, приблизившись к ней почти вплотную, — звоните Кости, пусть все бросает и едет сюда. По-моему, дом окружен, там люди в масках...

Может быть, у Милды и возникли какие-то вопросы, но отреагировала она моментально: вытащила из кармана мобильник, нажала две кнопки и почти тут же сказала:

— Приезжай стремительно! — И тут же телефон выключила. Совсем. На мой же недоумевающий взгляд ответила коротко и ясно: — Наверное, все разговоры слушают, так, да. Но за пять секунд не включатся.

Профессионал — всегда профессионал.

— Павел дома? — спросила я.

— У себя, да, — кивнула Милда. — Просил не беспокоить.

— Все-таки придется это сделать, — вздохнула я и буквально взлетела к кабинету Павла.

Дверь, разумеется, была заперта изнутри. Я постучала:

— Павел, это Светлана. У тебя ЧП.

Как ни странно, сработало. Павел почти тут же открыл мне дверь и без особой приветливости спросил:

— В чем дело? Андрея здесь нет. Зато есть телефон, по которому можно предупредить о визите.

— И слава Богу, что Андрея нет, а я не воспользовалась телефоном, — отозвалась я. — Вокруг всего дома люди в камуфляже и в масках. Не знаю, почему меня пропустили, но видишь, я здесь. Предупреди Андрея.

Павел покачал головой.

— Если все так, как ты говоришь, они засекут и его номер телефона. Ничего не получится. Да и зачем он им, ведь он совсем не при делах. А теперь, прости, мне нужно еще кое-что успеть сделать. Так что уходи, иначе попадешь в свидетельницы того, чего не следовало бы. Мне не хватило буквально одного дня...

— То есть ящики все еще на чердаке? — спросила я наобум.

Павел посмотрел на меня с некоторым даже уважением:

— Значит, ты видела...

— Думаешь, я донесла?

— Думаю, что не ты. В доме есть еще кое-кто, кто мог это сделать.

Я поняла, что он говорит про Милду, но уточнять не стала.

— Иди вниз. Пойди к Елене, она сегодня почти в норме. К счастью, успели принести ее лекарство. На неделю хватит...

— Лекарство? — скептически спросила я.

— Ну, ты же все понимаешь. Иди, пожалуйста, мне нужно еще кое-что сделать.

Я спустилась в комнату Елены. Там никого не было, тогда я отправилась в сад и нашла ее около прудика. Было похоже, что она любовалась красотами природы, но когда я подошла ближе, то увидела, что она просто неподвижно сидит, уставившись в одну точку.

— Что-нибудь случилось? — бесцветным голосом спросила Елена. — Почему вы здесь?

— Приехала забрать то, что забыла прошлый раз. И попрощаться. Теперь я долго не появлюсь.

— Да, я знаю, у Андрея теперь другая женщина. Но сюда он ее не возит.

— Это уже не имеет никакого значения, — устало проговорила я. — Мертвых с погоста не носят.

— Да... этот мальчик. Такая глупая случайность. Он не должен был умереть.

— Лена, зачем вы...

— Мне нужно было проверить средство. Чтобы знать, как оно действует. Но я думала, что бокал кого-то из женщин. Ваш или ваших подруг, мне все равно. А он по ошибке его взял... Жаль.

— Нас вам не было жаль? — возмутилась я. И осеклась под тем же пустым и равнодушным взглядом.

— Нет. Вы живете нормальной, полноценной жизнью. У вас есть сын. А у меня есть только Павел. И я не хочу, чтобы он всю жизнь мучился со мной. Больше всего боюсь его пережить.

— Его вот-вот арестуют. Дом уже оцепили.

— Тем более. Ведь это из-за меня он влез в криминал. Сначала нужны были редкие лекарства, потом меня посадили на наркотики, а потом... Потом ему понравилось получать большие деньги ни за что. Кто-то предал. Наверное, Лариса, я никогда не верила этой дряни. Надо было ее убить.

— Как Настю? — вырвался у меня вопрос.

— Настя видела, как я подсыпала яд в бокал. И хотела меня шантажировать. Павел узнал... и...

— Да, выстрел был слишком меткий. Вы бы не смогли. А в результате Иван угодил в сумасшедший дом. Спасибо, что не в тюрьму.

— Не за что, — совершенно серьезно ответила Елена. — Они бы все равно его вытащили, когда страсти улеглись бы. Прямых улик не было. Все, я устала. Пойду к себе. Прощайте, Светлана.

— До свидания, — машинально ответила я.

И в этот момент в доме грянул выстрел. Я вскочила на ноги, но тут же опустилась на прежнее место. Мне совершенно незачем было бежать в дом, чтобы понять, что там произошло. Я знала...

Этот выстрел словно оживил все вокруг. Со всех сторон побежали жутковатые фигуры в камуфляже и масках, с короткими автоматами. Крики, команды, треск то ли выбитой, то ли слишком резко распахнутой двери, топот. Мальчики слегка опоздали, во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Я достала из сумочки мобильник и набрала знакомый номер. Первый раз за все то время, что мы не виделись и не перезванивались с Андреем.

— Такого номера не существует, — бесстрастно ответил мне электронный голос.

Так. Значит, и номер мобильника поменял, чтобы я не доставала. Прекрасно знает, что звонить на работу ему не буду. Что ж, я сделала, что могла, дальше пусть сам решает свои проблемы. Ну, а если не сможет... все равно я больше ничем не смогу ему помочь.

Тут спецназ добрался и до меня. На всякий случай я сказала, что в дом еще не заходила, сидела тут на лавочке, курила и думала. О чём? В основном, о том, как вытащить на волю своего бывшего мужа и отца моего единственного ребенка, потому что свято уверена: Иван не совершал никакого преступления.

Не знаю, поверили мне или нет, но в дом сопроводили почти вежливо. В этот момент кто-то позвонил в главные ворота, началась очередная кутерьма: открывать или не открывать, наконец, кто-то принял волевое решение, ворота открылись, и на участок влетел Костя в своем "вольво". Рядом с ним на переднем сиденье находилась... Милда. Я протерла глаза, но видение не исчезло. Она же была в доме? Как она могла выбраться из этого оцепления?

Костя оценил обстановку с первого взгляда, предъявил старшему какие-то документы, после чего они стали разговаривать в абсолютно спокойном тоне. А поскольку в доме стало чуть тише, мне даже удалось услышать часть их разговора.

— Моя добрая знакомая... Встретил в Видном на рынке, предложил подвезти. Вот и подвез...

— Значит, в доме были только хозяин и его супруга, — подвел предварительный итог старший. — Значит, самоубийство.

Значит, Павел перестал поступаться принципами и сделал то, что, по его представлению, должен сделать офицер, уронивший свою честь. Для него это было само собой разумеющимся, только вот как же Елена? Она ведь так боится его пережить...

— Он оставил исчерпывающую записку, — продолжал старший оперативник. — Признание в двух убийствах: отравлении и огнестреле, а также в том, что оказался жертвой шантажа наркомафии. Его супруга...

В этот момент в комнату вкатилась коляска с Еленой.

— Его супруга, — продолжила она бесстрастным и бесцветным голосом, — тоже хочет дать признательные показания. Павел ни в чем не виноват. Пишите: отравила молодого человека, кажется, его звали Никитой, в припадке наркотического помешательства. А потом застрелила горничную, потому что она видела, как я клала отраву в бокал.

— Господи! — простонал старший. — Какую отраву? Ничего такого не зафиксировано, произошел просто несчастный случай. Разрыв аорты, есть заключение медиков.

— Дайте мне стакан воды, — попросила Елена. — Я все объясню.

Милда быстро налила в высокий бокал минералки и протянула его Елене, но старший перехватил ее руку:

— Нет уж, позвольте мне.

Он взял из серванта другой стакан, а из холодильника — непочатую бутылку такой же минеральной воды, налил и отдал Елене.

— Вот теперь я буду спокоен.

Я бы на его месте не успокаивалась, но даже мне не удалось засечь то неуловимое движение руки, которое сделала Елена над бокалом. И уж конечно не смогла ничего предотвратить.

— Разрыв аорты, конечно, — медленно проговорила она. — Павлик застрелился?

Ответом ей было долгое молчание, потом кто-то все же решился сказать:

— Да.

— Разрыв аорты, — повторила Елена и внезапно легко и спокойно встала со своего кресла и сделала несколько шагов к центру комнаты. — Подтверждено заключением медиков. Они и сейчас сделают такое же заключение. — И залпом выпила содержимое стакана.

Я отвернулась: один раз я уже видела, как действует это снадобье. И у меня все еще стояла перед глазами картина внезапного "исцеления" Елены от паралича. Да, Иван, безусловно мог видеть "женщину в черном", а сама Елена — быть в тех помещениях дома, куда, казалось, ей никак не добраться.

Узлы развязывались один за другим, но уж очень жестоким образом развязывались.

Я очнулась от того, что старший оперативник тряс меня за плечо.

— Вы можете что-нибудь пояснить по данному факту?

— По какому факту? — недоуменно спросила я.

— По факту двойного самоубийства.

Я покачала головой.

— Мы не дружили домами, если вас это интересует. Я просто сдала этот дом Павлу Васильевичу и время от времени, естественно, сюда наведывалась.

— Кто здесь еще бывал?

— Понятия не имею, — как можно более искренне отозвалась я. — Наверное, вам лучше спросить домработницу. Она-то здесь живет, только иногда выходит за пределы участка.

Оперативник махнул рукой и переключился на Милду. А ко мне подошел Константина, которому, если честно, я не слишком обрадовалась. Больше всего на свете мне хотелось уехать отсюда. А потом — вообще из Москвы и даже из России. Если уж такие люди, как Павел оказываются напрямую связаны с самым страшным криминалом, то что же тогда говорить о других?

— Устал? — спросил он меня. — Потерпи еще немного, сейчас тут разберутся и вручат тебе ключи от дома. Андрей где?

Я пожала плечами.

— Мы давно уже не общаемся даже по телефону.

— Так позвони ему, предупреди.

— Не хочу.

— Почему?!

В голосе Кости слышалось неприкрытое изумление. Вместо ответа я достала из сумочки пару особенно колоритных фотографий, выкупленных у Масика, и показала своему собеседнику.

— Понятно, — процедил Костя. — А если я попрошу тебя ему все-таки позвонить и пригласить сюда?

— Зачем? Чтобы его арестовали? Тебе-то от этого какой прок?

— Это моя работа, — спокойно ответил Костя. — Проверка системы изнутри. А потом я знаю, что Андрей не при делах, нужно только, чтобы он это письменно подтвердил.

— Не морочь мне голову, — отмахнулась я. — Ты же был начальником охраны у какого-то... бизнесмена.

— Надо же было как-то внедряться. Но Лев Валерьевич умер очень некстати и слишком рано. А к Императрице мне так и не удалось найти подход. По-моему, она уже не в своем уме. Вот разве ее молодой муженек...

— Так найди ее молодого муженька. Он-то хотя бы в своем уме?

— Как бы не факт, — вздохнул Константин. — То, что он управляет довольно сложной системой поставки всяких наркотиков и наркотических средств, это понятно. Но с другой стороны, он официально являлся осведомителем Павла. Его агентом. И тронуть его мы поэтому никак не могли. Пришлось браться с другого конца. Но уж теперь-то...

— Андрея ищи сам. В крайнем случае, поинтересуйся у его жены, пока они формально не развелись. Хотя если уже и развелись, она наверняка тебе объяснит, где искать ее бывшего.

— Так он тебя бросил?

— Ну и что? Взрослые люди, медициной, как говорится, не возбраняется. Лично мне он не сделал ничего плохого, наоборот, здорово помог в очень опасной ситуации. Как и Павел, кстати. Так что извини, но свою работу делай сам. У меня другая профессия.

— Ты ненормальная, — с огромным убеждением заявил Костя. — Любая нормальная женщина на твоем месте...

— Правильно, но я — «любая другая женщина». Я — это я, и у меня существуют какие-то свои принципы. Кстати, Ивана нужно из психушки вынимать. Теперь против него не может быть уже ничего предъявлено. Павел во всем сознался в своей записке.

— Не волнуйся, в ближайшие дни выйдет на волю с очень приличным диагнозом.

— То есть?

— Ну, с таким, с которым не ставят на пожизненный учет.

— И на том спасибо. Кстати, донеси до своих коллег светлую мысль о том, что я — только хозяйка этого дома и за поведение арендаторов не отвечаю. Более того, почти ничего о них не знаю, кроме того, что Павел Васильевич — полковник ФСБ.

— Но...

— Только на таких условиях я попрошу Алешку найти Милде приличное место за границей. Выбирай.

— Ты считаешь, что у меня есть выбор? — фыркнул Костя. — Хорошо, тебя никто не тронет и никаких вопросов задавать не будет.

— Вот и договорились, — безучастно отозвалась я. — А теперь давай, помогай коллегам заканчивать это дело в темпе. Ночевать тут мне не хочется.

— Постараюсь.

— Да, и ответь мне, пожалуйста, еще на один вопрос: как Милда оказалась за пределами территории в твоей машине? Она была дома, когда я посоветовала ей тебя вызвать.

— Так это ты надоумила? Но...

— Я прошла не только через калитку, но и через предварительную беседу с парочкой "масок", которые там готовились к операции. Почему-то они решили меня в дом пропустить, только велели молчать в тряпочку.

— Ну, ты даешь! — присвистнул Костя. — А Милда ушла через чердак. Там есть люк на крышу, с земли ничего не видно, но при минимальном усилии можно перебраться на ограду соседнего дома, а оттуда — вообще на волю. Понятно?

— Более чем, — ответила я. — Считай, что ты вообще мне ничего не говорил.

Костя отправился заниматься своим непосредственным делом, а я вышла из дома, благо препятствий мне никто не чинил, и снова отправилась к прудику.

Уже начало смеркаться, когда меня, наконец, хватились и позвали в дом. Тела Павла и Елены увезли две "скорые", Милда даже успела навести в гостиной и в кабинете какое-то подобие порядка. Меня попросили подписать протокол обыска в качестве понятой — я поставила свой автограф в нужном месте. После этого мне объявили, что я — свободна, но в ближайшее время желательно никаку далеко не уезжать, потому что в этом деле могут открыться какие-то новые грани.

Я не стала говорить ни "да", ни "нет", просто кивнула, показав этим, что принял информацию к сведению. И была абсолютно уверена в том, что Костя сможет избежать всяких недоразумений, чтобы я могла побыстрее смотаться к Алешке. Занинтересованность у него была большая и абсолютно личная: побыстрее пристроить Милду в безопасном месте. И лучшей кандидатуры, чем я, у него не было. Услуга за услугу...

Домой я попала уже поздно вечером. И хотя за весь день у меня маковой росинки во рту не было, есть мне совершенно не хотелось. Я заварила кофе, плюхнулась в свое любимое кресло на кухне и провела там всю ночь, довольно тупо перебирая немногие сохранившиеся вялые мысли.

Глава двадцать первая. Последний полет

Он проснулся от собственного вопля: ему снова снилась женщина без лица. Она склонялась над ним, обволакивая его душным запахом каких-то приторных духов, но сквозь него пробивался отвратительный запах свежей крови. Когда он в первый раз его почувствовал? Наверное, тогда, когда в ночном клубе, где он работал, обкурившиеся посетители зарезали двух танцовщиц. Их убили прямо в зале во время исполнения номера, и теплая кровь одной из девушек брызнула ему прямо на грудь...

В окно комнаты робко вползал рассвет. Олег посмотрел вокруг себя: один. Лариска, значит, так и не появилась, то ли загуляла, то ли вообще уснула куда-нибудь подальше. А если... От внезапной мысли он даже зажмурился и почувствовал, как по всему телу разлилась липкая волна страха. А если не загуляла и

не уехала, а попала-таки в тюрьму? При ее образе жизни этого можно было ожидать каждую минуту. Впрочем, если Химик на свободе...

Олег сорвал трубку с телефона иlixорадочно начал набирать номер. Плевать на то, что сейчас шесть утра, главное — успокоиться. Сейчас он услышит хриплый и недовольный голос Химика, задаст ему пару вопросов, и все встанет на свои места. Возможно, и Лариска у него, тогда вообще жизнь продолжается, а у него просто расшалились нервы. Нужно выяснить, нужно только все выяснить...

После первого же гудка в трубке раздался щелчок, и сердце Олега радостно екнуло: все нормально, Химик даже и не спит, сразу снимает трубку. Но радость оказалась преждевременной: на том конце провода всего лишь включился определитель номера. Олег тихо выругался. А был ли раньше у Химика определитель? Кажется, был. Или... Идиот, был там определитель или не было, сейчас свеститься совершенно незачем. По номеру телефона сыскари определят адрес звонившего. И тогда... Тогда — тюрьма, ломка, дебилы-сокамерники. Надо было бросать трубку сразу после щелчка.

Ладно, главное — как-нибудь продержаться хотя бы до полудня, а потом, если Лариска не вернется, он поедет в Камергерский переулок, там у него надежно припрятан НЗ. А сейчас нужно принять пару таблеток тазепами и запить коньяком. Это помогает пережить самое неприятное время. Может быть, он даже заснет.

Почти полная бутылка коньяка обнаружилась в шкафу за видеокассетами. А вот с лекарством дело обстояло хуже. В Ларисиной аптечке нашлась упаковка с двумя сиротливыми таблетками успокоительного. Зато там было навалом простых белых коробочек с какими-то крохотными пилюльками. Черт его знает, что это было за лекарство! Вроде бы, Лариска ни от чего не лечилась и даже "колесами" не злоупотребляла: так, покуривала травку время от времени, так кто же теперь не курит?

Олег взял на всякий случай одну из коробочек и поставил ее на тумбочку возле постели. Иногда простая валерьянка помогает выйти из "пика". Он принял две таблетки тазепами, сделал большой глоток коньяка прямо из бутылки и с облегчением почувствовал, как отступает дрожь, успокаивается сердце, а на смену тревоге и какому-то животному страху наплывает блаженная, прохладная волна дремоты.

Внезапно он вспомнил, что Лариска уехала в Германию. С его же, кстати, Олега, подачи. Раньше чем через три дня она объявиться не может. Это еще в лучшем случае, если все пройдет гладко. Хотя... почему, собственно, должны быть какие-то накладки? Вернется, привезет хорошие деньги, которыми вообще ни с кем теперь уже не нужно делиться. Вот тогда он и заживет в свое удовольствие! А пока нужно взять себя в руки и успокоиться. Еще выпить — и успокоиться, или хотя бы заснуть...

Олег сделал большой глоток коньяка и замер, прислушиваясь к организму. Но ничего ровным счетом не произошло. Он подождал несколько минут, пожал плечами и принял еще две таблетки. Стало немного лучше, мышцы как бы окрепли, исчезла боль во всем теле, а мысли сделались ясными и предельно логичными. Он поразился, насколько все просто в этом мире. И как он раньше этого не понимал?

Откуда-то издалека донесся звонок, и Олег не сразу сообразил, что это — телефон. Лариска объявила? Он медленно снял трубку, но не произнес ни слова.

— Алло, — послышался в трубке незнакомый мужской голос, — алло, отвейтесь. Это с телефонной станции.

— Куда вы звоните? — произнес, наконец, Олег и сам удивился, каким звучным оказался его голос.

— Это номер?.. — раздраженно переспросил мужчина.

— Извините, — с достоинством ответил Олег, — у меня вообще нет телефона.

И, повесив трубку, добрые десять минут наслаждался изысканностью своего юмора. Как здорово он отбрал этого мастеришку с какой-то станции! Как элегантно! А тот, небось, сидит теперь и тупо пялится на телефонный аппарат, пытаясь переварить услышанное. Потеха, да и только!

Олег перевел дыхание и запел, снова поразившись тому, как уверенно и прекрасно звучит его голос. Он даже не подозревал, что может так петь.

“Неужели это я? — подумал он. — Мне хорошо, никаких проблем не существует, жизнь великолепна. Скоро мы встретимся с Иркой, да-да, я знаю, я точно знаю, что это произойдет очень скоро. Как я мог вообразить, что убил ее? Она жива, мы любим друг друга, и все у нас будет прекрасно. Теперь я умею петь, я могу летать — Господи, как все замечательно!..”

Откуда-то снова доносился звонок, но он не обратил на него никакого внимания, потому что на подоконнике появилась Императрица. Возникла из ниоткуда и вот теперь сидела вполоборота к нему, свесив ноги на улицу. Он хотел было крикнуть, чтобы она прекратила дурачиться, так ведь и убить недолго, но вовремя спохватился: она ведь умеет летать. Все люди умеют летать, нужно только об этом догадаться.

— Ириша, вот и ты, — нежно проговорил он. — А я тебя ждал, чувствовал, что ты придешь... То есть прилетишь...

Императрица смотрела на него со своей загадочной улыбкой и молчала.

— Мы теперь никогда не расстанемся, — торопливо продолжал Олег. — Прости, я был идиотом. Придумал, что убил тебя, чуть с ума не сошел...

— Ты убил меня, — спокойно сказала Императрица. — Но это пустяки.

— Я не сделал тебе больно! Ты почти не страдала, правда?

— И тебе не будет больно. Мы улетим вместе отсюда. Улетим туда, где всем всегда хорошо.

И она, соскользнув с подоконника, замерла в пустоте над землей. Он шагнул было к ней, но заколебался и отпрянул от окна.

— Иди ко мне, глупый, — зажурчал смех Императрицы. — Я жду. Тебе будет так хорошо, как никогда не было. Иди же.

Откуда-то доносились странные звуки: звонки, удары, голоса. Но все это уже не имело никакого значения. Олег подумал о том, что сейчас оставит позади всю суету и мерзость бытия, познает неизведанное — и все это будет действительно наивысшим наслаждением, которое способен испытать человек. Он встал на подоконник и с блаженной улыбкой шагнул в бездну.

Ворвавшиеся в квартиру оперативные сотрудники успели только заметить мелькнувший в окне силуэт человека, а потом услышали слабый удар тела о землю.

— Опоздали, — мрачно произнес один из них. — Совсем опоздали. Тринадцатый этаж...

— Не знал, что ты такой суеверный, — отозвался другой. — А вдруг...

— Пьяницам обычно везет, — сказал один из милиционеров, — а вот насчет наркоманов не уверен.

— С выпивкой тут все нормально, — ответил второй. — Бутылка пустая, судя по запаху, допили недавно.

— Вызывайте "скорую", — закончил дискуссию старший оперативник. — Пойдем вниз. А потом вернемся и попробуем определить, что тут произошло. Помочь ему спланировать явно никто не мог, сами видели.

— Если только... — начал его коллега, разглядывая рассыпанные по столику белые таблетки.

— Что — если? — обернулся от двери старший.

— Если только он сам себе не помог. Нужно проверить это снадобье. А еще лучше — спросить нашего замечательного Волкова Виктора. Пари держу, он знает, что это за лекарство. Просто уверен.

Глава двадцать вторая. Заморский гость

Я поставила точку и в буквальном смысле слова перекрестилась. Душераздирающий триллер благополучно подошел к концу, моя работа над переводом — тоже. По количеству экзотических нелепостей на одну страницу этот, с позволения сказать, шедевр побил все мыслимые и немыслимые рекорды. А уж в плане всевозможных отравляющих веществ его можно было заносить в книгу рекордов Гиннесса.

Какое счастье, что я уже в отпуске! Путевка на двухнедельное путешествие в Англию заказана, через неделю можно будет ее получить, жаль, что с визами такая заморочка, все делается чуть ли не в последний день. Но я почему-то твердо верила в то, что все будет хорошо. Особых оснований для оптимизма у меня не было, разве только то, что плохого уже произошло предостаточно, и для разнообразия можно было бы испробовать что-то прямо противоположное.

В общем, день как день, и единственным, если можно так сказать, светлым пятном был звонок Алины, которая сказала, что у нее якобы есть сообщение специально для меня. То есть ей ночью было видение, чтобы не сказать — озарение. И держать его в себе она не может.

— Ты уедешь за границу совсем не в том качестве, в котором готовишься! — провозгласила она торжественно. — И не в те сроки, которые наметила. И еще вполне возможно, что скоро ты выйдешь замуж. Жених уже на пороге.

— То есть, если я открою дверь, то за ней обнаружится жених? — обалдело спросила я.

— Дурочка! В смысле — вот-вот появится. А женится на тебе по любви.

— Взаимной? — на всякий случай осведомилась я.

— Вот этого не знаю. Любовь там есть, но непонятно, к кому.

— По расчету я замуж не пойду, — предупредила я Алину. — Даже ради поддержания твоей репутации ясновидящей.

Алина немного обиделась, но ненадолго. Мы еще поболтали о пустяках, и я повесила трубку, но определенный неприятный осадок от разговора у меня остался. Визу, что ли, не дадут? И пока я буду снова добиваться положительного решения и напрягать Алешку на предмет приглашения, возникнет какой-нибудь соискатель руки и сердца? Меня такой сюжет почему-то не вдохновлял.

На следующий день я получила в редакции причитающиеся мне гонорар за предпоследнюю книгу и отпускные, прогулялась по магазинам, ничего интересного там не обнаружила и вернулась домой — понемногу собираясь в дорогу. Подходя к дому, заметила во дворике на скамеечке мужскую фигуру, в которой,

приглядевшись, узнала Ивана. Господи, неужели именно его имела в виду Алина, говоря о женихе?

Выглядел Иван лучше, чем в нашу последнюю встречу, да оно и понятно: пребывание в психиатрической больнице никого не красит. Но кроме того, в нем появилось некое чувство уверенности, словно он наконец нашел что-то давно ему нужное.

— Привет, — сказала я, подходя к скамейке. — Какими судьбами?

— Мне нужно с тобой поговорить, — ответил он. — В дом пригласишь, или тут будем беседовать?

— Приглашу, отчего же не пригласить? Только особого угощения у меня нет, не взыщи.

— Я купил по дороге, — отозвался Иван, вытаскивая из внутреннего кармана бутылку вина, в которой я с изумлением опознала довольно дорогой напиток под названием "Либе фрау мильх". Русский перевод звучит не совсем прилично — "Молоко любимой женщины", но само вино когда-то мне очень понравилось. Это было давно, мы еще состояли с Иваном в законном браке, и с тех пор мне этот напиток пробовать не приходилось. Правда, почему Иван принес именно его, я не совсем поняла, а догадываться — боялась.

— Пошли, — вздохнула я. — Какие-нибудь конфеты и фрукты у меня найдутся.

Через пятнадцать минут мы чинно сидели напротив друг друга в гостиной и молча прихлебывали действительно вкусное вино. Я ждала, пока Иван наконец объяснит цель своего прихода, а он, похоже, собирался с моральными силами, чтобы это сделать.

Наконец, лед тронулся.

— Помнишь, я несколько раз и намекал, и предлагал тебе снова выйти за меня замуж? — запинаясь, начал Иван.

Господи Боже милосердный! Жених под дверью!!!

— Припоминаю, — тихо откликнулась я, совершенно не испытывая никакой радости.

— Так вот, я пришел извиниться. Понимаю, что было неправильно тебя обнаживать, но так сложилось... Ты ведь рассталась со своим... женихом, правда?

— Какое это имеет отношение к твоему делу? — резче, чем мне бы хотелось, спросила я.

— Прямо. Дело в том, что я... Я не смогу на тебе жениться. Я встретил очень хорошую женщину, и так получилось, что она ждет ребенка.

В эту минуту я поняла, что испытывает приговоренный, когда ему объявляют о помиловании непосредственно на эшафоте.

— В общем, прости меня, пожалуйста, — скороговоркой закончил Иван и залпом осушил бокал.

— Прощаю, — великодушно сказала я. — Желаю любви, счастья и согласия. Приглашения на свадьбу не жду, поздравляю заранее.

— А свадьба будет очень скромная, — поторопился оправдаться Иван. — Так, для своего круга. Маша — врач, давно разведена, детей в том браке не было. И живет в Видном, почти рядом со мной.

— А работает в больнице у Михаила Петровича? — осенило меня.

Иван посмотрел на меня с огромным изумлением.

— Как ты догадалась?

— Метод дедукции, — охотно пояснила я. — К другим врачам ты за последнее время, по-моему, не обращался.

— Она очень добрая, и меня любит, не боится связать свою судьбу с бывшим пациентом психушки.

— Просто она хороший врач, — пожала я плечами, — и наверняка лучше, чем кто бы то ни было, знает, что ты абсолютно нормальный человек. С каким бы диагнозом тебя ни выписали. Кстати, если не секрет, с каким?

— Тяжелая депрессия, — охотно отозвался Иван.

— Алешка в курсе? — поинтересовалась я.

— Диагноза?

— Нет, изменений в твоей личной жизни.

— Да, я ему написал. Только ответ еще не пришел, письма идут очень долго.

— Ну, тогда все замечательно, и я за тебя очень рада.

Хоть кто-то счастлив на этом свете... А Алина, похоже, промахнулась. Ненамного, просто жених оказался несостоявшимся. И слава Богу!

Когда Иван ушел, я занялась уже привычными делами подготовки квартиры к своему длительному отсутствию. В основном, конечно, уборкой, поэтому за шумом пылесоса не сразу услышала телефонный звонок.

— Светлана? — спросил меня незнакомый мужской голос с каким-то акцентом.

— Да.

И тут мой телефонный собеседник взял, да и перешел на английский язык, да так стремительно, что я из всей первой фразы уловила только имя: Алекс.

— Простите, пожалуйста, — тоже перешла я на английский, — повторите, если вас не затруднит. Я давно не говорила по-английски и плохо разбираю быструю речь.

— Я привез вам письмо и посылку от Алекса, — чуть ли не по складам повторил мужчина. — Хотел бы вручить их вам. Адрес у меня есть. Я остановился в гостинице "Балчуг".

Ничего себе! Алешка, кажется, приспособил для роли курьера какого-то английского миллиардера! "Балчуг" — это же сумасшедшие деньги за сутки!

— Вы хотите, чтобы я пришла к вам в гостиницу? — с некоторой нервозностью спросила я.

— О, я хотел еще пригласить вас поужинать со мной. Если у вас нет других планов на сегодняшний вечер.

Планов-то у меня не было, только выглядела я, прямо скажем, не для ужина в "Балчуге". Потная, грязная, без прически, с чудовищными руками — запустила их за последнее время. Пусть лучше сам приходит, дома, говорят, и стены помогают.

— А может быть, вы зайдете ко мне? — спросила я. — Я свободна, только... ну... не совсем готова к ужину в ресторане.

— Нет проблем! — с готовностью отозвался мой собеседник. — Тогда мы побываем завтра, а сегодня просто поговорим. Объясните только, как к вам добаться. Впрочем, я могу заказать машину.

— Машина не нужна, здесь пять минут пешком, — с облегчением проговорила я. — Просто идете по улице, на которой стоит гостиница, до третьего переулка направо. Увидите серый семиэтажный дом с одним подъездом. А этаж и номер квартиры вам Алеша, то есть Алекс, наверняка дал.

— Если я приду через два часа, вас устроят?

Я заверила своего собеседника, что это меня абсолютно устроит, и лихорадочно заметалась по квартире. Хорошо, что ношу короткую стрижку, возня с прической сведена к минимуму. Немного подкраситься, надеть длинную шелко-

вую юбку и красивую кофточку с коротким рукавом, сделать какое-то подобие маникюра, заварить чай, претереть парадные чашки, пулей слетать в соседний магазинчик за каким-нибудь печеньем. В общем, за десять минут до назначенного срока я была полностью готова к встрече на высшем уровне и почти без сил плюхнулась в кухне в свое любимое кресло и закурила сигарету.

Звонок в дверь раздался ровно в девятнадцать часов, и я невольно вспомнила про хваленную английскую пунктуальность. А открыв, обнаружила перед собой очень высокого, представительного мужчину, лет пятидесяти, в безупречном летнем костюме, с объемистым пакетом в одной руке и розой на длинном стебле — в другой. Так вот ты какой, заморский гость!

— Добрый вечер, — произнес он. — Позвольте еще раз представиться. Меня зовут Бонд...

Я оцепенела.

— Питер Бонд, — продолжил он, не заметив моего состояния. — И я привез вам письмо от сына и посылку.

— Проходите, добро пожаловать, — обрела я дар речи. — Будьте как дома, мистер Бонд.

— Зовите меня просто Питером, — ослепительно улыбнулся он, показав бе-зупречное творение заморских дантистов. — Даже просто Питом. Без церемо-ний.

Я пригласила гостя в гостиную и принесла чайник. Но Питер проявил, по-моему, чисто английское занудство: достал из кармана письмо и протянул мне:

— Прочтите сначала, что пишет Алекс. Так нам будет легче общаться. А я, если позволите, раскрою трубку.

Конечно, я позволила, и по гостиной поплыл обожаемый мною и полузабытый запах дорогого трубочного табака. "Данхилл", любимая марка Володи, царствие ему небесное. Я тряхнула головой, чтобы отогнать ненужные сейчас воспоминания, и принялась за чтение письма.

"Ма, привет!

Это рекомендательное письмо, чтобы мистер Бонд тебя там не слишком на-пугал. Он действительно англичанин, причем довольно состоятельный: ему принадлежит один химический концерн и что-то там еще, по мелочи. Меня он обхаживает уже несколько месяцев, чтобы я пошел работать к нему в одну из самых важных лабораторий... ну, это при встрече, а то увлекусь.

Я согласился на его предложение с одним-единственным условием: он же-нится на тебе, и ты будешь настоящей британской подданной. Где будешь жить на самом деле, решать только тебе, но двухнедельная туристическая поездка — это смешно. Для начала, конечно, сгодится, но я хочу, чтобы ты в любой момент могла оказаться в безопасном и цивилизованном месте.

Питер ничего не имеет против фиктивного брака с тобой, и вообще он классный мужик, хотя фамилия у него, конечно, смешная — для русских. Ты там не тушуйся и не комплексуй, а делай так, как он тебе посоветует. Если даже со-рвется твоя туристическая поездка, ты все равно через неделю окажешься в Лондоне, так что готовься.

Основной подарок к давно прошедшему твоему дню рождения я тебе вручу лично, а пока посылаю с Питером небольшой сувенир. Думаю, он тебе по-нравится. Так что благословляю тебя на начало новой жизни и жду лично.

Кстати, если позвонит отец, скажи, что его письмо я получил и тоже благо-словлю. Пусть не волнуется, а живет так, как считает правильным.

За сим прощаюсь и челом бью,

сынишка твой недостойный Алешка".

Я подняла глаза от письма и совершенно тупо посмотрела на новоявленного жениха. Алешкины полеты буйной фантазии мне были хорошо известны, но тут передо мной стоял реальный человек, причем не какая-то мелкая шушера, а солидный представитель Британии. И мне предлагается выйти за него замуж? Допустим, мое положение значительно улучшится, но ему-то зачем российская дама не первой молодости? Конечно, сорок пять — баба ягодка опять, но я еще не дожила до этого замечательного срока, и для меня теоретически годилась совсем другая пословица: сорок лет — бабий век.

— Прочитали? — осведомился Питер. — Есть какие-нибудь вопросы?

— Есть, — искренне произнесла я. — Но важный только один. Остальное все мелочи.

— Слушаю вас.

— Зачем вам-то понадобился фиктивный брак?

Питер негромко рассмеялся и с довольным видом потер руки.

— Вот если бы вы не задали этого вопроса, мне было бы с вами значительно труднее разговаривать. А теперь я вам честно скажу: мне этот брак нужен для того, чтобы ваш сын мог вполне официально претендовать на мое наследство. Точнее, чтобы никто даже не пытался оспорить мое завещание.

— Интересно, но все равно непонятно. Вам что, некому наследство оставить?

— То-то и оно, что некому. Детей у меня нет, жена десять лет тому назад погибла в автокатастрофе, дальние родственники меня не волнуют. Я намеревалась просто усыновить Алекса, но это невозможно при живых родителях, да и он этого не хочет. А мне он очень нужен.

Я не успела задать вопрос "зачем". Питер попытал трубкой и продолжил.

— Алекс — гений в биохимических вопросах. Если он возглавит одну из моих лабораторий, то я даже затрудняюсь сказать, какие открытия могут быть совершены. А если я к тому же буду уверен, что дело всей моей жизни перейдет не просто в надежные руки, а в руки человека, который тоже этим живет... Ради этого можно сочетаться фиктивным браком. А с вами, как я вижу, можно даже не фиктивным. Простите за мечты вслух. Понимаю, вам нужно подумать. Я пробуду здесь дней десять-двенадцать, хочу прозондировать почву об открытии филиала моей компании.

— Через две недели я собираюсь лететь в Лондон, — сказала я, прикуривая биг знатную по счету за этот час сигарету. — У меня и путевка есть, осталось только дождаться визы.

— А какие проблемы?

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — Почему-то посольства с визой тянут до последнего дня, причем это происходит всегда и везде.

— Странно. Но если позволите, мы этот вопрос сейчас проясним. Только скажите мне: вы в принципе согласны выйти за меня замуж? Или, может быть, есть кто-то...

— Я абсолютно свободна, — твердо ответила я. — Не только от каких-то обязательств, но даже от привязанностей, не говоря уже о любви. Единственный близкий человек — это мой сын, а речь идет, как я понимаю, о его будущем.

— Вы правильно понимаете.

— Я согласна.

— Отлично, — невозмутимо кивнул головой Питер. — Тогда займемся делами. Вы позволите мне сделать один звонок?

— Разумеется.

Питер вытащил из кармана мобильный телефон, нажал пару кнопок и стал ждать ответа. Ответили, надо сказать, почти мгновенно. Я не стала мешать разговору, тем более, что Питер опять перешел на привычную скороговорку, и я все равно половины не поняла бы. Так что отправилась на кухню заваривать чай в состоянии легкого обалдения.

Когда я вернулась, Питер уже закончил разговор и, судя по всему, был невероятно доволен результатом. Я недолго пребывала в неизвестности. Как только разлила чай по чашкам и придвинула поближе к Питеру кекс, то услышала:

— Я звонил нашему послу в Москве. Во-первых, никаких проблем с визой у вас не будет, Джеймс завтра же даст распоряжение визовому отделу. А во-вторых, нас с вами приглашают завтра в посольство на чай. Посол и его супруга хотят лично познакомиться с моей невестой. Я взял на себя смелость согласиться от вашего имени. Надеюсь, это не нарушает ваших планов.

— А планов никаких и не было, — ответила я. — С понедельника я в отпуске, и делать мне, в общем-то, нечего. Только собираться в Англию.

— Алекс сказал, что вы работаете редактором.

— Совершенно верно.

— Если согласитесь постоянно жить в Англии, то сможете не работать. Я буду вам выплачивать приличный пенсион.

— Спасибо, конечно, но я ведь со скучи умру. Привыкла работать, а, кроме переводов и редактирования, ничего не умею.

— Вы скромничаете. Алекс сказал, что вы и сама пишете детективы.

— Пытаюсь, — вздохнула я. — Но на это не проживешь.

— Почему? — изумился Питер. — У нас, насколько мне известно, профессиональные писатели очень неплохо обеспечены.

— Два мира, две морали, — усмехнулась я.

И вкратце растолковала ему ситуацию на российском книжном рынке. По-моему, он понял далеко не все, и меня это не удивило: нормальные бизнесмены так дела не ведут. Но вывод сделал интересный.

— Мы можем попробовать перевести ваши книги на английский и издавать их в таком виде. Если будет спрос, то и вы будете обеспечены привычной работой, и наши читатели получат образчик российского менталитета. — Вдруг Питер хлопнул себя по лбу и воскликнул: — Старый дурак! Я же не передал вам подарок от Алекса.

Он вручил мне пакет, из которого я тут же извлекла... портативный компьютер и мобильный телефон. Как я не завизжала от восторга, до сих пор не понимаю. Алешка прислал то, о чем я мечтала уже очень давно. Вот уйдет мой заморский гость, всплыть покручу эти игрушки. Там наверняка возможностей больше, чем в тех, которые я видела до сих пор.

— А это от меня, — сказал Питер и протянул мне маленькую коробочку.

Я ее открыла и обмерла. На бархате сияло прелестное колечко белого золота, судя по всему, с бриллиантом. Поскольку до сих пор я имела дело только с фианитами, то даже представить себе не могла, насколько от них отличаются настоящие алмазы.

— Примерьте, — с улыбкой попросил Питер. — Или, если позволите, я вам помогу. Это ведь обручальное кольцо, знак того, что вы принимаете мое предложение.

Я протянула ему левую руку, но, как выяснилось, ошиблась. Обручальные кольца у них принято надевать на правую руку, а на левую — гладкое кольцо,

символизирующее заключение брака. По-видимому, Алешка рассчитал правильно: кольцо подошло идеально, будто век там было.

— Ну вот, — довольно буднично проговорил Питер, — теперь вы моя невеста, и мы можем завтра же обговорить с господином послом все формальности. Впрочем, если вы так и так собирались в Англию, разумнее будет пожениться там.

Я только глазами хлопала: столько всего произошло за пару часов. Единственное, что сообразила, это позвонить Алешке. Кажется, я его разбудила, у них там время к полуночи близилось, но ситуация-то нестандартная.

— Алька, это я. Извини, если разбудила.

— Что случилось?

— Это ты меня спрашиваешь? Я только что обручились с твоим мистером Бондом.

— Теперь он наш, а не мой, — через зевок уточнил Алешка. — Молодец, ма, я знал, что ты не подведешь. Когда тебя ждать?

— Об этом спроси у Питера, — сказала я и протянула трубку своему гостю.

Они поговорили совсем недолго, после чего Питер вернул трубку мне.

— Ма, ты там расслабься, старина Пит все сам сделает. Я вас жду через две недели. А пока целую.

— Я тебя тоже, — ответила я.

Питер откланялся часов в десять вечера, сказав, что завтра ровно в половине пятого он за мной заедет, и мы отправимся в посольство. Вечернее платье надевать не надо, это не официальный прием, а простое чаепитие с его старым, добрым знакомым еще по колледжу и его очаровательной супругой. Но джинсы лучше не надевать.

Я даже не обиделась на все эти инструкции: этикет, тем более английский, никогда не был моей сильной стороной. Для себя же решила, что утром пойду в ближайший салон красоты, сделаю прическу и приведу в порядок руки. С нарядом было вообще просто: единственной по-настоящему красивой и элегантной вещью в моем не слишком богатом гардеробе был тот самый костюм цвета крепкого чая, который Андрей подарил мне на день рождения.

Господи, ведь это было совсем недавно, а кажется — совсем в другой жизни.

Я хотела было позвонить Галке, но какое-то суеверное чувство удержало меня. Я побоялась, что расхвастаюсь, а на самом деле окажется, что это просто шутка, розыгрыш или вообще мне приснилось. Так что просто легла спать, предварительно отключив все телефоны и приняв двойную порцию снотворного.

Проснулась часов в девять, свежая и отоспавшаяся. Обнаружила, что кольцо по-прежнему находится у меня на руке и при свете солнца выглядит ничуть не хуже, чем при вечернем освещении. С удовольствием напилась кофе и отправилась на поиски ближайшего салона красоты, решив в кои веки не экономить на своей внешности. Даже разорилась на визажиста, предварительно объяснив ему фасон и цвет костюма, к которому требовался макияж.

Конечно, красавицей с обложки я не стала. Просто из зеркала на меня глянула спокойная и уверенная в себе женщина, лет тридцати-тридцати пяти, которая следит за собой и поддерживает в хорошей форме неплохие изначальные природные данные. А большего я, в общем-то, и не ждала. Да и зачем?

Питер появился минуту в минуту и, надо сказать, оценил произошедшую со мной метаморфозу по достоинству. Комpliment, правда, он сказал банальный, но зато смотрел на меня с видимым удовольствием. И я его понимала. Алешка вполне мог иметь "типовично русскую мать" семьдесят пятого размера, с крашенным рыжим или соломенно-желтым перманентом, ни слова не понимающую по-

английски. А так все было просто прекрасно: леди, конечно, не юная красотка, но... все-таки леди.

Как прошел вечер в посольстве, я затрудняюсь сказать, хотя бы потому, что почти ничего не помню. Я так старалась показать хорошие манеры, так боялась сделать какой-нибудь промах, что слова и действия окружающих практически не воспринимала. Помню только, что нас поздравили с помолвкой, а в качестве подарка вручили мой же заграничный паспорт с полугодовой английской визой. На больший срок пока меня в Англию пустить не могли. И еще помню, что мне посоветовали отказаться от путевки и лететь через десять дней вместе со своим женихом. Британские авиалинии, первый класс, лимузин до аэропорта и из аэропорта. Я кивала головой, как китайский болванчик, и к месту или не к месту говорила: "Спасибо, как это мило с вашей стороны".

Правда, провожая меня домой, Питер заметил, что все было "высший класс", и что я произвела на его друзей самое благоприятное впечатление. Надеюсь, это не было формальным комплиментом. Потому что я выложилась полностью и, появившись дома, нашла в себе силы только для того, чтобы переодеться в домашнее, предварительно приняв душ, и без сил свалиться в гостиной на диване. С Питером мы договорились встретиться завтра в полдень в холле "Балчуга" и совместно решить проблему с возвратом путевки.

По-видимому, я заснула, потому что разбудил меня телефонный звонок. Я посмотрила на часы: девять вечера. Да, укатали сивку крутые горки, даже не припомню, чтобы я так вот отрубалась практически среди дня.

Звонила Галка. Очень кстати, я все время собиралась сама ей позвонить.

— Есть новости, — сообщила Галка замогильным голосом. — Плохие.

— Что случилось? — испугалась я.

— Юлию нашли.

— Она...

— Да, ее убили. А труп выбросили на свалку. Если бы погода была пасмурной, ни почем бы не нашли.

— При чем тут погода?

— Не погода, а солнце. Убийцы не смогли снять обручальное кольцо. Профессионалы бы просто отрубили палец, но тут работали дилетанты...

Я невольно зажмурилась. Никак не привыкну к тому, что книжные сюжеты все чаще перекочевывают в нашу жизнь.

— Мне позвонили сегодня утром. Пригласили на опознание. Это она, сомнений нет. Чудо, что ее вообще обнаружили.

Бомжи на свалке обратили внимание на то, что в одной из куч что-то поблескивает. Специфическое амбрэ их не остановило: на свалке всякое бывает. Но вот находка — женский полуразложившийся труп — впечатлила. Они устроили небольшой военный совет и решили, что разумнее поставить в известность милицию, пока их самих не сделали в этом деле крайними.

— Как ее убили? Удалось установить?

— Я и звоню так поздно потому, что ждала результатов вскрытия. Эти люди практически не оставили ей шансов на жизнь.

— То есть? — не поняла я.

— Судя по всему, ее все это время держали на наркотиках. Она спала двадцать четыре часа в сутки. Не ела, не пила, только спала. Как только срок действия лекарства заканчивался, ей вкалывали новую порцию. Концентрация наркотиков в организме чудовищная, хватило бы, чтобы сделать законченными наркоманами роту здоровых мужиков. Возможно, ее для верности придушили. А возможно, просто вкололи смертельную дозу и выбросили. Как старую тряпку.

— Кто? — коротко спросила я, потому что ответ, в принципе, знала.

— Императрица, — так же коротко ответила Галка. — Охрана заметила кое-какие странности в ее поведении. То есть не совсем в ее... Последний месяц у нее была подруга. Постоянно жила. Но никто и никогда одновременно не видел их вместе, кроме горничной. А после того, как милая дама овдовела, подруга исчезла из поля зрения обслуги. Но продолжала с завидной регулярностью появляться во всяких злачных местах, где на нее многие обращали внимание.

— Почему решили, что это она? — осведомилась я.

— Ты сама мне рассказывала про перестрелку в казино. И что в списке присутствовавших там оказалась Юлия Малинина, паспорт, прописка и все такое.

— Ну и что?

— Ты тогда сказала, что Юлька пустилась во все тяжкие и пытается поправить положение таким образом. Взрослая женщина, медициной, как говорится, не занимается. Но я в это не верила ни минуты, слишком уж не похоже на нее — такое поведение. Потом выяснилось, что она вышла замуж, но от нее снова ничего нет, и я продолжала сомневаться. А сегодня выяснилось, что Юлия, предположительно, уже около двух месяцев была мертва и пребывала на свалке в качестве трупа. Нравится?

— Нет, — искренне ответила я. — Это же просто кошмар!

— В общем, похороны послезавтра. Твое присутствие исключается, потому что мне потом тебя лечить дороже будет. Но я надеюсь, что до твоей поездки мы сумеем как-то пересечься.

— То есть просто обязательно, — заверила ее я. — Устрою отдельную, ты с Тарасовым и Алиной с кем-нибудь.

— Прошлый раз это был какой-то артист, — поделилась Галка чужим секретом. — Она мне фотографию показывала, он еще в сериале снимался про бандитов.

— У нас сейчас все сериалы про бандитов, — вздохнула я. — Разберемся при личной встрече. Ладно, Галка, держись там. Ты ведь понимала, что этим закончится.

— Да, мне Алина давно сказала, что Юлии нет в живых, но похорон еще не было. То есть она еще на земле, а не под ней.

— И, как всегда, оказалась права, — заключила я. — Хорошо все-таки иметь знакомую ясновидящую.

— Ты спрашивала ее о своей поездке? — забеспокоилась Галка. — Что она сказала?

— Сказала, что все будет просто прекрасно, так что я даже и вообразить себе не могу. Думаю, что случайно в автобусе познакомлюсь с принцем Уэльским, и он в меня влюбится. А со временем стану королевой английской.

— Давай, — усмехнулась Галка. — В профиль ты и так вылитая Елизавета, так что никаких трудностей не вижу.

И опять я не сказала ей про Питера. Мне все время казалось, что стоит мне заговорить об этом, и волшебная сказка лопнет, как воздушный шарик, и все пойдет по-прежнему.

Мой скепсис несколько уменьшился после посещения туристического агентства. Подозреваю, что если бы я пришла туда одна, мне бы вернули в лучшем случае треть денег, да еще и объяснили бы, кто я такая на самом деле.

Но Питер направился прямиком к директору этой конторы, и через полчаса мне вручили практически всю сумму, лишь вычли десять процентов неустойки. Но это, в общем-то, было справедливо.

Питер проводил меня до дома и извинился, что не может посвятить мне остаток дня: он, ко всему прочему, вел какие-то деловые переговоры, так что график у него получался достаточно плотный, и сегодняшний совместный обед отменялся. Но, не-

сматря на это, он предложил мне составить список того, что будет мне необходимо для первой поездки.

— Кстати, один вопрос, — вдруг вспомнила я просьбу Милды. — Моя приятельница хотела бы найти место экономки в Англии. Язык она знает.

— Русская? — деловито осведомился Питер. — Молодая?

— Примерно моего возраста, но не русская, а латышка.

— Может паковать вещи, — отозвался Питер. — Моим друзьям нужна домоправительница в поместье, где они бывают только в сезон охоты. Остальное время в доме, кроме слуг, никого нет. А место довольно глухое, желающих там поселиться не находится.

— Думаю, Милда захочет, — сказала я. — Она так устала тут от людей и их идиотского поведения, что будет только рада отдохнуть от всего этого.

— Она получит приглашение, самое позднее, через месяц — заверил меня Питер. — Это прекрасно, что она латышка, русскую там как раз не очень хотят. Были precedents. Простите меня, конечно, но не очень честные люди есть в любой нации.

— Я понимаю, — вздохнула я. — Иногда одна паршивая овца все стадо портит... Так я могу позвонить Милде?

— Разумеется, дорогая. И больше об этом не думайте, я сам решу все вопросы. Только узнайте у нее адрес и телефон.

Вот бы все проблемы решались так — в одно касание!

Питер поцеловал мне руку, церемонно простился до завтра, а я последовала его совету и стала думать о том, что мне может понадобиться на чужбине в первое время. Но прежде всего нужно было передать сообщение Милде.

Телефона ее я не знала, но подозревала, что Костя должен знать о ее местонахождении. Поэтому позвонила ему на мобилку, и, как выяснилось, очень вовремя и кстати: он сам собирался мне звонить.

— Ты дома? — спросил он. — Сейчас перезвоню с нормального аппарата.

Судя по всему, он тоже был дома, причем у него явно были какие-то новости, которыми он хотел со мной поделиться. Что ж, на ловца и зверь бежит.

— Слушай, мать, — начал Костя, как всегда без предисловий, — если стоишь, то сядь. Потому что историю я тебе припас сногшибательную.

— Могу даже лечь, — отозвалась я. — Только послушай сначала, зачем я звоню, а то забуду.

— Излагай.

— Мне удалось договориться насчет Милды. Пусть она продиктует или напишет мне по электронке свой адрес и телефон, самое позднее, через месяц получит вызов. Место экономки в загородном поместье. Устроит?

— Ты что, шутишь? Конечно, устроит. Сегодня же вышлем тебе реквизиты. С меня причитается.

— Свои люди, сочтемся, — отмахнулась я. — Так что у тебя случилось? Про Юлию, кстати, я уже знаю.

— Да? — несколько обескураженно протянул Костя. — Ладно, начнем сразу со второй части Марлезонского балета. К Императрице.

— Ты с ней все-таки встретился?

— Пока еще нет, но уже видел.

— Живую?

— Почти.

— А ее как бы супруг? Послушай, а он... Он не...

— Он — да, — коротко ответил Костя. — Но он, чтобы было уже совсем интересно, законченный наркоман. Музыкант на этой почве окончательно сдви-

нился. Попутно выяснилось, что он снабжал наркотиками пол-Москвы. Такую сеть поставок и сбыта организовал — куда там мафии! Кстати, крышу ему обеспечивал...

— Зачем ему это надо было? — тоскливо спросила я, догадываясь, о ком идет речь.

— Превратности судьбы. Жил-был в Москве некто... Имен называть не будем, они нам не нужны. Скажу только, что трудился он в сфере обеспечения государственной безопасности. И до того был принципиальный, что никак к нему подхода найти не могли, тогда, в благословенно-застойные, да и позже тоже. Только несчастье у него произошло: жена заболела, ноги отнялись, боли донимать стали. Тут добрые люди про это узнали, подсуетились, снабдили мадам чудодейственным лекарством, стало ей лучше. А потом стало совсем хорошо, потому что лекарство оказалось наркотиком. И пришлось принципиальному мужу снабжать им свою супругу. А где взять? Тут-то он ко мне и к добрым людям, точнее, к одному из них, поскольку тот ему время от времени интересные сведения о наркобизнесе приносил, а сам поэтому был как бы неприкосновенным.

И поплыл наш неподкупный по давно проложенному руслу, и это ему даже понравилось, потому что деньги за содействие он получал настоящие, да и с лекарством для дорогой супруги проблем не было. Только официально он об этом ничего не знал. Приходила женщина к его жене, что-то там приносila, незаметно уходила, да и приходить старалась незаметно. И связана эта женщина была с тем самым "неприкосновенным", а в последнее время основным поставщиком был некто Химик. Остальные каналы он практически законсервировал. Разговоры-то происходят всякие, а осведомителей пока еще никто не отменял. Причем этот самый Химик поставлял не традиционные наркотики, а какие-то "навороченные". И вообще много чудес рассказывали. Ходили слухи, что он изобрел что-то вроде лекарства против страха... Химик этот — просто гений. Останься он в науке... Да ну, зла не хватает! Такой талант оказался на службе у криминала. А изобрел он заново иприт, представляешь? Все эти возможности оказались в распоряжении преступников. В результате — немереное число трупов за достаточно ограниченное количество времени. Попугай — раз, Босс — два, Никита — три, Настя — четыре, Юлия — пять, и это еще не все, хотя самоубийство идет по другой граfe...

— Господи, Боже мой, — только смогла выговорить я. — Надеюсь, этого Музыкanta все-таки изолировали от общества.

— Не успели.

— Сбежал?

— Нет, но мы опоздали. Мы вообще везде опаздывали в этой истории: где на сутки, а где на несколько минут...

— Слушай, а из этой милой компании кто-нибудь вообще в живых остался?

— Императрица. Она успела связаться со мной и срочно вызвать, видимо, почумала недадное. Я ведь долго к ней на службу набивался, так когда припекло, она первым делом меня вспомнила. Я примчался в особняк, расшвырял всех ее обалдуев и успел вытащить свою клиентку из бассейна, где она плывала, как надувной матрас. Просто повезло, она запросто могла утонуть. Потому что наркотиками была накачана по уши, плюс спиртное...

— И что теперь?

— Теперь находится в дорогой частной лечебнице, медленно приходит в себя. Но, похоже, всю оставшуюся жизнь ей придется общаться с психиатрами. Башня там сплета только так.

— А этот ее молодой и красивый? То ли муж, то ли еще кто-то?

— Там, где все мы будем, — без особого энтузиазма отозвался Костя. — После того, как нашли Императрицу, стали искать этого красавца. Он точно сквозь землю провалился, охрана не видела, чтобы он покидал особняк. С огромным трудом вычислили и нашли этого самого Химика, и то лишь потому, что он — единственный в своем роде, и все институтские преподаватели прочили ему Нобелевку в ближайшее время. Навестили его, в миру Виктора Волкова. И тут на его определителе номера обозначился телефон Ларисы.

— И что?

— А то, что Лариса сидит в тюрьме, и никак не может воспользоваться собственным домашним телефоном. Кинулись к ней на квартиру. Звоним, стучим, никто не реагирует, хотя слышны голоса. Наконец выбили дверь. Поздно...

— Что — поздно? — спросила я, непроизвольно покрывшись гусиной кожей.

— Он выбросился из окна. Я даже видел — как. Но самое интересное не это. Он улыбался. Понимаешь, у него на лице застыла совершенно блаженная улыбка. Всякое повидал, но такое — впервые. Человек выбрасывается с тринадцатого этажа, прикинь. А выражение лица — как у детсадовца, который впервые увидел Деда Мороза. Правда, выпил он перед этим прилично. И, судя по всему, принимал какие-то таблетки. Не исключено — то самое “лекарство против страха”. Они там грудой по всей квартире навалены.

— Состав известен? — спросила я.

— Отдали на экспертизу. Наверняка очередное творение Химика. Его бы энергию, да в мирных целях...

— В тюрьме перекусится, — философски заметила я.

Костя скептически хмыкнул.

— Не будет ему тюрьмы. Кажется, он уже абсолютно невменяем во всем, кроме своей химии. Наверное, направят на принудительное лечение. А еще говорят, что гений и злодейство — вещи несовместные.

— Так это когда было. Сам говорил, у нас гении не в цене. Разве что гении всяких махинаций. Кстати, за что Ларису упекли?

— Таможня изъяла у одного замутненного дельца в Бресте редчайшее химическое вещество, ему цены нет. Он тут же от всего откrestился и заявил, что пробирку с порошком ему дала женщина по имени Лариса и попросила передать ее знакомым в Германии. На всякий случай задержали и ее, и его, а потом начали отрабатывать их связи. Тут и появились Химик, Императрица, Музыкант, некий крупный коммерсант, уже покойный. Она всех заложила мгновенно. Но думаю, ей от этого не легче.

— Все равно теперь будет крайней, — подхватила я.

— Судя по всему, именно так и получится. Подумать только, из-за того, что десять с лишним лет назад один дядя приохотил мальчишку к не слишком пристойным забавам, а другой дал попробовать наркотик, образовалась гора трупов. А сколько таких мальчишек и девчонок только начинают... Мало было России алкоголиков! Теперь — новая напасть. А твой Андрей, кстати, не появлялся? — как бы невзначай спросил Костя. — Он ведь обязательно будет нужен как свидетель.

— Его проблемы, не мои, — равнодушно отозвалась я.

— Даже так?

— Просто встретились два одиночества, а костру разгораться не захотелось. И не будем больше об этом, ладно?

— Уговорила. Ну, пока, веди себя хорошо. Как-нибудь встретимся.

— Куда же мы денемся? — вздохнула я.

Мы действительно встретились, но...

Но это уже совсем другая история.

Пытка

От слов избавиться нет мочи, —
От слов чужих, стихов чужих.
Что каждой ночью мне бормочет
Отправою своею стих?
Наверно, это просто — карма:
Жить со словами, как в бою.
Наверно, это все же — кара
За всю безвкусицу мою.
И наказанье это Божье
Не притиснуть уже молве.
Ах, нет, наверно, пытки большие,
Чем пытка словом. В голове...

Память

Мы на Земле — не первые.
Живем же как последние.
И потому мы — скверные,
Что первым — не наследники.

Да, мы когда-то прерваны
В немыслимых развитиях.
Мы жизнь латаем нервами
Уже в своих событиях.

Идиотизм — в бесстрашии:
Живем совсем без Памяти.
Ведь нас никто не спрашивал,
Какие ставить памятники.

И Память — не наследница
Всех сотворенных бед.
А мир все так же вертится,
А Памяти все нет...

О чем молчат звуки

Что за звуки толпятся вокруг,
И какие у них расстоянья?
Каждый звук говорит
Что-то вслух,
Разрывая пространства Молчанье,
Звуки ткут свою ткань, чуть быша.
То кричат, то опять замолкают.
И как будто бы звуков Душа
Эту ткань — до строки уменьшает.
А строка разрывается вдруг,
Превращаясь в одно многоточье...
Как какой-то потерянный звук,
Что звучит так непрочно...

Отдайте дьяволу

Вернувшись в свой кабинет в тот знаменательный вторник, доктор Айра Фрост, психиатр, удивился, обнаружив на руках волдыри от ожогов, но еще больше его поразил незнакомец, восседавший за его собственным столом.

— Кто вы? — спросил доктор. — Как вы сюда попали?

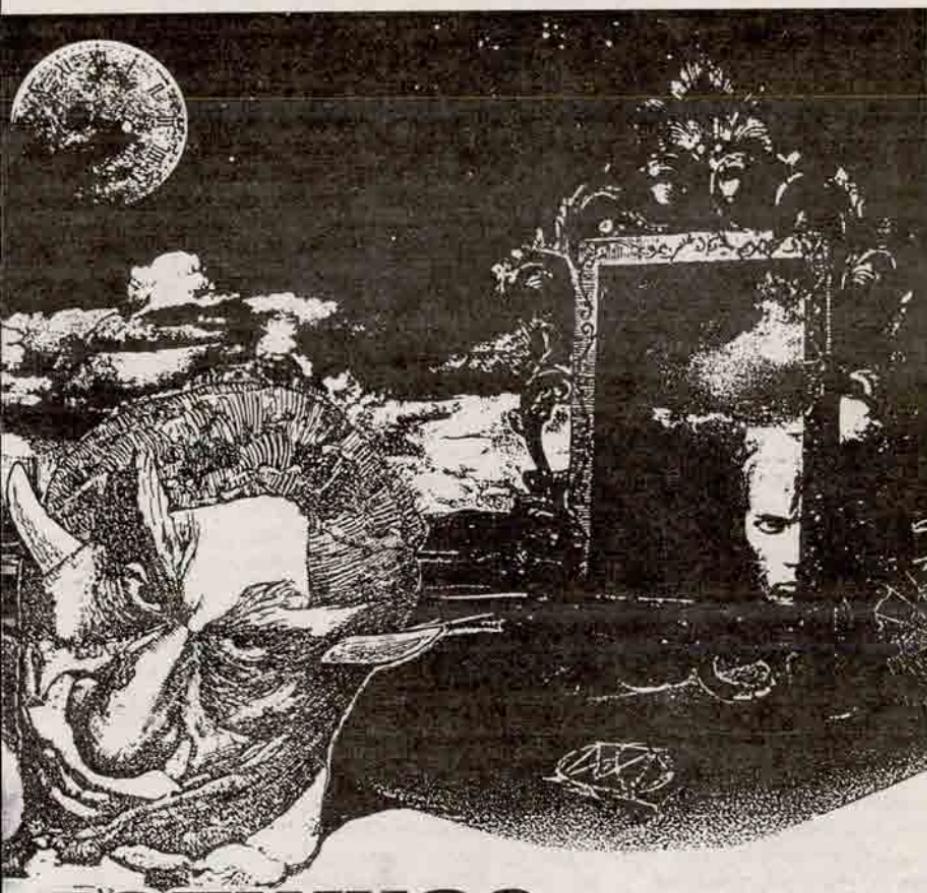
Незнакомец поднялся.

— Извините, не хотел вас пугать. А насчет того, кто я... у меня очень много имен. Поскольку нынче в моде неформальное общение, вы можете звать меня Лю. Нормальное имя, ничем не хуже других. Что же касается того, как я сюда попал... Боюсь, если я вам скажу, вы не поверите.

— А вы попробуйте.

Лю покаял плечами.

— Как вам будет угодно. Но, строго говоря, я сюда и не попадал... — Его губы изогнулись в сухой, саркастической улыбке. — Я материализовался.

должное

иллюстрация Льва Рабинина

— Вы правы, я вам не верю, — признал Айра. — Вы всего лишь галлюцинация. Наверное, я слишком много работал.

— Почему сейчас люди всему пытаются найти и находят самое ординарное, про-заическое объяснение? Хорошо. Что вы скажете насчет этого? — Он поднял руку, и из пальцев выпорхнули языки пламени. Резко запахло серой.

— Лю? — воскликнул Айра. — Так вы — Люцифер!

— Именно так. Но вы что-то побледнели, почему бы вам не присесть, рассла-биться? Тогда мы сможем поговорить.

Волоча ноги, Айра обогнул стол и сел. Сиденье было холодным, как лед. По те-лу психиатра пробежала дрожь.

Лю рассмеялся.

— Мой фирменный трюк — удивить тех, кто отказывается в меня верить. Но вы, похоже, уже поняли, что к чему, поэтому мы можем перейти к делу.

- К какому?
- Да перестаньте, доктор Фауст. Вам же ясно...
- Фауст? — прервал его Айра. — Моя фамилия Фрост.
- Разумеется. Сорвалось с языка, доктор, извините. — Лю опустился на кушетку. — Так я насчет книги, которую вы пишете, о присутствии дьявола в литературе двадцатого столетия... Вы упустили главное.
- Это невозможно! Я работал над ней три года, прочитал двести восемьдесят семь книг. Мой анализ не имеет себе равных, но, действительно, издатели отказываются ее покупать.
- Может, я не хочу, чтобы эту книгу опубликовали, — заметил Лю.
- Почему? Что вы имеете против? — спросил Айра.
- Вы представили меня в ложном свете. Знаете, в чем мой главный интерес?
- Сеять зло.
- Именно. Зло и моральное разложение. Я покупаю души. Меряюсь умом с людьми, которые попадают в сложную ситуацию и думают, что могут перехитрить меня. Но вы, психиатры, отрицают саму доктрину зла и заменяя ее идеей психического незддоровья, ставите под вопрос само мое существование.
- Это хорошо. Значит, вы — кандидат на вылет.
- Как бы не так. В последнее время обо мне стали подзабывать, потому что я проводил структурную перестройку и компьютеризировал свой бизнес. Теперь эта работа завершена, и я могу чаще покидать кабинет. Но, признаюсь честно, то, что я здесь увидел, мне решительно не нравится.
- А в чем проблема?
- Мир стал слишком безликим. К примеру, в девятнадцатом веке я частенько бывал здесь. Люди постоянно видели меня, в городе я считался известной личностью, мне приписывали ответственность за всякие несчастья. А теперь я вдруг обрел анонимность.
- Я бы выразился иначе, — возразил Айра. — Вас вытеснили из этого мира.
- Ерунда, — отмахнулся Люцифер. — Войны постоянно уносят миллионы жизней, мир рушится под воздействием загрязнения окружающей среды, перенаселения, наркотиков. Это реализуется моя программа ЗПН, и реализуется блестяще.
- Я готов признать, что наш мир сейчас не в лучшем состоянии, но мне не верится, что ответственность за это лежит на вас. Приведите хоть один веский аргумент, говорящий в вашу пользу.
- Вы очень точно уловили мою мысль, доктор. Беда в том, что люди больше не верят в зло. Во всем ищут причинно-следственную связь, хотят все объяснить с научной точки зрения. Люди больше не аморальны, они просто психически больны. Целая индустрия, и весьма прибыльная, как вам прекрасно известно, возникла на одной этой идее. Вот я и подумал, а почему бы мне не пообщаться с психиатром.
- Но почему именно со мной?
- Из-за вашей книги. Она битком набита научным жаргоном, понять который под силу только другим психиатрам. Вашими стараниями я выгляжу напыщенным ничтожеством, и я этим возмущен.
- Я вроде бы не характеризовал вас в таких терминах.
- Вы вообще не характеризовали меня. В книге нет ни единого предложения, отражающего мои истинные взгляды. Вам почти что удалось лишить грех привлекательности.
- И вас это расстраивает?
- Более чем. Я люблю непосредственное общение и ненавижу безликость толпы. Приятно, конечно, видеть реки, из которых нельзя пить, морское побережье, за-

литое нефтью, людей, дышащих воздухом, который вызывает кашель. Но мне недостает личных контактов, вот почему я здесь.

— Как я понимаю, с предложением. — В голосе Айры не слышалось вопросительных интонаций.

— Естественно. Доктор, вы верите, что у вас есть душа?

— Чтобы я клюнул на религиозные байки? Я еще в школе понял, что это пустые слова.

— Жаль, — вздохнул Лю. — Если бы верили в существование собственной души, мы бы быстрее добрались до главного. Все-таки это высшая ставка, которую может сделать человек.

— Можете ее взять, — сухо ответил Айра.

Лю вскочил.

— Именно! Это и есть моя цель. Вам достается настоящее, все, что вы в нем желаете, а я получаю вечное. Отлично сказано, доктор. Иногда вам удается внятно выражать свои мысли, редкий случай для вашей профессии. Итак, мое предложение: я даю вам три желания, а взамен получаю вашу душу.

— У меня нет души.

— Ваше подсознание, или суперэго, или как там вы ее называете. Я даю вам три желания, а вы отдаете мне вашу духовную составляющую. По рукам?

— Я не могу отдать вам мою духовную составляющую. По определению, моя духовная составляющая — это я. Я не могу ее отделить, это же не вещь.

— Вы ставите мне палки в колеса, — не отступался Лю. — Я предлагаю вам три желания. Что вы дадите мне взамен?

— Ничего.

— Великолепно! — восхликал Лю. — Вы дадите мне ничего. Но, если я смогу превратить ничего во все, тогда победа за мной?

— Это же чистая софистика.

— Неважно. Договорились?

— Конечно. Скрепим договор рукопожатием?

Лю в ужасе отпрянул.

— Черт, да нет же... уж извините, сорвалось с языка. Если вы коснетесь меня, я сожгу вашу руку. Давайте обойдемся без глупостей. Дайте слово, этого достаточно.

— Хорошо. Даю слово, но... — Айра покачал головой. — Одну минуту. Допустим, вы выполните три моих желания, а на следующий день я умру. От вас можно всего ожидать.

— Я обещаю вам как минимум пятьдесят лет жизни после выполнения вашего последнего желания.

— В полном здравии? — спросил Айра.

— Согласен. Но и вам я выставлю пару условий. Вы не должны просить вечной жизни и пытаться помочь кому-то еще. Проявите здоровый эгоизм.

— Это просто.

— Отлично. Перейдем к техническим аспектам. Свои желания будете озвучивать здесь, в этом кабинете, с разрывом в неделю, в одно и то же время дня. Сейчас час пятьдесят восемь пополудни, и вы можете начать с первого желания. Слушаю вас.

— Что ж, вы, должно быть, знаете, что моя женитьба на Марго — величайшая ошибка моей жизни, я ее терпеть не могу. Она злобная, сварливая...

— Меня не интересуют ее характерологические особенности. Ваше желание — ничего больше.

— Я хочу избавиться от нее.

Лю щелкнул пальцами и на глазах Айры растаял в воздухе, оставив психиатра тащиться в муаровую стену напротив стола. Таращился он почти две минуты, пока звонок в дверь не возвестил о приходе первого после ланча пациента.

До конца рабочего дня Айра так и не смог собраться. Его внимание рассеивалось, он убеждал, что Лю ему привиделся. Сидел, как обычно, положив блокнот на колени, но, вместо того, чтобы делать пометки, рисовал кружочки, квадратики, треугольнички. Если пациент замолкал, говорил: "Пожалуйста, продолжайте. Все это очень интересно, и я внимательно вас слушаю. Продолжайте". Но потом не мог вспомнить ни слова.

В пять вечера, перед приходом последнего пациента, позвонил домой. Жил он в пригороде. Трубку не сняли. Позвонил в шесть. С тем же результатом.

Совпадение, решил он. Марго принимает ванну или работает в саду, но, конечно, будет дома, когда он откроет дверь.

Однако вместо Марго он нашел дома записку: "Айра, я так больше не могу. Я нашла человека, с которым буду счастлива, и ухожу. Можешь получать развод по причине нарушения мною супружеской верности, и я очень надеюсь, что больше никогда тебя не увижу".

Он долго смотрел на записку. Как это на нее похоже.

Написать — написала, а вот расписаться забыла. Он решил исправить упущение, на случай, если ему действительно придется показывать записку в суде. Нашел пачку чеков с ее подписью, попрактиковался на листке бумаги, добившись нужного сходства, расписался внизу, убрал прощальное послание Марго в ящик стола и пошел в ресторан. Выпил перед обедом два "мартини", к стейку заказал маленькую бутылку вина. От спиртного его разморило. Он вернулся домой и крепко спал до утра.

Неделя прошла тихо и спокойно. Он сказал ближайшим друзьям, что Марго бросила его. По мере того, как новость начала распространяться, посыпались приглашения на обед. К тому же он обнаружил, что одиночество ему не в радость. Особенно долго тянулись выходные.

В следующий вторник, около двух часов дня, Айра сидел за столом и наблюдал, как знакомая фигура проходит сквозь закрытую дверь.

— Значит, вы настоящий, — усмехнулся он. — А я уже начал сомневаться в том, что наш разговор имел место.

— Люди всегда начинают с сомнений в моем существовании, особенно в нынешние дни. Наука уж очень запудрила всем мозги, поэтому все, что я делаю, не должно противоречить логике вещей. Если я обещаю кому-то состояние, оно не может взяться из ничего. К примеру, один из моих любимых приемов — нефтяной фонтан в заднем дворике, хотя его нельзя использовать повсеместно. Иной раз приходится раскусывать очень твердые орешки.

— А мне представляется, что особых проблем у вас все-таки не возникает, — заметил Айра. — С вашими талантами вы можете добиться всего.

— В принципе вы правы, но без сложностей не обходится. К примеру, какое-то время я решал многие вопросы с помощью лотерей. Вы не знали, что победители определяются заранее, не так ли?

— Вами?

Лю кивнул.

— Само собой, но теперь я отошел от этого дела. Если кто-то хочет состояния, и я обеспечиваю ему выигрыш в сто тысяч долларов или больше, что за этим следует? Выплата налогов. И ему остается меньше половины. Если люди посчитают, что я их надеваю, к чему это приведет? Никто не захочет продавать душу дьяволу, кото-

рый не держит слова. Я, конечно, умен и изобретателен, но мне приходится прилагать немало усилий, чтобы внезапные изменения в жизни человека выглядели совершенно естественно.

— Я никогда об этом не думал.

— Никто не думает. Перефразируя известное выражение, никто не отдает дьяволу должное. — Лю хотят, вероятно, посчитав, что изрек что-то остроумное. — Как вы сами понимаете, я пытаюсь сорвать всех, кто попадается у меня на пути, бедных и богатых, белых, черных, коричневых. А особое удовольствие получаю, когда удается соблазнить святого, хотя в нынешние времена их осталось очень мало. И вы, разумеется, не принадлежите к их числу. — Лю посмотрел на настенные электрические часы, на которых высвечивалось: "1:55". — Терпеть не могу эти электронные штуковины. Они практически правят миром, но никаким часам не дано править мною. — Он открыл рот и выпустил в часы струю огня, мгновенно выведя их из строя. — Вот так. А без них мы можем сказать, что уже час пятьдесят восемь. Готовы высказать второе желание?

— Я думал о нем всю неделю. Хочу серьезных отношений с очаровательной женщиной. Хочу, чтобы она любила меня. Я еще не могу жениться на ней, но хочу, чтобы мы жили, как муж и жена, в гармонии и мире...

— Давайте без лицемерия. Вам нужна женщина, с которой вы могли бы делить ложе, и я знал это еще до того, как появился здесь. Итак... блондинка или брюнетка?

— Рыженькая, — ответил Айра, лишь для того, чтобы не идти на поводу у дьявола.

— Как скажете. Увидимся через неделю. В этом месте, в это же время.

Тут зазвонил телефон, и Айра снял трубку. Ему сообщили, что пациент, которого он ждал в два часа, прийти не сможет. К тому времени, когда он опустил трубку на рычаг, Люцифер уже исчез.

А несколькими минутами позже позвонили в дверь. Айра пересек приемную, открыл ее. На пороге стояла женщина, невысокого роста, стройная, с синими глазами, в рыхких кудряшках. Она робко вскинула на него глаза.

— Доктор Фрост? — и замолчала. У нее перехватило дыхание, но во взгляде читалось обожание.

— Я доктор Фрост. Пожалуйста, заходите.

— Спасибо. Вы уж извините, что я пришла без предварительной записи. Если вы слишком заняты...

— Нет, нет... пожалуйста. Так уж получилось, что пациент не смог прийти.

— Как мне повезло! — воскликнула она.

— Повезло нам обоим, — галантно ответил Айра.

Через несколько минут он узнал, что ее зовут Сара Мауберри, ей тридцать один год, она разведена, никогда не влюблялась и не получала полового удовлетворения.

После того, как Айра завел на нее карточку и записал все необходимые данные, он предложил Саре лечь на кушетку и рассказать о себе. Она тут же повиновалась. Слова полились потоком, словно она хотела, чтобы Айра, и только Айра, узнал о ней все: ее детские проблемы, потом девичьи, потом неудовлетворенность в семейной жизни.

— Я хочу рассказать вам все. Все, — при этом она очень сексуально повела бедрами, и Айра в очередной раз сказал себе, что ее послала судьба.

Судьба? Скорее, дьявол. Тут он ее прервал.

— Сара, вы когда-нибудь встречались с Лю?

Она замялась с ответом.

— Лю? Каким Лю?

— Я не знаю его фамилии. Только имя. Не он ли посоветовал вам прийти сюда?

— Лю? Нет. Нет у меня знакомых с таким именем. О вас мне рассказали на какой-то вечеринке. Этот человек очень высоко отзывался о ваших профессиональных способностях. Фамилию я не помню. Начиналась она с А. Астор... Астория... что-то в этом роде.

— Асмодей?

— Возможно, но я не уверена. А что?

— Ко мне обращаются за помощью, но я не могу припомнить, чтобы кто-то просто пришел с улицы, позвонив в дверь, как вы.

— Я не просто пришла. Я почувствовала, что должна прийти. Словно...

— Словно вас притягивала невидимая сила?

Колокольчиком зазвенел ее серебристый смех, она кивнула.

Он поднялся из-за стола, подошел к кушетке, сел рядом с ней.

— Сара, я знаю людей, которые думают, что психиатры злоупотребляют доверием своих пациенток и занимаются с ними любовью. Но я не такой. Отнюдь. — Он смотрел в ее глаза и растворялся в них. — Я думаю, что влюблена в вас.

— А я уже влюблена, — ответила она.

В тот вечер они вместе побеждали, а ночь он провел в ее городской квартире.

Он начал приезжать к ней каждый вечер, а в субботу она посетила его дом в пригороде.

— Как мне тут нравится! — воскликнула она. — Я не хочу возвращаться в город. Хочу копаться в огороде, загорать, дышать свежим воздухом и каждый вечер ждать своего возвращения из города. Ты не будешь возражать?

— Возражать? Разве голодающий возражает против того, чтобы его накормили? Я беспокоюсь из-за тебя. Соседи знают, что жена только что бросила меня, и некоторые из них, я уверен, осудят твое решение жить со мной.

Ее смех низвел проблему до стоимости выеденного яйца.

— Это неважно. Я тебя люблю, и мне без разницы, оформлены наши отношения официально или нет. Главное, что ты любишь меня и хочешь, чтобы я была рядом.

— Навеки, — ответил он.

А она как-то странно посмотрела на него.

Он уже знал, каким будет его третье желание. Лю пообещал ему пятьдесят лет жизни после третьего желания, и Айра хотел, чтобы каждый день каждого года был таким же, как прошедшая неделя. Даже если бы он верил в нелепые фантазии Люцифера, даже если бы верил, что у него есть душа и ее можно продать, сделка того стоила.

"Пятьдесят лет", — подумал Айра и улыбнулся.

Во вторник за завтраком он нежно посмотрел на Сару.

— Ты знаешь, что с нашей первой встречи прошла ровно неделя?

— Сто шестьдесят два часа, — ответила она. — Мне трудно в это поверить, Айра!

— Я отменил дневной прием пациентов. Подумал, что мы должны куда-нибудь пойти и отметить это событие.

— Айра, какая блестящая идея! Утром я покопаюсь в огороде, а потом поеду в город и встречусь с тобой в твоем кабинете. В какое время?

— В начале третьего, — ответил он. — Не раньше. До двух у меня будет очень необычный пациент, который не любит, чтобы его видели другие. Ты же знаешь, какие странные бывают люди.

Лю появился, когда Айра вернулся в кабинет после ланча. На этот раз он прошел сквозь стену. Айра решил, что Лю сделал это специально, чтобы продемонстрировать свои возможности.

— Двери, стены, окна, мне без разницы, — прокомментировал Лю. — Разве что не люблю высоту. Некоторые люди, с которыми мне приходилось встречаться, жили на сороковом этаже и выше. Упасть я, в общем-то, не боюсь, уже приходилось падать с куда большей высоты, чем сороковой этаж, но все равно на высоте мне как-то не по себе.

— Акрофобия, — кивнул Айра. — Я тоже ею страдаю, в этом нет ничего особенного. Только я, если упаду, разобьюсь насмерть, тогда как вы не получите и синяка.

— Мне бы вашу уверенность. — Лю глянул на остатки настенных часов. — Хотел спросить... я не вырубил электричества во всем здании?

— Ничего об этом не слышал.

— Это хорошо. Не люблю причинять мелких неудобств. Для этого есть эльфы и гномы. Поскольку несколько минут у нас есть, расскажите, как идут дела.

— Чудесно. Сара — прелесть, трудно поверить, что она так хороша.

— Вы уж поверьте. Сомневаться незачем. Она — человек.

— Я это уже выяснил, — ответил Айра. — Но, Лю, все, что случилось, объясняется безо всякой вашего участия. Марго покинула меня, потому что ушла к кому-то еще. Сара пришла, потому что нуждалась в помощи.

— Я уже говорил вам, что стараюсь обходиться без чудес. Вы живете в веке науки и техники, вот я и стремлюсь соответствовать веяниям времени. А теперь... ваше третье желание.

— Наверное, оно очевидно. Мне нужны деньги. Много денег. Я не жаден и думаю, что ста тысяч в год вполне хватит. С учетом пяти процентов, которые банки выплачивают по вкладам, получается два миллиона, не больше и не меньше и, естественно, свободных от налогообложения.

— Вы их получите, — вздохнул Лю. — Но мне нужна ваша помощь. Вы, к примеру, инвестировали в золоторудную шахту, чтобы вскоре узнать, что запасы золота иссякли? Или покупали государственные облигации какой-нибудь латиноамериканской страны, которые стоили несколько центов? Иной раз они вдруг взлетают в цене, а налоги платятся только с вложенного капитала.

— Спекулятивные инвестиции — не мой профиль, — ответил Айра. — Я — консерватор.

— Мне следовало это знать, более того, я читал об этом в вашем досье несколько недель тому назад, но упустил из виду. В конце концов, если твой возраст исчисляется тысячами лет, память иной раз может и подвести.

— Трудно поверить, что вам несколько тысяч лет, — улыбнулся Айра. — Вы на них не выглядите.

— Разумеется, нет. Я веду здоровый образ жизни и не усердствую в еде. Не позволяю себе ни "телеуников", ни французской кухни. Даже в прошлом никогда не ходил на римские банкеты. Предпочитаю простую еду, но самого высокого качества.

— Вы едите?

— Не для насыщения — для удовольствия. Скажите, вы когда-нибудь пробовали сморчки?

— Сморчки? Что это?

— Неважно. Я вас с кем-то перепутал. К сожалению, мне пора.

— Уйдете обычным путем?

Лю кивнул и попятился к стене.

— Приятно было с вами познакомиться, и должен сказать, общение с вами доставило мне немало приятных минут. Вами так легко манипулировать.

— Мною? — Но вопрос Айра задавал уже стене.

И продолжал смотреть в стену, когда зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Слушаю.

— Айра, это я, — раздался голос Сары. — Я еще дома, и у меня буквально раскалывается голова. Наверное, мигрень. Такое со мной случается. Мне очень жаль, я хотела, чтобы мы провели вместе вторую половину дня.

— Я тоже. Могу чем-нибудь помочь?

— Нет, ничего. Мигрень я лечу только одним способом: ложусь в кровать и жду, когда она пройдет. Пожалуйста, извини меня.

— Скорее поправляйся. Это все, что мне нужно.

Айра решил, что использует высвободившееся время, чтобы привести в порядок документацию, которую запустил за последние две недели. Но первым делом прошел к двери, чтобы взять дневную почту.

Длинный конверт с обратным адресом "Эванс, Бромфилд и Эванс, адвокаты" сразу привлек внимание, и Айра вскрыл его первым. Из письма следовало, что миссис Брэндон, его бывшая пациентка, умерла и оставила ему все свое состояние. Согласно письму, на сумму в два миллиона долларов.

Айра с трудом сдерживал нарастающее волнение. Три желания, и теперь у него было все, о чем мог мечтать мужчина: женщина, которая любила его, куча денег, никаких иждивенцев и пятьдесят лет жизни. В голове роились новые идеи, проекты. Он наконец-то понял, что не так с его книгой и какие надо внести изменения, чтобы издатели выстроились за ней в очередь.

Конечно же, она станет бестселлером, а его ждала слава, как литературная, так и профессиональная. События последних недель станут отличной темой для статей в журналах по психиатрии. Он даже начал набрасывать план одной из них.

Наконец встал из-за стола, испытывая необычайный творческий подъем. Понял, что должен быть рядом с Сарой, передать ей часть переполняющей его энергии. Мигрень? Может, он сможет выяснить, в чем причина, и предложит эффективное лечение.

Домой Айра вернулся около пяти вечера, открыл дверь, переступил порог.

— Сара? — позвал он.

— Ее здесь нет, доктор, — ответил мужской голос.

В сумраке холла он увидел двух мужчин в полицейской форме.

— Что случилось? — озабоченно спросил он. — Что-то не так?

— Не пройдете ли вы с нами в сад? — ответил один из копов.

Айра шагнул к ним. В горле вдруг пересохло, губы напоминали пожарную бумагу.

— Я не понимаю. Чего вы хотите?

— Сейчас увидите. — Они взяли его под руки и вывели в сад. И там, у стены, Айра увидел частично выкопанное тело Марго.

По его телу пробежала дрожь.

— Я не имею к этому никакого отношения! — воскликнул он. — Я не знаю, кто ее убил! Она уехала и оставила записку. Я могу показать ее вам, она наверху.

— Она уже у нас, — сухо ответил коп. — С подделанной подписью.

Айра ахнул, а из-за спины до него вдруг донеслись раскаты сатанинского хохота. Тут он впервые вскинул глаза на лицо копа, который арестовывал его.

И увидел перед собой Лю.

Перевод с английского **Виктора ВЕБЕРА.**

О странностях родительской любви

Дочь позвонила Валерию Геннадьевичу неожиданно. Он, в общем-то, и не помнил о ее существовании, поскольку не виделось они лет пятнадцать. Даже голос по телефону не узнал и долго силился понять, что за Наташа на проводе, и чего она от него хочет. А когда понял, удивился. Взрослая дочь просила о встрече, чтобы отдать ему... свое завещание.

У Наташи и Александра был красивый роман. Они познакомились весной, на ВДНХ, и в первый же день до одурибрали по Москве и разговаривали, разговаривали обо всем на свете. Бывает ведь так, что два совершенно разных человека оказываются родственными душами, созданными специально друг для друга, пусть даже принадлежат к разным поколениям. Им нравилась одна и та же музыка, одни и те же книги, даже любимые тропки в джунглях большого города оказались у них одинаковыми. Ну и что, что взрослый и давно разведенный Александр почти годился девушке в отцы? Любви все возрасты покорны...

Уже к концу лета они всерьез говорили о свадьбе и даже назначили дату — 25 сентября. Единственное, что немного омрачало их радость, было отношение Наташиной матери к предстоящему событию: женщина почему-то резко невзлюбила будущего зятя и даже отказалась с ним разговаривать. Причина этой неприязни, возможно, крылась в возрасте жениха: все-таки 40 лет против 22 — это многовато. Вдобавок, позади у него неудачная семейная жизнь, двое детей-подростков, бывшая жена и огромная толпа бывших родственников. Но что могло остановить влюбленную девушку? Ни уговоры матери, ни даже слезы не помогли, Наташа и Александр подали заявление и принялись вить семейное гнездышко.

Кстати, с гнездышком тоже была загвоздка. После развода Саша ютился в

маленькой комнатке коммунальной квартиры с видом на вокзал, и его существование никак нельзя было назвать мирным и спокойным: две соседские семьи, причем одна из них — хронические алкоголики. Наташа заранее смирилась с неудобствами, но мать встала на дыбы и, скрепя сердце, выдала молодоженам заначку, которой как раз хватило на обмен с доплатой. Вместо комнатки получилась крошечная двухкомнатная квартирка в Подмосковье, сорок минут электричкой с того самого вокзала. Большее мать не потянула, она и так после развода с отцом Наташи жила не слишком широкарно.

Позже Наташа пыталась вспомнить, чья именно идея была купить квартиру до, а не после свадьбы. Кажется, это предложил Саша. А может, и само собой как-то все получилось. Тогда все это казалось неважным, главное — прямо из зауса приехать не в мерзкую коммуналку, а в собственный дом, заботливо отремонтированный и обставленный. Так и вышло. И начался медовый месяц.

О том, что у Александра двое детей, Наташа, конечно, знала. Изредка он встречался с ними, водил в кино, гулял в парке, но молодую жену все это почти не касалось. Она купалась в своем счастье, с удовольствием обустраивала квартиру, готовила мужу обеды и хвасталась подружкам, что супруг у нее "просто золото". В телефонных разговорах с мамой она повторяла то же са-

мое: Саша — замечательный, ласковый, заботливый, с ним очень хорошо, просто каменная стена, а не муж. Мама оптимизма не разделяла: "Ты сколько с ним живешь? Месяц? Вот если ты через год скажешь, что он замечательный, тогда поверю". Впрочем, у мамы было полно своих забот, она няничила внука — сына старшего брата Наташи, да еще и готовила и стирала на молодую семью, живущую у нее под крыльшком, поскольку брату с жильем повезло меньше, и он привел жену домой.

Наступила зима, и на безоблачном небе супружеской жизни, как говорится, возникло первое облачко: Саша объявил, что гулять в парке целый день теперь холодно, так что дети будут проводить один выходной в неделю у них дома. Наташа стало немного не по себе, детей мужа она раньше не видела и не знала, как себя с ними вести. Всегда-то не малыши, сыну тринадцать, дочери одиннадцать лет. Как они отнесутся к ней, мачехе?..

— Не волнуйся! — засмеялся Александр. — Они у меня прекрасные ребята!

Первая встреча прошла натянуто. Подростки вошли, хмуро огляделись и, не здороваясь, прошагали за отцом на кухню. Наташа, которая все утро готовила и наводила порядок, попыталась их разговорить, но добилась нескольких слов лишь от девочки, которая заметила: "Ничего квартирка". Тон у нее был неодобрительный.

Лишь через час ледок, казалось, немного подтаял. Правда, разговаривали дети только с Александром, а тот — только с ними, но это все-таки было лучше отчужденного молчания. Если Наташа пыталась вставить слово или о чем-то спросить, ее вежливо игнорировали. От угощения не отказывались, но всем видом, казалось, давали понять, что делают ей одолжение. Все три часа Наташа была вынуждена сидеть, как чужая, на собственной кухне и слушать, какой фильм посмотрел на прошлой неделе сын мужа и на какие курсы за-

писали его сестренку. Потом пошли воспоминания: "А помнишь, как мы ездили на Селигер? Мама тогда еще с лодки упала..." А помнишь, как собирали малину?..." и так далее. Слово "мама" звучало каждые пять минут, и в конце концов Наташе это надоело.

— Пойду в комнату, почитаю.

— Да, конечно, — муж едва проводил ее взглядом.

Сказать, что Наташе было неприятно, значит, ничего не сказать. Ее просто душили обида и ревность, которые беззвучно выплескивались в подушку вместе со слезами. Такого отношения от своего любимого ласкового Саши она не ожидала. Да и от его детей тоже: все-таки ее вины в распаде Сашиной семьи не было, отчего же такая неприязнь?..

Дети просидели почти до темноты, посмотрели телевизор, послушали музыку, и Александр собрался их провожать. К жене он заглянул уже одетый:

— Я их отвезу домой и вернусь.

Ответа ждать он не стал. Просто щелкнул замок входной двери, и все. Гости даже не попрощались.

Каждое воскресенье теперь повторялось то же самое. С утра муж одевался и ехал за детьми. Потом следовал почти ритуальный обед с обменом впечатлениями (в котором Наташа отводилась роль официантки), после обеда часа два или три Александр и его отпрыски общались, смотрели видео, выходили погулять, пили чай, а вечером щелкал замок — и мучение кончалось до следующих выходных. Наташу с видным упорством не замечали, она в такие дни была как бы необходимым злом в собственной квартире.

Однажды она не выдержала:

— Саша, сколько это будет продолжаться?

— Что — это? — искренне удивился муж. — Если ты о детях, то, извини, ты же знала, на что шла. Они тебе мешают? Можешь съездить к маме, к подружке. Не морозить же мне их на улице!

Наташа попыталась робко протестовать, но Александр неожиданно одернул ее:

— Это твои капризы и глупая ревность. Я встречаюсь с ними и буду встречаться дальше, нравится тебе или нет.

Мать, услышав жалобы дочери, мудро усмехнулась:

— А как ты хотела? Я же предупреждала тебя. Что теперь делать? Я в ваши дела не полезу. Попробуй с ним поговорить.

— Да я пробовала! — Наташа почти плакала. — Он вообще не понимает, что я хочу!

Александр действительно не понимал. Все Наташины аргументы "так нельзя", "я как чужая здесь", "подумай о моих чувствах" разбивались о его непреклонное: "Ты просто пытаешься разлучить меня с детьми!"

В очередное воскресенье она не выдержала и уехала к подруге, чтобы не видеть детей мужа и хоть немного поплакаться в жилетку. Подруга сразу махнула рукой: "Дохлый номер! Не можешь терпеть — разводись!" "А куда я пойду?" — удивилась Наташа. — У мамы не проткнуться, там брат с женой и ребенком. А наша квартира записана на Сашу..." Подруга смерила ее долгим взглядом: "Ну и дура ты..."

Вернувшись домой, Наташа была крайне удивлена тем, что кто-то, оказывается, рылся в ее вещах. Содержимое тумбочки и туалетного столика оказалось перевернутым, а записная книжка, где она вела дневник, была торопливо всунута в ящик.

— Саша, ты что-то искал? — еще сдерживаясь, поинтересовалась девушка.

— Нет, дочка попросила лейкопластырь. — Александр, довольный прошедшим днем, благодушно улыбался.

— Пластырь лежит в аптечке. А не в моей записной книжке. — В голосе Наташи зазвенели слезы.

Муж немедленно завелся: "У тебя что-то пропало? В чем ты обвиняешь мо-

их детей?!" Слово за слово — начался скандал, и, хотя Наташа знала, что не выйдет из него победителем, она впервые выплеснула всю накопившуюся обиду. Наверное, наговорила лишнего — она не помнила. Кончилось все ее истерикой и словами мужа, сказанными ледяным тоном: "Знаешь, все это не улучшит наших отношений".

С этого дня что-то нарушилось между ними. Что-то совсем неувязчивое, но важное, делающее двоих семьей — может быть, то доверие, которому лишь предстояло развиться. Наташа чувствовала, что ее предали, хотя и не понимала, в чем именно. У нее не было опыта жизни с мужчиной, ей казалось, что брак — это союз двоих, которые должны стоять друг за друга горой, защищать от окружающего мира, а не отраживаться холодными фразами о долге, нравственности и морали.

Лекарь о долгне — прежде всего родительском — она выслушала немало. Детям нужен отец, и тот, кто мешает этому — бездушный эгоист и потребитель.

Жаловаться матери она больше не пыталась.

Характерная страничка из дневника Наташи: "15 февраля. Вчера Оксана (дочь Александра — прим. автора.) сказала Саше, что ее мама собирается в Швецию на какой-то симпозиум. Надеюсь, что она поштутила! Бабушек у них нет, если она уедет, Саша заберет их обоих к себе! На сколько — не знаю, но сказано все было таким тоном, что я поняла: надолго. Вот это номер! Причем со мной никто даже не посоветовался, мое мнение теперь просто не важно.

Слышала через дверь, как сынок говорит Саше: "Эта твоя опять суп переперчила, аж язык щиплет!", а Саша ему ответил: "Она всегда так готовит". И имени у меня нет! Можете поздравить! И потом, что за манера вести себя как дома, трогать мои вещи, лазить в мои записи, брать мои диски! Я здесь никто! Прислуга!"

Вот еще одна запись: "22 февраля. Их мать точно уезжает. Я вынуждена подслушивать, поскольку мне ничего не говорят. Вопрос, как я поняла, уже решен. Что мне делать? Я не выдержу этого!"

Александр объявил о своем решении буднично, за ужином:

— Наташа, дети поживут у нас.

— Сколько? — она старалась говорить спокойно.

— Не знаю. Пока жена будет на стажировке.

— Ты хотел сказать — бывшая жена? — Наташа подняла глаза на мужа.

— Не придирайся к словам! Пока она будет в отъезде, дети останутся у нас. Может быть, до лета.

— У нас нет места. — Она все еще надеялась как-то решить вопрос.

— Ничего, потеснимся. Отдадим им маленькую комнату, а сами будем спать в большой.

Наташа долго молчала, потом решилась:

— Нет, Саша. Я все обдумала. Извини, я — против.

Муж швырнул вилку:

— Как хочешь. Можешь быть против. Здесь они точно так же дома, как и у своей матери, и имеют право тут находиться столько, сколько потребуется. Тебя не заставляют с ними общаться. Можешь, как всегда, закрываться в комнате.

— Между прочим, это и мой дом. Не забывай, что только благодаря моей матери ты живешь не в коммуналке, а...

Она еще не успела закончить фразу, как поняла, что говорить этого не стоило. Лицо Александра стало непроницаемым:

— Хорошо. Раз у нас дошло до препроводов, выясним все сразу. По документам эта квартира принадлежит мне. Если тебя не устраивает совместная жизнь, можешь уходить. Деньги, которые вложила твоя мать, я постепенно верну. Учи: давить на меня я не советую. Расписок в получении этих денег я

не давал и возвращать их, между прочим, не обязан.

Раньше Наташа и предположить не могла, каким гадким и холодным может быть отчаяние. У нее не осталось закутка, чтобы спрятать дневник, не было отдушин, не было близкого человека — только страх потерять и то немногое, что у нее еще не отобрали. Она ходила на цыпочках. Если при Александре дети еще старались казаться вежливыми, то в его отсутствие молодой мачехе могли швырнуть грязные трусы — "постирай!", вытереть руки о заботливо сшитые занавески, выругаться матом, ответить по телефону ее матери: "А Наташа тут больше не живет!", завести музыку погромче и подольше, чтобы заболела голова, издевательски процитировать строчки из ее записной книжки, беспардонно войти в ее спальню и залезть в шкаф, взять ее вещи, деньги из кошелька, сотовый телефон. Все попытки протестовать обрывались хохотом: "Ну и проваливай, ты здесь никто!"

Александру все преподносилось иначе: "Папа, она сказала, что мы не имеем права есть вашу еду, что мы тут чужие", "Папа, она меня ударила!" (при этом предъявлялся неизвестно откуда взявшись синяк), "Папа, мы вышли погулять, а она нам дверь не открывала" и так далее. Наташа плакала, пытаясь что-то объяснить, но натыкалась на открытые угрозы мужа: "Ты пользуешься тем, что они маленькие и не могут сдаться! Так я могу, не сомневайся!"

Скажете, чушь, быть такого не могло?..

А что делать с заявлением сына Александра в местное отделение милиции о том, что мачеха приставала к нему, когда он мылся в душе? Это уже серьезно, и Наташе просто повезло, что участковый оказался нормальным человеком и порвал бумажку на глазах у заявителя, посоветовав ему умерить свою фантазию. А неизвестно чей использованный презерватив под кров-

тью в сочетании с рассказом Оксаны о том, что к Наташе якобы приезжал "какой-то парень"? А мордобой, который чуть было за этим не последовал?..

Она бы ушла, но некуда было уйти. Вот и цеплялась, как за последнюю ниточку, за штамп о регистрации по месту жительства. Ждала конца кошмара, уже не надеясь когда-нибудь уладить отношения с мужем. Сознание ее будто сузилось, и единственное, что волновало теперь Наташу — успеть проскочить из прихожей в свою комнату и запереться там до прихода Александра. Она не могла приготовить себе поесть, выйти в туалет, подойти к телефону. Ее положение стало в прямом смысле осадным. И самое ужасное — она понимала, что делается все это с молчаливого согласия самого близкого человека — мужа. Он все знает и понимает, и молить его о помощи бесполезно.

Валерий Геннадьевич встретился с дочерью в метро, в обеденный перерыв, по секрету от супруги, которую он не хотел волновать. Семья у него была хорошей, там росла Леночка — сводная сестричка Наташи. Такие вот "свидания с прошлым" могли нарушить спокойную семейную атмосферу.

Дочь выглядела ужасно, ей нельзя было дать 23 года, скорее, все тридцать. Измученное лицо, тихий голос и страшные слова: "Папа, извини, мне не к кому обратиться. К маме я боюсь, я ей вообще ничего не говорю... В общем, если со мной что-нибудь случится, отнеси это в милицию, хорошо? Я больше никогда не буду тебя беспокоить". Она протянула какой-то сверток, торопливо чмокнула отца в щеку и убежала.

В свертке оказались дневник, диктофонная кассета и заявление, начинаяющееся словами: "В моей смерти прошу винить..." То, что было на кассете, заставило мужчину действовать,бросив все дела.

"Ты, сука, проститутка... (далее нецензурно), ты сдохнешь, мы тебе обе-

щаем, скоро сдохнешь, мы тебя так отдаем, мать родная не узнает, тут ничего твоего нет, уматывай отсюда, дура чертова..." — судя по всему, этот тихий угрожающий монолог Наташа записала через дверь. Голос принадлежал сыну Александра, и даже такого человека, как Валерий Геннадьевич, передернуло от самой интонации — глумливой, исполненной садистского удовольствия и сознания собственной безнаказанности.

Милиция? А что милиция? Дети-то несовершеннолетние, и статья "Доведение до самоубийства" к ним неприменима. Поэтому отец Наташи решил разобраться сам. Прежде всего он подъехал по указанному в заявлении адресу и застал сидящую в подъезде Наташу и двух подростков, которые забаррикадировали в ожидании мачехи дверь. О чем он говорил с ними, остается тайной. Факт тот, что ровно через двадцать минут дети Александра собирали вещи и уехали домой, где, как выяснилось, оставалась на хозяйстве их тетка. После этого Валерий Геннадьевич дождался Александра и о чем-то долго разговаривал с ним на кухне. Выйдя оттуда, он отвез дочь к ее матери и сказал, что в течение двух недель состоится развод и размен квартиры. Больше он ничего не добавил, просто ушел и снова исчез из Наташиной жизни.

Развод был заочным, Наташа лежала в клинике неврозов. Разменом занималась мама, вещи перевозил брат. Бывшего мужа она так и не увидела, а потому не смогла спросить у него, за что же все это было — неужто за квадратные метры, на которых молодая жена стала лишней? И что вырастет из маленьких человечков, уже познавших спадость унижения слабого и необходимость подчинения лишь грубой силе? Кто будет у них следующей игрушкой?

И еще она не смогла спросить его о любви. Нет, не мужской, а отцовской, с такими разными проявлениями которой ей пришлось столкнуться. Странная это все-таки штука... ■

Непре

A black and white close-up photograph of actress Angelina Jolie. She is wearing a dark military-style cap with a prominent winged emblem on the front. Over her eyes are dark, aviator-style goggles. Her gaze is directed towards the camera with a neutral, intense expression. The lighting is dramatic, casting shadows on one side of her face.

Анджелина Джоли неоднократно входила в число самых красивых и самых сексуальных актрис Голливуда. Покрытая с ног до головы татуировками, отпетая байкерша, голубоглазая красавица, она еще совсем недавно считалась символом поколения "Без тормозов", презирающая запреты и ограничения. Джоли еще в детстве "экспериментировала" с наркотиками и алкоголем. С семи лет снималась в кино. Она работала моделью, получила престижные награды "Золотой Глобус" и "Оскар". У нее есть все, но главным человеком в своей жизни она считает своего трехлетнего сына, усыновленного камбоджийского мальчика Мэддокса, а главным делом — помочь голодающим детям и беженцам в разных концах света, куда она ездит как посол Доброй воли от Организации Объединенных Наций.

дсказуемая проказница

Неуправляемая Энджи

"Молюсь за диких сердцем, заключенных в клетке", — гласит татуировка на левой руке Джоли. "Клетка" — это семья, школа и государство.

С детства она стремилась вырваться из этой клетки. Буйный нрав Энджи, родившейся 4 июня 1975 года, в полной мере испытали ее родители — отец, знаменитый актер Джон Войт, и мама, актриса Маршлин Бертран, наполовину француженка, наполовину родом из индейского племени ирокезов.

Джон Войт прославился исполнением ролей в фильмах "Полуночный ковбой", "Чемпион", "Стол для пятидесяти"... Он ушел из семьи через год после рождения Анджелины. Она позже так прокомментировала его уход: "Мой отец — великолепный пример человека, не созданного для семейной жизни. У него была замечательная семья, но что-то в этом его пугало".

Родители души не чаяли в Анджелине, а она, чувствуя это, научилась вертеть ими, как хотела. Неуправляемой дочке придумали кличку — "Стихийное бедствие". Вместо игры с куклами она красила волосы в фиолетовый цвет и отплясывала неприличный танец "пого" в панк-клубах. Увлекалась Энджи и наркотиками — героином, кокаином и ЛСД.

"В смерти есть что-то успокаивающее, — рассуждала юная красотка. — Мысль о том, что завтра ты можешь умереть, позволяет тебе не оценивать сегодняшний день". Поэтому Энджи мечтала стать директором похоронного бюро.

Училась она плохо, зато поразила всех преподавателей заявлением, что забальзамировала труп учительницы математики. Срочно вызванный в школу отец предъявил изумленным учителям школьный альбом Энджи с рисунками гробов и мортгов.

Наследственные увлечения

Анджелина выросла в Голливуде и, как многие дети актеров, с детства снималась в кино. Дебютировала она в семилетнем возрасте в фильме Хэла Эшби "В поисках выхода". Отец был соавтором сценария и сопродюсером картины.

Джон Войт часто ловил себя на том, что "думает, как Станиславский". Мне казалось, что я понял его лучше других", — утверждал он. 12-летняя Энджи пошла по его стопам, записавшись на курсы последователя Станиславского — Ли Страсберга и посещая их вместе со взрослыми. Родители дали ей второе имя — Джоли, и она сделала это имя своей фамилией.

В 14 лет Анджелина подросла до 171 см, и это позволило ей работать моделью на подиумах Лондона, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Одновременно она снималась в видеоклипах у огромного негра Митлоуфа, у рокеров группы "Роллинг Стоунз" и у Ленни Кравица. В футуристическом боевике "Киборг-2" Джоли сыграла красотку-киборга, но фильм провалился в прокате.

В это же время она снялась в пяти студенческих фильмах для Ucsa School of cinema, директором которых был ее любимый брат Джеймс.

Первые главные роли

В большом кино Джоли дебютировала в фильме "Хакеры". Потом последовали роли предводительницы девичьей банды в драме "Фосфоресцирующий свет" и современной Джульетты в комедии "Любовь — это все". Успех к Джоли пришел после участия в картине "Угнать за 60 секунд" с Николасом Кейджем и в фильме "Власть страха" с Денизелом Вашингтоном, на съемках которого она подралась со сценаристом.

Потом играла подругу гангстера в боевике "Изображая бога" и жену парализованного губернатора в биографической драме "Джордж Уоллес". Особенно понравилась Анджелине ее роль наркоманки-манекенщицы Джии Каранджи в драме "Джии".

За исполнение ролей в фильмах "Джордж Уоллес" и "Джии" актриса получила "Золотые глобусы", причем после получения последнего приза сиянула в бассейн прямо в вечернем платье. В число лучших голливудских актрис Джоли вошла, получив в 2000 году премию "Оскар" за исполнение роли второго плана в картине "Девушка, которую прервали". Она сыграла в ней пациентку психиатра. Получая статуэтку, счастливая Анджелина воскликнула, обращаясь к Джону Войту: "Папа, ты — великий актер и еще более потрясающий отец!" Так же горячо она благодарила за сотрудничество своего брата Джеймса.

Два мужа Джоли

После съемок фильма "Хакеры" Джоли вышла замуж за своего партнера по картине Джонни Ли Миллера. "Отношения на съемочной площадке у нас были слишком тесные, — вспоминает она, — поэтому трудно было сохранить дистанцию".

В честь Миллера Энджи сделала татуировку — китайский символ храбрости. На свадьбу она явилась в черных кожаных штанах и в белой футболке, на которой собственной кровью написала имя любимого. Но ее крови оказалось недостаточно, чтобы привязать к себе Джонни. К тому же, овладев по ходу фильма компьютером, Миллер целыми сутками занимался компьютерной игрой "Расхитительница гробниц" и ее героиней Ларой Крофт, что плохо сказывалось на супружеских отношениях. В свою очередь, Миллер был недоволен тем, что Анджелина брала с собой в кровать ножи и подолгу висела на телефоне. К

тому же Миллер — англичанин. Он не собирался расставаться с туманным Альбионом и продолжал сниматься в британских картинах. Их брак продолжался с марта 1996 года по февраль 1999.

Вторая свадьба Джоли проходила в Лас-Вегасе в обстановке строгой сек-

ретности. Ее избранник — актер Билли Боб Торnton почти в два раза старше ее (Анджелине было тогда 24 года, а ему — 44). Для Билли Боба это был пятый брак. Свадьбу сыграли за 20 минут, уплатив пару сотен долларов. Вместо обмена кольцами новобрачные надрезали пальцы и смешали кровь. На це-

ремонию бракосочетания они пришли в джинсах.

В честь второго мужа Джоли сделала татуировку на левой руке — "Билли Боб" и носила цепочку с сосудом, содержащим кровь Торнтона. Супруги мечтали о детях и долгой счастливой жизни, но, как и первый брак, второй продолжался три года.

К разрыву привели два обстоятельства: усыновление Анджелиной Мэддокса и измены Билли Боба. Он заявил, что ему "начхать на этого выетнамца". Анджелине, естественно, это не понравилось. Не понравилось ей и то, что их служанка оказалась беременной от Билли Боба, а когда Анджелина отправила его лечиться к сексопатологу, то он переспал и с дамой-сексопатологом.

"Я многому научилась у бывших мужей, — призналась незлобивая Энджи, — у нас сохранились прекрасные отношения, но я, как оказалось, выходила замуж за друзей, и у нас были разные цели".

Джоли пришла к выводу, что союз двух актеров невозможен. "Я могу спать в пустыне и питаться насекомыми, — заявила она, — а Билли Боба такой образ жизни не устраивает, не потому, что я лучше, а потому, что мы — разные". Когда после развода Джоли случайно встретилась с Торнтоном, то они, как ни в чем не бывало, пошли в ресторан. "Мы долго говорили по душам, — сказала она, — а потом разрыдались". После разводов Анджелина вытравливала татуировки, сделанные в честь мужей.

"Лара Крофт: расхитительница гробниц"

Ключевой фильм в кинокарьере Джоли — картина "Лара Крофт: расхитительница гробниц". Одноименная компьютерная игра появилась в 1996 году и сразу же стала очень популярной, а ее героиню впервые признали секс-символом. Лара, согласно игре,

дочь лорда Хеншингли Крофта должна спасти мир от таинственной организации Иллюминатов, стремящихся к господству над человечеством.

В бытность свою Миллер часами просиживал перед монитором компьютера, совершая подвиги вместе с Ларой Крофт. Анджелина возненавидела компьютерную соперницу, но оказывается, она ее плохо знала. "Моя героиня, — заявила актриса, — леди Крофт, а мне всегда хотелось на время побывать аристократкой. У ее страсть к приключениям. Она так же, как и я, чувственная и сексуальная".

В 1999 году режиссер Саймон Уэст получил полную свободу действий для постановки фильма. На пробах соперницами Джоли были Элизабет Херли, Кэтрин Зета-Джонс, Дениз Ричардс и другие звезды, но Уэст выбрал ее. Неделя съемок проходила в Камбодже, а Исландия заменила Сибирь. В Камбодже во время съемок повстанцы штурмовали столицу страны — Пномпень, но Джоли не потеряла самообладания и в такой обстановке.

Анджелине пришлось освоить лондонское произношение. Знаменитый каскадер Саймон Крейн два месяца занимался с ней боевой подготовкой. Он учил актрису умению обращаться с оружием, стрельбе по мишениям и рукопашному бою. Специально для съемок фильма компания "Астон Мартин" создала машину, развивающую скорость 300 км/час стоимостью 300 тысяч долларов. Джоли научилась водить эту машину и джип.

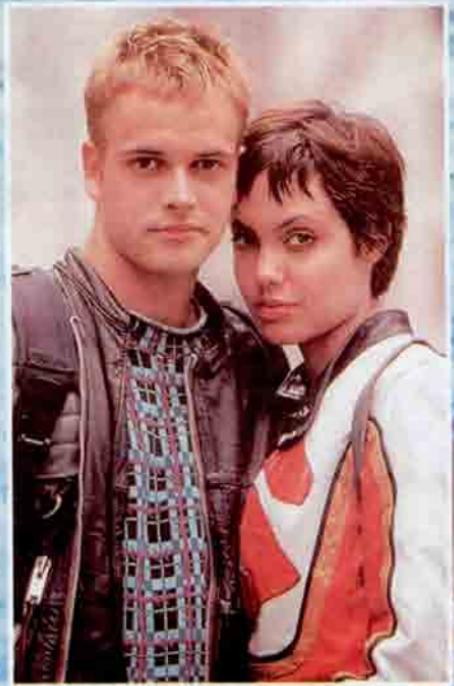
Большинство опасных трюков выполняла сама актриса. Однажды она поскользнулась и повисла на стене высотой в 20 метров. Этую сцену включили в фильм. После съемок Джоли стала символом фирмы "Пепси", а фильм за первый уикенд собрал 40 миллионов долларов. "Я считаю, — сказала Анджелина, — что Лара — это Индиана Джонс в юбке с легкой примесью Джеймса Бонда".

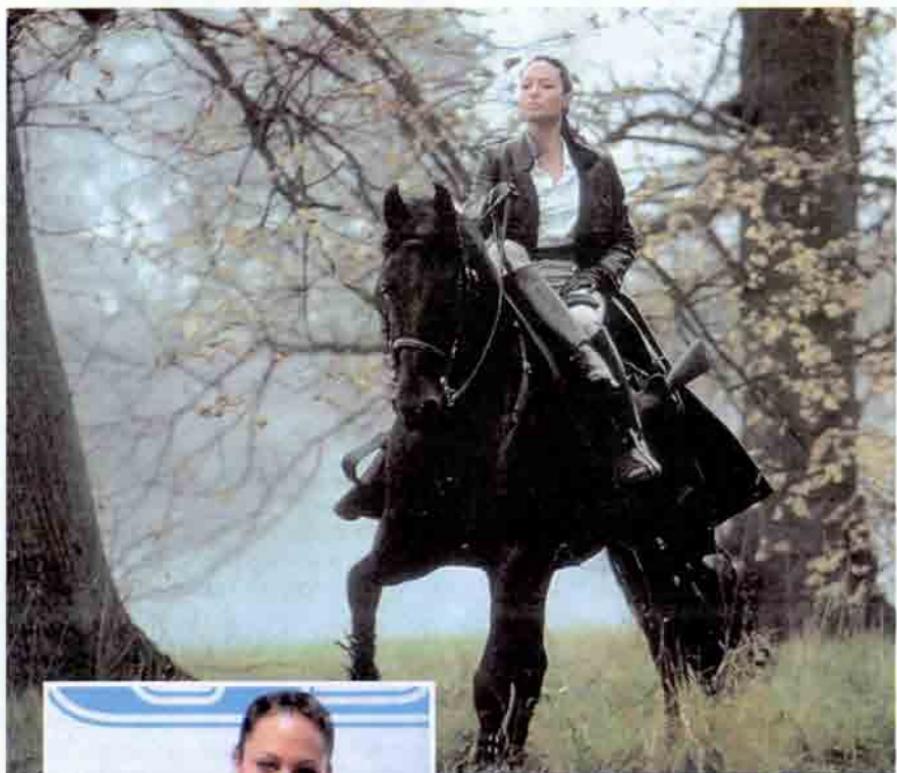
Самая татуированная звезда

По количеству татуировок Джоли обошла Дрю Бэрримор и других голливудских актрис. "В моих татуировках, — считает она, — отражены лучшие моменты моей жизни".

Кроме вытатуированной на левой руке фразы Тенниесси Уильямса: "Молюсь за диких сердцем, заключенных в клетке", на спине Анджелины два черных остроконечных символа свободы американских индейцев, на левом плече — средство от неудач — пять вертикальных рядов кхмерских надписей, на левом предплечье — черный дракон, на животе — латинское высказывание: "Что меня питает, то меня и убивает", на спине внизу — знак окончательной победы — "голубой ромб", на предплечье — дракон и голубое окно, означающее путешествие, на плече — тигр, нанесенный на месте удаленного японского символа смерти.

"Однажды в Амстердаме, — вспоминает актриса, — я увидела на своем правом бедре дракона с синим языком. Тогда я закрыла дракона черным крестом". "Крестившись" таким образом, в 1995 году она снялась в кибер-триллере "Хакеры", сыграв вредную девицу Кейт Либби по кличке "Кислотный ожог".

На левом запястье Анджелины вытатуирована буква "Н" (X) в честь одного из ее любовников — актера Тимоти Хаттона, но сейчас она уверяет, что это — в честь ее брата Джеймса Хейвена.

Экстремальные увлечения

Джоли обожает экстремальные ситуации. Во время съемок фильма "Лара Крофт" ее тело было покрыто ужасными синяками, царапинами от горя-

ких пиротехнических осколков. Из-за травмы колена она два дня не снималась, потом порвала связки на ноге и повредила лодыжку. После окончания съемок актриса прихватила с собой оружие: пистолеты и ножи. Кинжалы Джоли коллекционирует с юности. Все эти увлечения привели к тому, что на ее теле остались шрамы: на руках, на животе — следы от игры с ножом в постели.

«Я предложил Анджелине, — рассказывал режиссер Саймон Уэст, — самой прыгнуть в воду с высокой стены. И она это сделала не хуже профессиональной каскадерши». «Я люблю риск, — заявила актриса, — экстремальные виды спорта, но я всегда знаю, с чем мне придется столкнуться».

Во время съемок фильма «Александр» Джоли пришлось проводить много времени со змеями. «Змеи были вокруг меня повсюду. В одной из первых сцен фильма я разговариваю с шестилетним Александром, а вокруг моей шеи извивается змея. У меня была любимая белая змея». На немецком телешоу «Спорим, что?..» Анджелина водрузила на свои хрупкие плечи огромную змею. То же самое сделали и с актером Колином Фарреллом, исполнившим роль Александра Македонского.

«Змеи, — считает актриса, — замечательные создания и очень умные. Перед съемками их кормили, чтобы у них не возникло желания полакомиться человечинкой». В одной из сцен фильма Джоли, стоя на коленях, в ярости кричала, а Стоун командовал: «Больше змей! Подбросьте еще змей».

Воде Джоли предпочитает воздух и поэтому решила научиться управлять самолетом. Во время съемок «Лары Крофт» она усовершенствовала свои навыки вождения мотоцикла.

Мать-одиночка

После того, как во время поездки в качестве посла Доброй воли ООН в Камбоджу Джоли усыновила Мэддокса, она все свободное время посвящает ему. «Теперь, — сказала она, — я считаюсь с тем, как отнесется мой новый мужчина к мальчику, который к тому же другого цвета кожи».

После усыновления ребенка, Анджелина поссорилась со своим отцом. «Он не только назвал меня сумасшедшей, — с ужасом вспоминает Энджи, — но из-за его слов у меня могли отобрать сына». Чтобы оградить Мэддокса от папарацци, она решила жить в Лондоне или во Франции, где запрещено помещать снимки ребенка в прессе без разрешения родителей. «Но я не собира-

юсь держать взаперти своего сына, — заявила актриса. — Я хочу, чтобы у него была нормальная жизнь".

Теперь Анджелина соглашается сниматься в фильмах, если не надо уезжать на съемки далеко от дома. Мэддокс с удовольствием посещает премьеры фильмов с участием Джоли. Он посмотрел картину "Небесный капитан и мир будущего", в котором Анджелина одета в кожаный костюм с черной повязкой через глаз. "Я нравлюсь ему, — заявила гордая мама, — в любой одежде, кроме вечерних туалетов, потому что он знает, что я кудато иду и он остается дома без меня".

Во время съемок "Александра" Джоли, как посол Доброй воли ООН работала с беженцами в Египте. Мэддокс был с ней. К ним присоединился и игравший роль Александра Великого Колин Фаррелл. "Мы много путешествуем, — говорит Анджелина, — у Мэддокса камбоджийский и американский паспорт. За два месяца мы съездили в шесть стран. Если у нас есть возможность провести полгода в Камбодже с частным учителем, а потом жить в африканских джунглях, то мы это используем".

На премьере фильма "Подводная братва" в Венеции Джоли появилась, держа на руках трехлетнего Мэддокса.

На съемки она его не берет, потому что пока для него это утомительное занятие. Анджелина хочет усыновить детей разных рас. "Когда у меня будет несколько детей, — планирует она, — то мы будем ездить по разным странам. Мне кажется, что это лучше, чем жить дома только из-за школы. Каждый ребенок должен путешествовать, чтобы видеть, как живут люди в других странах". Слухи о том, что Джоли хочет усыновить славянского малыша, появились в печати в августе 2003 года, а в октябре 2004 она побывала в нескольких московских Домах ребенка. "Анджелина очень приятная девушка, — сообщили работники одного из московских Домов ребенка. — Без косметики, одета скромно, в черном. Приехала на машине, без охраны. С ней был только переводчик". В журналах появилась фотография, на которой Джоли держит на руках очаровательного голубоглазого ребенка, но после этого никаких заявлений от актрисы не последовало.

Новые роли

Кинокарьера Джоли идет успешно. Второй фильм про Лару Крофт получился эффектным и зрелищным, хотя, по мнению актрисы, рекламные постеры и телереклама не использовали ее

сексуальную притягательность, и из-за этого уменьшились кассовые сборы. Анджелина объявила, что не хочет сниматься в третьей серии "Лары Крофт", так как полностью довольна предыдущими.

В фильме "Оригинальный грех" с участием Антонио Бандераса она продолжила исполнять роли характерных для нее притягательных героинь. В 2002 году снялась в мелодраме "Жизнь или что-то вроде того" в образе платиновой блондинки. После триллера "Забирая жизни" Джоли сыграла одноглазую подругу капитана Джо Салливана в фантастическом фильме Керри Конрана "Небесный капитан и мир будущего". "Повязка и кожаные сапоги лежат у меня дома, — сказала актриса. — Я сама сочинила историю, как Фрэнки потеряла глаз. Лишившись его, она стала серьезно относиться к жизни". Ее героиня — Фрэнки Кук — командующая военно-морским женским флотом.

Сейчас Джоли в списке самых высокооплачиваемых актрис Голливуда занимает восьмое место. За роль в фильме она получает от 12 до 15 миллионов долларов.

Самая добродетельная звезда Голливуда

Джоли прославилась не только проклятиями, татуировками и романами, но и своей благотворительной деятельностью. Американцы назвали ее самым добродетельным человеком 2004 года. Все знают о ее работе в качестве посла Доброй воли ООН. Во время поездок по самым бедным странам Азии, Африки, бывшей Югославии она помогала лечить больных, преподавала в школах и занималась благотворительностью. Во время посещения Сьерра-Леоне актриса пожертвовала на нужды беженцев миллион долларов из гонорара за фильм "Лара Крофт". Десять тысяч долларов она дала на вос-

становление больницы в Джаддфе. В Камбодже Анджелина содействовала возвращению людей, бежавших от красных кхмеров в Таиланд. После окончания съемок очередного фильма Джоли два месяца уделяет поездкам по разным странам.

"Мой сын, — говорит она, — только один ребенок, а в мире есть миллионы детей, которым надо помочь. Ведь работа в кино — фантом, реквизит и много макияжа. Это бизнес, в котором я работаю. Но это не значит, что нужно закрывать глаза на несправедливость, царящую в мире".

В августе 2003 года она прилетела в Москву и на следующий день отправилась в Северную Осетию инспектировать лагеря беженцев из Чечни. Она посетила палаточные лагеря "Белла" и "Спутник" в Ингушетии и центр временного проживания "Гизель" во Владикавказе. В последний день визита в Россию Джоли посетила Морозовскую больницу в Москве и на пресс-конференции рассказала о результатах своей работы в качестве посла Доброй воли. Говорила Анджелина о серьезных вещах и выглядела совсем не по-голливудски: в неброской одежде и практически без косметики.

Кладбищенский изыск

Хотя Джоли в юности работала моделью в Америке и Европе, она предпочитает спортивно-байковский стиль одежды. Любимый ее цвет — черный. На свои свадьбы она приходила или в

черных кожаных штанах, или в джинсах.

Так же в черном она пришла на церемонию вручения премии "Оскар" — в 2000 году — и выглядела, как дама из семейки Аддамс. В следующем году на той же церемонии Анджелина появилась в белом брючном костюме от Дольче и Габбана с гладко зачесанными назад волосами. Минимум косметики, никаких страстных поцелуев с родственниками и знакомыми. К большому сожалению репортеров, все ее татуировки оказались под одеждой.

Джоли не любит косметику и драгоценности. Так же, как и Дрю Бэрримор, она гордится своими татуировками, больше чем бриллиантами. В 2004 году на Каннском кинофестивале Анджелина была одета в обтягивающие джинсы и сползающую с одного плеча черную блузку. На премьеру мультфильма "Подводная братва" в том же году в Венеции она приехала в платье с таким декольте, что благодаря ему появилась возможность разглядеть не только ее стройное тело, но и татуировки. Вот только на животе актрисы нельзя было увидеть изречение: "To, что меня питает, то меня и разрушает".

Обычная жизнь необычной звезды

В Джоли парадоксально сочетаются добродетельность, талант и стремление шокировать публику. В перерывах между съемками она оглушает соседей по Беверли Хиллз игрой на ударных

инструментах, выгуливает домашнюю ящерицу Владимира и показывает мир своему сыну Мэддоксу. "Я живу одним моментом, — признается актриса, — потому что завтра может измениться все — моя жизнь и мой облик".

Сопротивляться ее чарам невозможно. У мужчин при ее виде начинают постукивать зубы, а в голове поднимается буря. Когда Джоли обучалась пилотированию в аэропорту Санта-Моники, несчастный инструктор так смущался, что она даже намеревалась сменить его на другого, с более крепкими нервами. Но Анджелину не радует такая реакция на ее прелести, потому что дело не в том, чтобы завоевать любого мужчину, а в том, чтобы хоть одного осчастливить. А это уже сложнее. По итогам опросов, в 2004 году женщины хотят иметь глаза Джоли и ее пухлые губы. Она признана читателями журнала "Esquire" самой сексуальной женщиной на планете. В Англии есть древний рождественский обычай — целоваться под омелой. Перед Рождеством 2004 года жители туманного Альбиона провели опрос — кого бы мужчины больше всего хотели поцеловать под веточкой этого растения. Список возглавила Джоли.

"Думаю, — сказала она, — нет такого актера в Голливуде, про которого не сплетничали бы, что я с ним встречаюсь. Считают, видимо, что я просто нарекшав. Но забавнее всего то, что сплетники никогда не знают, с кем я встречаюсь на самом деле". Во время съемок фильма "Александр" у нее был роман с актером Вэлом Килмером, известным сердцеедом. Они даже думали о покупке общего дома. Все началось у них с разговоров о детях: у Килмера их двое: дочь и сын. Потом разговоры перешли в романтические прогулки и ужины при свечах. "Вэл подарил мне ядовитую змею", — призналась Анджелина журналистам. А где змея, там и искушение, — подумали они. Но дальше свиданий дело не пошло.

В мае 2004 года в Каннах Джоли познакомилась с фотографом Мишелем Комте. Потом их видели резвящимися в бассейне одного из отелей в Беверли Хиллз.

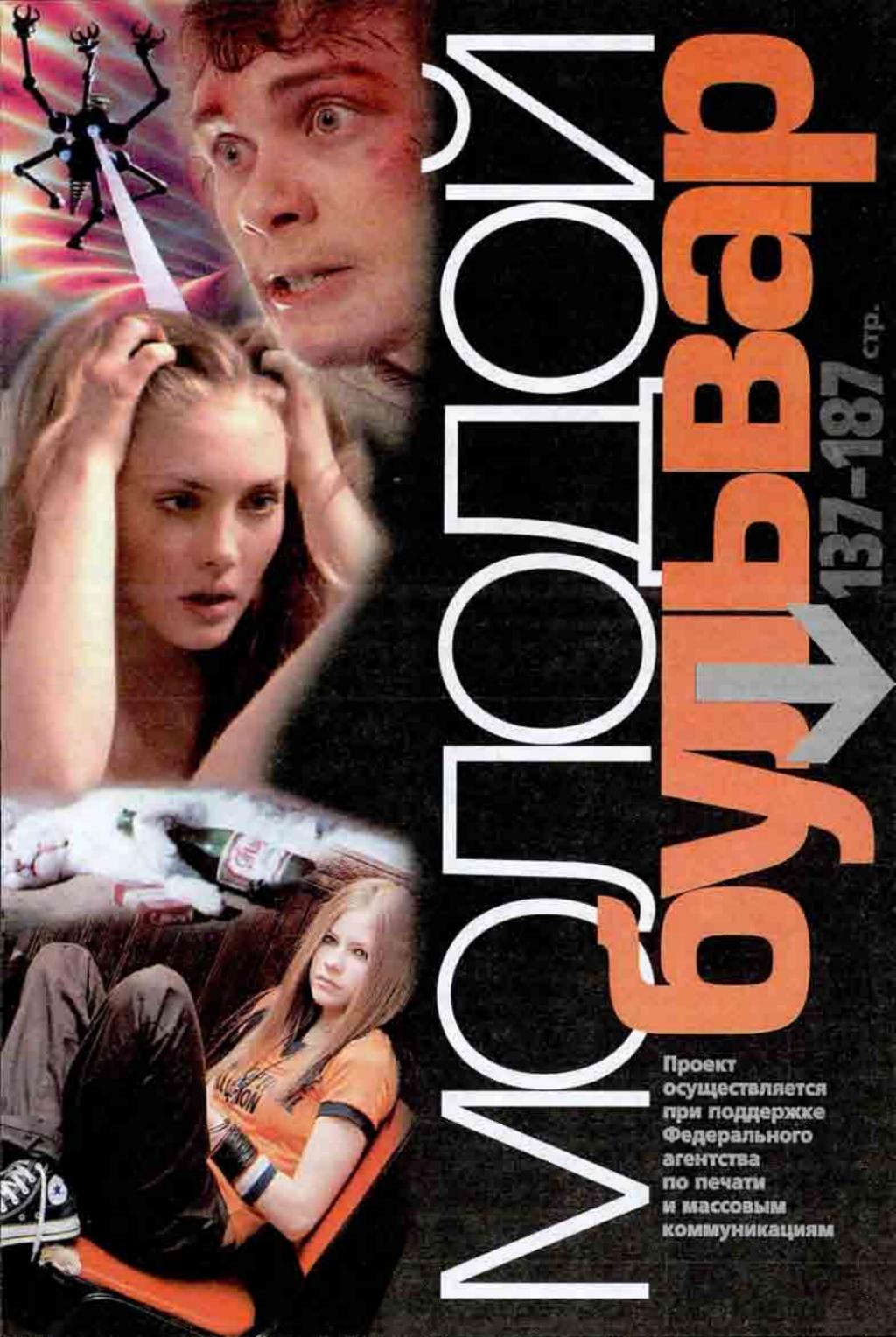
Сейчас Анджелина пресытилась романами с партнерами по фильмам: ее внимание не привлекли такие бонвианы, как Колин Фаррелл ("Александр") и Брэд Питт, с которым она играла в фильме "Мистер и миссис Смит". Питт заявил по этому поводу: "Нас никто не мог видеть целующимися в отеле, потому что этого никогда не было. Что касается Анджелины, то она совсем не такая, как пишут о ней таблоиды".

У Анджелины нет ни собственного менеджера, ни пресс-агента. Поэтому на интервью она приходит с представителями фирмы "Уорнер Бразерз" — юношей со сладкой улыбкой и раскормленной дамой, которая уберегает ее от нежелательных вопросов, заслоняя камеры своей огромной тушью.

В свободное время Джоли гоняет на мотоцикле и прыгает с парашютом. Она получила авиаправа, и ее мечта — самой летать в страны третьего мира для того, чтобы помогать обездоленным и больным.

Джоли "закрыла" татуировку с надписью "Там хорошо, где нас нет" тигром. Теперь она бывает там, где хочет. "Мы с Мэддоксом смотрим на глобус, — говорит Анджелина, — и решаем, где проведем Рождество". Она хотела бы пересечь Сахару на верблюде, но на это уйдет 24 дня. На такой срок Джоли не может оставлять Мэддокса.

"Мама учila нас с братом быть честными и целеустремленными. Мои собственные неприятности бледнеют на фоне людского горя, которое я видела в разных странах. Раньше я считала, что настоящая жизнь — у героинь моих фильмов, но теперь я черпаю силы в моей помощи больным и обездоленным и в том, что я нужна моему сыну. Ради этого стоит жить..." ■

ОНЛАЙН БАР

137-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

Полина ТЕСЛЕР.

Наш общий дом

фото Владимира Чайкини

Как стремительно летит время! И мы в этом времени куда-то постоянно спешим. Перед нами мелькают привычные дома, дворы, улицы, деревья. Однако порой что-то заставляет нас замедлить шаг и остановить свой взор на чем-то необыкновенном и совсем не свойственном для задымленного мегаполиса. Психологи утверждают, что наш взгляд обязательно должен за что-тоцепляться, на чем-то останавливаться, иначе у человека наступает агрессивное состояние

или депрессия. Именно поэтому, говорят они, в районах типовых застроек так много криминальных историй. Что же может заставить нас замедлить взгляд, движение и ощутить минуты радости? Конечно, ландшафтное искусство, стремительно развивающееся в последние годы в российских городах и пригородах. Искусство, подчеркивающее индивидуальность нашего района, двора. Но кто же эти "пигмалионы", вдыхающие жизнь в холодный камень городов? Чтобы

познакомиться с ними, "Молодой бульвар" отправился в Измайлово, к будущим "вятеям" и "зодчим" — студентам колледжа № 18 ландшафтного дизайна.

Это учебное заведение существует с 1973 года. Тогда оно называлось СПТУ, что расшифровывается как среднее профессионально-техническое училище, и выпускало садоводов широкого профиля.

Теперь учебно-воспитательный процесс в колледже не только заметно усложнился,

но и стал более интересным, более творческим. Занятия строятся на изучении архитектурной графики, на рисовании проектов по зеленому строительству. Опытные преподаватели учат делать это не только на компьютере, но и при помощи карандаша и бумаги, чем развивают творческое начало, авторскую индивидуальность каждого студента. Колледж осуществляет подготовку студентов по таким дисциплинам, как садово-парковое и ландшафтное строительство, лесное

и лесо-парковое хозяйство, агрономия, садоводство. По окончании колледжа студентам предоставляется возможность поступить сразу на третий курс вечернего отделения Института леса без экзаменов. А уже в скором времени колледж начнет сотрудничать со знаменитой Тимирязевской академией, где открылся факультет ландшафтного дизайна. Ведь все прекрасно понимают, что в наш век не обойтись без талантливого ландшафтника, опыт и профессиональные знания которого в период строительного бума так необходимы.

— Конечно, в нашей профессии очень важно уметь работать руками, — говорит директор колледжа Людмила Дмитриевна

Жильцова. — Главное, не бояться земли, уметь беречь ее и чувствовать. Все наши студенты и копают, и косят, и сажают с большим удовольствием. Конечно, много внимания при такой работе уделяется физической подготовке молодежи. Может, вы не задумывались, но именно она играет огромную роль в будущей профессии садовода. Согласитесь, что бесконечные наклоны при прополке, приседания при посадке требуют хорошей спортивной формы. Поэтому заурядные уроки физкультуры мы заменили очень популярными среди студентов секциями аэробики, мини-футбола, волейбола.

Для особо талантливых и все успевающих студентов открыта вокально-танцевальная студия "Колар". Действуют курсы керамики, где с ребятами занимаются профессиональные художники.

Студенты колледжа принимают участие в престижных конкурсах, победители которых ежегодно стажируются в Англии. В прошлом году ребята вошли в десятку лидеров московского конкурса на лучший предприни-

матерский проект. Они представили жюри работу, посвященную открытию собственной фирмы ландшафтного дизайна. А недавно в честь шестидесятилетия метрополитена проходил фестиваль под названием "Я гражданин России". Специально для него колледж сделал проект внутреннего оформления музея метро. А около самого здания хотели сорудить громадную клумбу с числом "шестидесят" из живых цветов, но, к сожалению, места оказалось недостаточно, и с клумбой, как говорится, не сложилось, а вот сам проект завоевал первое место.

Для конкурса лучшего бизнес-проекта ребята оформили флористический салон в городе Красногорск.

"Молодой бульвар" побывал и в музее садово-паркового хозяйства, который существует при колледже. В нем собраны фотографии и рисунки, рассказывающие о поэтапном развитии ландшафтного дизайна в России. Начиная со стихийных усадебных парков и заканчивая великолепными современными проектами, разработанными для

садов наших обеспеченных людей. Куда бы ни ездили студенты колледжа, будь то маленький городок или громадный Нью-Йорк, они всегда привозят фотографии с видами садов и парков. На страницах музеяного альбома можно увидеть самые дальние уголки земного шара. Потрясающая экспозиция букетов и коллажей, выполненная руками студентов, одна из главных достопримечательностей музея. Коллажирование — ведущая дисциплина колледжа. На бумагу наклеивают самые необыкновенные материалы: чечевицу, овес, пшено, мак, рис, чай и разрисовывают краской. Получаются потрясающие картины и реалистичные продукции с картин известных художников, выполненные из гороха и манки. Кстати, у заказчиков коллаж пользуется огромной популярностью. Это, можно смело сказать, новое направление в украшении внутреннего интерьера. Увидев в музее коллажи из засохших полевых цветов и коряг, понимаешь, почему этот вид искусства так популярен. Открытки к праздникам, папки, обложки фотоальбомов студенты умеют делать своими руками, да так, что получается не хуже, чем то, что мы видим на прилавках магазинов.

Хорошую практику можно получить, не выходя из здания колледжа. Здесь есть две собственные фито-лаборатории. В них огромная коллекция комнатных растений. Это

предмет гордости учебного заведения. Не много есть мест в Москве, где среди зимы цветут орхидеи и созревают плоды папайи. Ухаживают за этим великолепием ребята сами: следят, чтобы растения не погибли, не зачахли, защищают их от паразитов, а это,

прямо скажем, нелегкий труд. Конечно, им помогает справиться с этой задачей высококвалифицированный педагогический коллектив.

— Все наши студенты по окончании колледжа трудоустроены, — говорит Люд-

мила Дмитриевна. — Мы развиваем социальное партнерство с различными фирмами ландшафтного дизайна, они оказывают нам помощь в совершенствовании материальной базы, помогают приобрести компьютеры, озеленительные материалы, корректируют нашу учебную программу. А мы, в свою очередь, подготавливаем для них высококвалифицированные кадры. Кстати, некоторые наши выпускники даже открыли свои собственные фирмы. Многие из них принимают участие в международных выставках, таких как "Цветы-2004", "Фестиваль цветников", "Интерфлора" в Крокус-сити и других. Нам нравится брать к себе на учебу так называемых девиантных детей, то есть не прижившихся в других учебных заведениях по разным причинам. У одних — серьезные проблемы в семьях, у других — просто нестандартный склад ума и характера. Таким ребятам не интересно в обычных учебных заведениях, у нас же они, как правило, расцветают. Их неординарное мышление, своеобразный взгляд на какие-то события, саму жизнь лишь помогают в создании интересных композиций, удивительных проектов. Рядом с прекрасным миром природы невозможно быть злым и черствым. Именно поэтому у нас в колледже всегда царит теплая и дружеская атмосфера и ощущается почти домашняя обстановка. Добро пожаловать в наш общий дом!

Екатерина ПИМАНОВА

Мы с тобой одной крови?

Шла я как-то по Москве и вдруг увидела свадебный кортеж, который остановился у памятника Пушкину. Из роскошного "мерса" выбралась невеста — очаровательная тоненькая блондинка. Вслед за ней показался жених — рослый темноволосый парень, будто сошедший с обложки глянцевого журнала. Пока парочка позировала фотографу на фоне статуи русского поэта, откуда-то появился благообразный батюшка в скромном черном облачении (просто шел мимо, наверное) и захотел благословить молодоженов. Но не тут-то было. Парень неожиданно запротестовал, невеста принялась его уговаривать, но тот остался непреклонен, и батюшка ушел. Когда я подошла поближе, до меня долетел обрывок разговора:

— Тебе что, жалко? Ты же сам говорил, что неверующий.

— Мне не жалко, и я не отказываюсь от того, что говорил, но я же мусульманин, я некрещеный, а ты меня заставляешь...

— Да какая ерунда, это же на счастье...

— Я не могу, у нас так не принято...

В итоге девушка даже обиделась. А я задумалась на неожиданную тему: ведь если заключаются браки между людьми разных национальностей, то то же самое происходит и у представителей разных религиозных конфессий. Влияет ли подобное несходство взглядов на дальнейшую совместную жизнь?

Сейчас быть верующим стало модно. Некоторые даже изобретают собственные религии или примыкают к малоизвестным течениям. Истинно верующих людей найти сложно. Но все-таки среди знакомых мне удалось откопать шесть подходящих парочек.

Итак...

**Кирилл, 27 лет, православный +
Карина, 24 года, мусульманка.**

Кирилл: Нет, нам это не мешает. Даже наоборот, мусульманские женщины воспитаны в духе почитания мужа, так что в нашей семье царит старый добрый патриархат. Как я сказал, так жена и делает. И потом, у нее нет привычки меня "пилить", как это делают многие жены. В общем, я доволен. Правда, иногда мне кажется, что у Карины вообще нет своего мнения. И потом, она мечтает о большом количестве детей, а я и одному пока не готов, материальное положение не позволяет.

Карина: Кирилл хороший муж, добрый и справедливый. И насчет детей мы, я думаю, договоримся. Религия? Ну, мы не настолько верующие. Я в мечеть вообще не хожу, а Кирилл только иногда заглядывает в церковь, по праздникам.

Игбал, 32 года, мусульманин + Ольга, 26 лет, православная.

Игбал: А почему нам это должно мешать? Ольга знала, за кого выходила замуж. Она уважает меня как главу семьи, уважает моих родных, не ходит в короткой юбке по улице, не курит и не шляется по ночным клубам с подружками. У меня претензий нет. Правда, я бы хотел, чтобы жена не работала, а занималась только домашними делами. Но пока мы вынуждены работать оба, чтобы купить собственную квартиру и завести детей.

Ольга: В нашей семье главное — уважение. Муж мой ревнивый и очень дорожит своим авторитетом в семье, слова против не скажи, мобильник не выключай, с

кем общалась — отчитывайся. Но я его люблю, и мне подобная щепетильность даже приятна...

Александр, 35 лет, католик + Инна, 25 лет, православная.

Александр: Я не вижу принципиальной разницы между католиками и православными, и те, и другие — христиане. Но я привык жить так, как было принято в семье моего отца — он поляк. Поэтому иконы, которые жена повесила на кухне, меня слегка напрягают. Нет-нет, я не против, но мы почитаем других святых, да и вообще, мне просто не нравится, когда что-то навязывают. И еще у нас был конфликт из-за венчания. Инна непременно хотела закрепить наш брак в церкви, но встал вопрос — в какой? Я могу просто так, в праздник, зайти в православный храм, постоять и послушать, но венчаться предпочел бы в Кафедральном соборе. А Инна к католикам вообще ни ногой, ей "нельзя". Кончилось тем, что мы вообще отказались венчаться, до сих пор обиды остались.

Инна: Я тоже не вижу особой разницы и не понимаю, почему Саша не захотел венчаться в нашей церкви. Если это для него так важно, искал бы в жены католичку. К тому же, я жду ребенка, и мы уже сейчас ругаемся, в какую веру его крестить. Я считаю, что у нас православная страна, и ребенок должен

соблюдать традиции своего народа. А в семье у Саши религия передается от отца к сыну. В общем, много еще спорить придется... Хотя и плюсы есть. У нас две Пасхи, два Рождества, и все праздники мы обязательно отмечаем. Больше праздников — больше радости в семье.

Максим, 25 лет, иудей + Белла, 22 года, православная.

Максим: Я традиций уважаю, но считаю, что моя жена имеет право на собственные убеждения. Тем более, что Белла не очень религиозный человек. Она искренне верит в Бога, но в церковь почти не ходит. К тому же, она тоже уважает мою веру, интересуется, как проходит служба в синагоге, какие там порядки. Любит мацу грызть, говорит, хорошая диетическая пища (смеется). Иногда даю ей почтить книги по иудаизму, пусть самообразовывается. У нас разногласия только по поводу детей. Я хочу иметь мальчика и девочку, а Белла пока вообще никого не хочет, у нее только карьера менеджера на уме. Ну, ничего, повзрослеет, поймет, что в жизни главное.

Белла: Макс классный парень, с ним весело. На тему религии мы не спорим, каждого свое. Он ходит с родителями в синагогу, потом очень интересно об этом рассказывает. Я считаю, что сейчас, в двадцать первом веке, убеждения уже не могут помешать семье. Сейчас главное — взаимопонимание, общие интересы, а с этим у нас все в порядке.

Сергей, 31 год, буддист + Елена, 29 лет, католичка.

Сергей: Споры о религии, о том, что такое Бог, я считаю надуманными. Бог один для всех, только называется везде по-разному. Некоторые вообще верят в Абсолют или единое информационное поле. Главное, чтобы человек во что-то верил. Я встречал абсолютных атеистов и думаю, что жить им очень тяжело, и они должны особенно сильно бояться смерти — ведь после нее, как им кажется, ничего нет. Это не их вина. В нашей стране атеизм долгие годы был официальной "религией", на нем воспитаны целые

поколения. Но сейчас ситуация меняется, и я этому рад.

Для меня буддизм — это прежде всего способ лучше понять себя и свое место в мире, но я никому ничего не навязываю, особенно жене.

Елена: Самое страшное — это не религия, а предрассудки. Или когда что-то "слишком", доходит до фанатизма. В остальных случаях можно мирно жить и особо не задумываться о том, что мы чем-то отличаемся друг от друга.

По статистике, из общего числа регистрируемых в России браков около 15 процентов заключается между людьми разных религиозных конфессий, при этом развод по религиозным убеждениям наблюдается всего в 3 процентах случаев. Самое частое сочетание — мусульманин и православная, это обусловлено притоком эмигрантов из стран бывшего СНГ. Брак с католиком — это почти стопроцентно брак с иностранцем, так как "своих" католиков у нас чинотожно мало. Перенимают религию второй половины 2 процента женщин и 0,5 мужчин, остальные остаются при своих убеждениях. Религиозные обряды в семьях соблюдают только 25 процентов новобрачных, с основным, мусульмане. Что касается детей, тут статистики нет, каждые родители решают по-своему.

...Ну, а где же наша шестая пара?

Эти двое выбиваются из общей благополучной картины потому, что недавно развелись именно из-за религии.

Амир, 26 лет, мусульманин + Анна, 26 лет, православная.

Амир: Я родился и вырос в Москве, но ислам мне всегда был очень близок. Не хочу сказать, что эта религия обязательна для всех, но уж для мужа и жены — точно. Иначе нормальных отношений быть просто не может. И с Аней мы развелись именно потому, что она не хотела меня понять. Все ее усилия были направлены на то, чтобы "сделать из меня нормального человека". Она твердила, что, раз я живу в России и у меня русская мать, то я должен быть православ-

ным, ходить в церковь, соблюдать пост и знать "Отче наш". Она всячески критиковала наше учение — Коран, смеялась над нашими обрядами, говорила, что для ребенка главное мать, а не отец. А в последнее время вообще объявила, что все мусульмане — террористы. Я больше так не мог. Теперь вижу сына только по большим праздникам и не могу влиять на его воспитание.

Анна: Да он меня просто достал! Мало того, что постоянно тыкал мне в нос: мол, ты женщина, твое место на кухне у плиты, так что молчи, когда мужчины разговаривают. Ему дай волю, так он меня и кушать бы в отдельной комнате посадил, как у них там принято. И гарем бы завел, у них ведь мужчина на все имеет право! К тому же, он мне ребенка испортил, мальчику пять лет, а он уже, как папочка, песню заводит: я мужчина, я буду в доме хозяином, а девочки нужны только для хозяйства и чтобы детей рожать. И это в пять лет! Что бы из него выросло, если бы я не развелась?..

Ну что тут возразишь? Каждый по-своему прав. Но все-таки, наверное, причины любых разногласий в семье кроются не в религии как таковой, а в человеческих отношениях. Ведь все мы люди, все одной крови, а значит — можем понять друг друга.

Как правильно сказала одна из опрошенных жен: "Главное — уважение". ■

Режиссер Владимир Потапов.

А есть ли любовь?

Алла ПУСТЫНОВА

Загадочная и величайшая во Вселенной сила — любовь — может поднять человека к вершинам счастья либо толкнуть его на самые ужасные преступления. Аргентинцы говорят: "Тот, кто любит тебя, заставит тебя плакать". И хотя действие только что снятой кинокартины "Мы умрем вместе" происходит не в знойной Аргентине, а в заснеженной Москве, страсти разгораются очень серьезные.

Где кончается любовь и начинается одержимость? Нужно ли бороться за свою любовь, и какими средствами? Где та грань, которую нельзя переступить? Можно ли манипулировать другими людьми, борясь за свои высокие чувства? Где та последняя черта, после которой все становится невозможным? Да и вообще, что мы понимаем под словом "любовь" — самоотречение, страсть или просто навязчивое желание обладания?

Такие вопросы адресует молодым зрителям режиссер Владимир Потапов, решив-

шийся снять фильм о любви поколения "next". Фильм сделан о молодых, сыгран молодыми артистами, для молодежи. Но также и для их родителей, которые не только в фильме, но и в жизни перед лицом сильных чувств предпочитают отступить на второй

план, забывая, что и они ответственны за развитие этих самых чувств.

Новое время, новые типажи? Да нет, все это было описано классиками. Только теперь чувства проявляются иначе: при их избытке еще и отсутствие ответственности.

Красавица Ира — Анна Казарина.
В роли Димы — Сергей Жарков.

Елена Полякова — исполнительница роли Тани.

Сюжет фильма "Мы умрем вместе" основан не на классическом треугольнике, а на любовном четырехугольнике. Здесь почти как в одной популярной песне: Женя любит Иру, Ира полюбила Диму, Дима тоже ее лю-

бит, а вот самая близкая подруга Иры Таня любит Женю, а он ее нет. Двое счастливы, другие двое несчастны. Владимир Потапов многосторонне исследует тему любви, которая может быть и манией, и жертвой, и рас-

четом и бескорыстием. В ней нет правых и виноватых, но только страшно, когда поступки влюбленных становятся жестокими и нелицеприятными.

А что так заинтересовало режиссера, которого не назовешь неопытным человеком в таких тонких и интимных переживаниях? Владимиру Потапову сорок один год, и что

история о любви, которая может воспитывать в человеке не только светлые качества. Влюбленный может довести себя до безумия, если вовремя не остановится. А мне хочется помочь молодым осознать это.

Так о чём же этот психологический триллер с элементами криминального кино и неожиданным концом?

особенно интересно, фильм "Мы умрем вместе" — его режиссерский дебют.

— Тему я нашел в жизни — во взаимоотношениях моей дочери с ее молодым человеком. Я наблюдаю, как трудно им общаться. Да и нам с дочерью в последнее время тоже стало тяжело понимать друг друга. У меня нет возможности влиять на дочь, и желания тоже нет, хотя пытаюсь объяснять ей какие-то прописные истины. Но понимаю, что нужно что-то другое. И однажды Ира знакомится с Димой, начинающим архитектором, красивым, успешным, обеспеченным, и оба влюбляются, понимая, что это и есть любовь. Но Женя не может смириться с потерей любимой девушки и пытается покончить с собой. Он бросается под машину, но его спасают. Врач "Скорой помощи" говорит ему: "Если ты ее любишь, не распускайся, а пойди и добейся ее". И Женя пытается так сделать, но, по его мнению, для достижения цели можно применить любые средства, даже аморальные. А уж если и они не помогают, тогда надо умереть вместе. Только не так, как в извест-

Всем друзьям Иры и Жени казалось, что они любят друг друга, и дело идет к свадьбе. Но однажды Ира знакомится с Димой, начинающим архитектором, красивым, успешным, обеспеченным, и оба влюбляются, понимая, что это и есть любовь. Но Женя не может смириться с потерей любимой девушки и пытается покончить с собой. Он бросается под машину, но его спасают. Врач "Скорой помощи" говорит ему: "Если ты ее любишь, не распускайся, а пойди и добейся ее". И Женя пытается так сделать, но, по его мнению, для достижения цели можно применить любые средства, даже аморальные. А уж если и они не помогают, тогда надо умереть вместе. Только не так, как в извест-

ной присказке "они жили долго и счастливо и умерли в один день". Счастья нет, и хотя лет еще очень мало, едва за двадцать, но лучше убью и ее и себя, но уйти не позволю.

А рядом с ними закадычная подруга Таня, давно и безответно влюбленная в Женю, надеется, что он все-таки обратит на

тельная семья, престижное образование, прекрасные перспективы. Он и в Диму сумел вложить подозрение в Ирино небеское пристрастие.

А носителем любви-жертвы можно считать Таню, для которой существует только полная самоотдача и самоотречение. Для

нее внимание. И он вроде бы и обратил, даже предложил снимать вместе квартиру. Но только это просто хитрый маневр, чтобы вернуть Иру, а чувства Тани ему совершенно безразличны. В результате, девушка едва избегает смерти. Ира становится заложником Жениных чувств, и только чудо избавляет ее от верной гибели, устроенной незадачливым влюбленным.

Любовь так меняет героя, что она больше похожа на манию. И к концу фильма перед нами предстает совсем другой человек — внешне невозмутимый, расчетливый и циничный, холодно претворяющий в жизнь свои фантазии.

По мнению Жени, любовь Иры к Диме — сплошной расчет, ведь у него состоя-

нее нет дилеммы — что хорошо, а что плохо, она даже ревновать не умеет.

Занятые в картине актеры фактически ровесники своих героев.

Главную роль Жени очень талантливо сыграл Николай Иванов, несмотря на молодость уже успевший сняться в триллере "Условный рефлекс" и телевизионном сериале "Московские окна". Окончил Театральное училище имени Щукина и сейчас успешно играет в спектаклях московского ТЮЗа. Недавно у него родилась дочка.

— Мне мой герой очень симпатичен, я ему сочувствую, и не хотелось, что называется, "бросать" его. Наверное, каждый мужчина, добиваясь своей цели, может наломать много дров и совершив кучу ошибок. Но че-

ловек-то Женя хороший, просто любовь его не туда завела.

Красавицу Иру сыграла молодая актриса Анна Казючиц, снимавшаяся в фильмах "Любовница", "На безымянной высоте". Она еще учится в Щукинском театральном училище и играет в его спектаклях.

маться. Так и получилось. А Елена рассказывала: "Еду в маршрутке, и какой-то мужчина всю дорогу на меня в упор смотрит. Думаю: или маньяк, или режиссер! В результате, в кино пригласил".

И еще один дебют в кино. Для музыкального оформления режиссер пригласил

В роли Димы выступил актер Сергей Жарков, дебютировавший в картине "Ключи от бездны".

"Изначально сценарий был написан так, что мой герой Дима считался отрицательным персонажем. И было как-то странно, что этот надменный, достаточно циничный молодой человек с деньгами может испытывать такие нежные чувства. Но потом по ходу съемок все отрицательные моменты убрали и герой получился даже очень неплохим".

Елену Полякову, исполнительнице роли Тани, Владимир Потапов случайно увидел в маршрутном такси и загадал: если выйдет около киностудии "Мосфильм", значит — актриса, и надо приглашать счи-

молодую группу "Слайд-шоу", совсем неизвестную, но говорят, что их слава — впереди. Они играют в стиле "готика", нечто среднее между роком и "металлом". Режиссеру показалось, что такая жесткая музыка точно передает настроения современной молодежи.

Так что же нам делать с чувствами? Ведь Жениной любовью и само-то любовь можно убить. "Каждая девушка мечтает, чтобы ее любили больше всех на свете, — говорит в конце фильма Ира подруге. — Я больше не буду об этом мечтать".

Известный русский философ Николай Бердяев в свое время писал: "Любовь не имеет отношения к жизни. Она имеет отношение к смерти". Неужели это правда?

Почему люди не

Сегодня я расскажу вам об армейском экстриме. Только не надо думать, что в погоне за настоящими острыми ощущениями вам придется идти на службу в спецназ. И в обычной войсковой части этого добра навалом. Начнем с самого простенького.

Физподготовка. Это обязательный предмет для всех военнослужащих, в том числе для контрактников. О том, чем приходится заниматься на физподготовке солдатам срочной службы, я уже писала в прошлом году. Но и "добровольцам" не избежать подобного удовольствия. Даже в тех частях, где на обязательные занятия смотрят сквозь пальцы, все равно дважды в год проводятся итоговые проверки. Что это такое?

Если вы — военнослужащий, с вами целий год должны заниматься. Предметов много: спецподготовка, строевая, тактико-специальная подготовка, уставы, стрельбы, ОГП, физкультура. А весной и осенью вы сдаете зачет. Средняя оценка, выставленная подразделению, влияет на размер премии и "тринадцатой" зарплаты. Однако во многих частях основной компонент — то есть обучение — както выпадает, и остаются только проверки. Спросите: как это? А так. Где хотите, там и берите конспекты, хоть из интернета скачивайте. Но, если остальные предметы еще можно худо-бедно сдать, то физкультура...

Помню, как сейчас: конец ноября. Уже выпал снег. Температура за бортом минус три градуса. Воет пронизывающий ветер. Нас трое: два лейтенанта и я. В камуфляже, фут-

болках и спортивных тапочках, по свеженько-му льду, мы бежим километр на время под контролем строгого майора с секундомером. Почему трое? Да просто вместе со всеми, за пару дней до снега, не сдали.

Поверьте — это картина Репина. Местные жители-то привыкли, зато какая-то парочка в теплых пуховиках, мирно бредущая мимо нашего КПП, буквально вздрогнула при виде троих сумасшедших — то есть нас. Особенно дико они уставились, конечно, на меня: настолько больных женщин, они, наверное, еще не встречали.

Обход территории начальником. Скажете: где же тут экстрим? А вы попробуйте, посидите полдня на холодном подоконнике на "шухере", пока личный состав вашего подразделения судорожно наводит порядок и прячет компромат, как то: кипятильники, чайники, пепельницы, неслужебную литературу и прочее, за что начальник может "выдрать". Сидеть надо стойко. Хотите в туалет — оставляйте кого-то за себя. Читать, спать нельзя. Стоит только отвлечься, как тут же срабатывает закон Мерфи, и любимый шеф немедленно возникает из небытия прямо за спиной.

Иногда засады приходится устраивать где-нибудь за углом, в зарослях, в учебных блиндажах, на чердаках... а уровень адреналина в крови скачет так резво, что поневоле опасаешься, как бы не зашалил. И холодно бывает, и скучно, а снять засаду нельзя. Опять же, скажете: а не проще ли навести полный блеск, заранее все спрятать и спокойно ждать

летают, как птицы?

шефа в теплом кабинете? Отвечаю: бесполезно. Если сделать так, как вы говорите, он и вовсе не придет, а заявится именно тогда, когда что-то снова будет не в порядке.

Строевой смотр. Это мероприятие всегда почему-то проводится внезапно. То есть объявляют о нем накануне под вечер, когда все мысли уже только о доме, а пришивать погоны, делать "стрелки" на брюках, выпрашивать у коллег звездочки и "лычки" и учить наизусть 16 положений строевого устава поздно. И начинается! Все на нервах, беготня, вопли: "Кто-нибудь знает, в полевой форме строимся или в повседневной?!", поиски иглок, ниток, рабочих тетрадей, щеток для обуви, жетонов... Наутро, невыспавшиеся, все строятся, наконец в повседневной форме. И опять начинается! Форма должна была быть полевая, ходить никто не умеет, у половины в удостоверение не записано оружие, две трети не помнят, что такое "шеренга". В итоге всю часть до посинения гоняют по периметру плаца, а потом распускают с тяжелым вздохом по рабочим местам.

Диспансеризация. О, это отдельная и очень интересная тема для разговора! Раз в год, перед отпуском, вам — здоровому и молодому (а может, и не очень молодому и совсем не здоровому) человеку — нужно доказать целой толпе людей в белых халатах, что на вас можно и даже нужно пахать! То есть весь год вы имеете право болеть и брать больничные, если хватит сил, с температурой выстоять километровую очередь. Но во врем-

яя диспансеризации — ни за что! Ясный взор, свежее дыхание, спортивные движения. И, хотя километровые очереди все равно приходится выстаивать, вы обязаны демонстрировать просто богатырское здоровье. Упаси вас Бог сказать что-то не то! Например, нельзя говорить:

Терапевту — "Да, я курю, как паровоз".

Окулисту — "Что-то, девушка, я в сумерках плохо вижу" (особенно, если окулист — мужчина).

ЛОРу — "Вы сейчас что-то сказали?"

Невропатологу — "У меня на нервной почве глаз дергается".

Хирургу — "Да, было растяжение пару лет назад..." А если вы мужчина за 40, молчите, как партизан, о любых проблемах с предстательной железой, иначе не избежите совершенно варварского осмотра.

Гинекологу (если вы женщина) — "Я не хочу иметь детей" (моментально отправят к психиатру).

Психиатру — "Настроение? Да какое при нашей жизни настроение!"

В общем, вести себя надо, как в тылу врача. Тогда прорветесь — до следующего года.

Очередь за зарплатой. Тоже неплохая возможность проверить себя на выносливость. Особенно если часть большая, кассир работает еще и за бухгалтера, а ваш банк имеет вредную привычку задерживать выплаты.

С утра вы ждете. Напряженно, с надеждой, которая порой сменяется отчаянием. Сами находчивые обычно отправляют к две-

рям кассы наименее ценного члена коллектива, снабдив его парой журналов и наказом торчать там до победного. Поэтому, на первый взгляд, очередь маленькая, буквально человек десять. Стоят, подпирают стенку и мирно обсуждают свои проблемы. Но вот — внимание! Кассир в сопровождении автомата несет заветную сумку с деньгами, отпирает дверь кассы, и все десятеро тут же достают мобильники. Сейчас начнется!

И верно, начинается. За пять минут коридор до отказа заполняется народом, вспыхивают разборки на тему "Вас здесь не стояло!", выдача идет еле-еле, а до конца рабочего дня осталось полтора часа... А вы говорите — спецназ! Тут нервы надо иметь железные, особенно, если на вас может кончиться рабочее время кассира. А так оно и будет — вспомните Мерфи.

Зима. В армии зимой особенно холодно. Если летом вы не удосужились купить себе теплую куртку на синтепоне, покупайте ее с первыми заморозками, поскольку военный бушлат на морозы не рассчитан в принципе. Не забудьте также приобрести: утепленные штаны, ботинки на меху, перчатки, шарф, жилетку на синтепоне, теплые носки, водолазку. А все, что вам выдали на складе, запихните в шкаф и забудьте навечно. Кроме того, купите: вату и малярный скотч (заклеивать окна), обогреватель (а никто и не обещал, что будут хорошо топить!), кипятильник (ну, надо же хоть как-то согреться!), марлю (положить внутрь противогаза, чтобы во время учений по химзащите резина к щекам не примерзала) и спирт (нет, нет, всего лишь для того, чтобы стеклы у противогаза протирать).

Думаете, я шучу? Если бы! Несоблюдение этих простых правил чуть не привело меня на больничную койку: моя кинобудка почти не отапливается, и я подхватила цистит.

"Резиновый день". Раз уж зашла речь о противогазах, нельзя не упомянуть и о занятиях по химзащите, когда огромная толпа народа после долгой возни натягивает ОЗК, надевает маски (которые далеко не всегда подходят по размеру), причем все это на оценку, то есть — на время. А потом начальник бродит вдоль строя, заглядывает каждому прямо в стекла и тревожно спрашивает: "Ты кто?",

чтобы поставить галочку в списке. Вроде бы весело, да?.. Но видели бы вы, как интересно выглядят после противогаза женщины, которые с утра причесывались и красились! А до чего комфортно в маске тем, кто забыл прополоскать мыльным раствором стекла (они запотевают), не снял крышку (не идет воздух) или у кого щеки просто чуть шире, чем надо!

Казарменное положение. По молодости это интересно и напоминает игру "Зарница" в пионерском лагере. Как же, ночевать на службе! Романтика! И только потом понимаешь, что спать придется в лучшем случае на солдатской койке, а в худшем — на столе, покормят тебя пшенкой, во все щели будет страшно сквозить, зубы придется чистить ледяной водой, а душ в казарме вообще отсутствует. Заснуть ты не сможешь до середины ночи, а потом тебя непременно разбудят "покурить" добрые сослуживцы. Утром же даже собственное лицо перепугает тебя до полусмерти, что уж говорить о лицах окружающих.

И, наконец, самое интересное армейское развлечение — тревога. Даже если ее объявили "внезапно", то есть предупредят за один — два дня, все равно в последний момент что-то пойдет не так или командование вдруг пересмотрит свои планы. Всю часть могут забросить в леса или пустить бегать вокруг территории с вещмешками, могут рассадить по "боевым постам" и поставить кого-нибудь следить, чтобы все там сидели, могут вообще ничего не приказать, а потом проверить, что вы делаете... Простор фантазии!

Помню, в части у моего отца объявили тревогу, и все сразу затихло. Папа, подождав для очистки совести минут сорок, махнул на все рукой и усился смотреть телевизор у себя в кабинете. И что вы думаете? Правильно, к нему тут же заявил проверяющий и устроил скандал.

Ну, как? Скажете: это все не экстрим, а обычные тяготы и лишения военной службы. Хорошо, расскажу вам про настоящий экстрим.

Мне было 16 лет. Часть, где служил папа, находилась через забор от полка ВДВ. И вот однажды, во время обычных посиделок в общей курилке, черт дернул меня поделить-

ся своей мечтой — служить в армии. Один контрактник, десантник, сразу заявил: "Бабам в войсках делать нечего! Они в армию из-за формы приходят! Спорим, ты такая же, как все? Слабо с парашютом с 2000 метров прыгнуть?"

Вообще-то я высоты боюсь до чертиков. Тут не знаешь, как по дощечке через яму, вырытую под кабель, перейти... Но на "слабо" ловлюсь не хуже мужчин, поэтому сразу протянула руку и заорала: "Спорим!"

Уж как он договорился с инструктором, не знаю. Приехали на аэродром, стоит самолетик АН-12, в него всех и грузят. На меня натянули комбинезон, шлем, тяжеленный рюкзак с парашютом, затянули ремни и тоже в тесный салон затолкали. Взлетаем... У меня душа не просто в пятки, она вообще на матушке-земле осталась, вверх унеслось только жалкое, дрожащее от ужаса тело.

Набрали высоту, открывается люк, а там — мама родная! И тут хватает меня инструктор и тащит за руку к люку. Смотрю — физиономия незнакомая, то есть кто-то другой с нами полетел, не тот, с кем пацаны договаривались. Тащит он меня, а я цепляюсь всеми конечностями. Будь у меня хвост, и им бы за что-нибудь уцепилась! И, главное, неясно, чем именно я так ему приглянулась, ведь там еще 18 здоровенных мужиков было. Это уж потом выяснилось, что его внимание привлек какой-то странный маленький солдатик, весь белый от ужаса, и он решил, что это — не кто иной, как "дух", то есть человек новый и неопытный. А "духа" надо выкидывать первым, тогда остальные, глядя на него, сочтут делом чести тоже прыгнуть.

В общем, подтащил он мой упирающийся организм к люку, обнял меня крепкими руками гориллы и заорал прямо в ухо: "Лети, малыш, покажи дедушкам пример!!!" И я ощутила мощный, совсем не джентльменский пинок под зад.

Самолет резко взмыл куда-то вверх, а я осталась беспомощно висеть между небом и землей, барабахаясь и вереща от страха. Поверьте, это действительно страшно! Повторять не рекомендую. Я орала на протяжении всего полета, даже тогда, когда все ремни разом рванули вверх, едва не вывернув меня

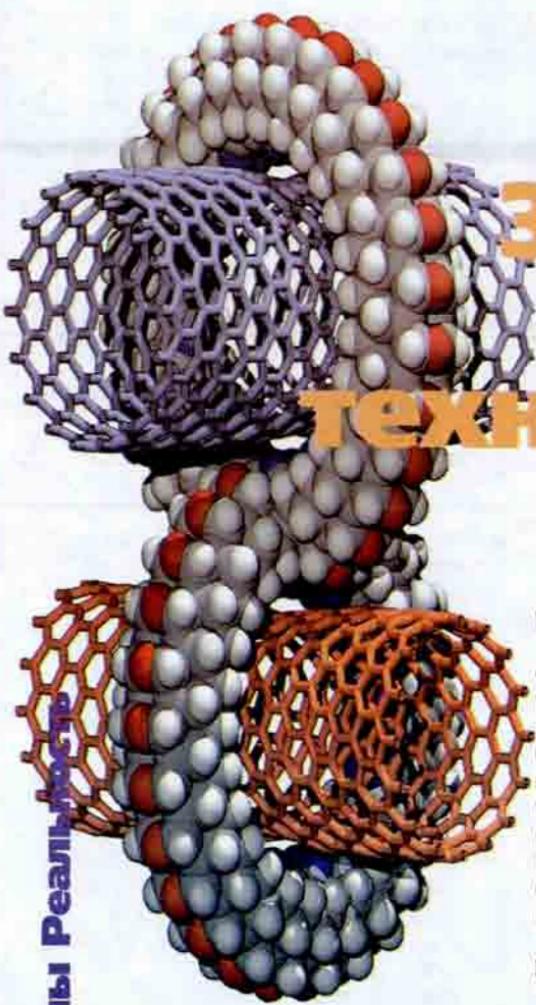
наизнанку, когда над головой расцвел спасительный белый цветок парашюта, и потом еще, пока снижалась. Это длилось очень долго, так как никто не учил меня маневрировать стропами. Рухнула я на колхозное поле и продолжала орать, пока меня волокло носом по борту в сторону ближнего лесочка. Потом парашют застрял в зарослях, и все, наконец, завершилось. Слышали бы вы, как виртуозно потом матерился инструктор!

Моя подруга, которая тоже искала острых ощущений и призвалась для этого во внутренние войска, попала в еще более опасную ситуацию. По моему же примеру, на спор, она рискнула зайти в вольер со служебными собаками! Спорщиком спугнул проходящий вдалеке командир, и они подло сбежали, бросив Олеся на съедение трем немецким овчаркам. Почти два часа провисела она, цепляясь за сетку вольера, пока ее жалобные крики не услышали на соседнем с питомником складе. Еще полчаса ушло на то, чтобы отвлечь собак и вынуть девушку из клетки. Руки у нее заживали неделю, а душевная травма осталась и по сей день. Ей даже собственного пуделя пришлось отдать после этого.

В армии вообще ничего нельзя делать на спор. Забудьте слово "слабо", даже если вы — крепкий сильный мужчина. Войска — неподходящее место для того, чтобы кому-то что-то доказывать. Помню случай, когда это закончилось трагически: на Урале, в части связи, парень-«срочник» влез по скобам на высокую мачту и сорвался, размозжив себе голову об асфальт — одна скоба плохо держалась.

Некоторые люди говорят: в жизни надо испытать все. Что за служба без опасностей, приключений, риска? И делают ошибку — едут в "горячие точки", надеясь получить там свою порцию впечатлений. Едут не потому, что считают это своим воинским долгом, и даже не по приказу, а именно так — поразвлечься. Хорошо, если им повезет вернуться живыми и невредимыми. Бывает, что их привозят в качестве "груза 200". А бывает...

Впрочем, о "горячих точках" и о том, зачем люди едут туда добровольцами, я расскажу в следующем номере.

Сам термин "нанотехнология" пока не очень известен широкой публике, его в 1974 году придумал японец Норё Танигути, описывая процессы построения новых объектов и материалов с помощью манипуляций отдельных атомов, то есть работы в одну миллиардную часть метра.

Загадка нанотехнологии

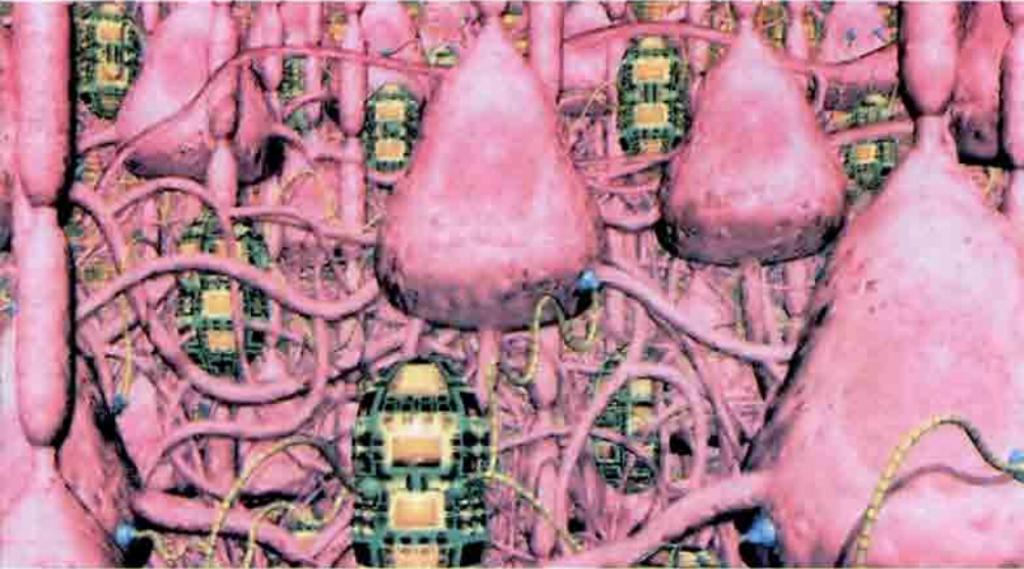
Матчасть

Наверное, один из самых реальных способов применения нанотехнологий — нанороботы. Это "машины", размерами в десятки нанометров, способны самостоятельно манипулировать атомами. Стало быть, смогут воспроизвести себе подобных, превращать в любое необходимое вещество подручную органику и неорганику. То есть смогут создать любой предмет, а возможно (как бы кощунственно это не звучало), существо-

Мания небесная

Ведущие исследователи в этой области утверждают, что довольно далеко продвинулись в создании нанороботов.

Самый лакомый кусок — биоорганический материал. Фактически теперь возможно моделирование принципов построения живой материи на основе саморегуляции. До сих пор таким свойством были наделены только живые организмы, но нанотехнологии могут сделать саморегуляцию из неживой материи. Хотя тогда придется поломать голову философам, чтобы разобраться, что же в таком случае будем считать живой материей?

Освоенный и отмеченный Нобелевской премией метод создания структур с помощью квантовых точек и есть не что иное, как саморегуляция неорганической материи. Открываются весьма заманчивые перспективы: создание биологических органов, в том числе: глаз, печени, кожи и т.д. И в очередной раз человечество попытается "повторить" мозг, точнее, смоделировать его. Представьте себе, что некий самый современный компьютер создает с помощью нанотехнологий более совершенный мозг, а тот еще более совершенный и так далее, по цепочке. В итоге приходим к созданию пресловутого искусственного интеллекта, вот только управлять мы этим процессом на определенной стадии вряд ли сможем.

Не все так просто

История науки — это накопление и анализ новых знаний. В XX веке — это ядерная физика и физика высоких энергий. Теперь, благодаря нанотехнологиям, ученые чуть ли не впервые получают возможность перейти от анализа к синтезу. Уже в который раз человек пытается присвоить себе функции Творца, и, похоже, теперь у него появляются серьезные шансы на успех. Только вообрази-

те, становятся близкими к реальности все мечты самых смелых фантастов. Однако человечество всегда остается верным себе. Обязательно появятся какие-нибудь "плохие руки", которые самые полезные, гуманные открытия поставят с ног на голову, тем самым подвергнув мир очередной угрозе.

И, как всегда бывает в таких случаях, все громче звучат голоса обеспокоенных возможной утечкой этого знания. Кто поручится за то, что нанотехнологии попадут в "надежные" руки. В принципе, опасения не беспочвенны, история уже много раз убеждала нас в этом. Тех, кто разделяет эти взгляды, именуют "наноапокалиптиками". В лучших традициях паникеров всех времен и народов, они требуют наложить моратории на исследования, на распространение этих знаний. Строятся гипотезы о неизбежности войн, которые, защищая интересы создателей, будут вести нанороботы-дизассемблеры. Человечество пугают тем, что у нанороботов могут появиться собственные интересы, не имеющие ничего общего с интересами человека. И то верно, ведь только в фильмах подобные сценарии оборачиваются для мира победой, в реальности же у человечества (во всяком случае, в современном его виде) не

будет никаких шансов победить самообучающиеся и самовоспроизводящиеся в течение нескольких минут "организмы".

Но даже если мыслить приземлёнными категориями, кто может поручиться, что, завладев хотя бы одной лабораторией с нанороботами, какой-нибудь человеческий индивид или группа оных не начнёт производить новые штаммы вирусов или не станет изобретать доселе не виданное биологическое оружие для им одних известных целей? А однажды эти люди просто поставят весь мир перед фактом того, что у них в руках есть такое, от чего ни у кого, кроме них, нет ни противоядия, ни лекарства...

В принципе, слабо верится в то, что учёные не предусмотрели мер безопасности, но всем известно, что абсолютной охраны не существует. Можно сколько угодно долго отбирать персонал для лабораторий, но никогда нельзя быть уверенным в стопроцентной лояльности сотрудников. В конце концов, любой природный или техногенный катаклизм может привести к малопредсказуемым последствиям.

Другая сторона медали

Тем не менее, нанотехнологии несут в себе не только всеобщее благо или опасность качественно новых войн. Они просто олицетворяют шаг человечества в новый мир, в революцию науки почище теории относительности и расщепления атома.

Здесь и кроется некоторая опасность. Только представьте, если ассемблеры смогут воспроизводить себя, они станут уникальным орудием производства. А так как они манипулируют веществом на атомарном уровне, то отпадет необходимость в заводах, фабриках, сельском хозяйстве. А что это значит? Правильно. С одной стороны, бесконечное благо для людей: неограниченная пища, возможность, наконец-то, помочь природе-матушке, но с другой — огромное число безработных, причём, преимущественно, из бедных, социально не защищённых слоев населения. Всеобщее возмущение столь широких масс может привести к такой революции, о которой девушка Ленин и мечтать не мог.

Да и страна, которая первая создаст нанороботов, окажется просто на голову выше остальных. Никто не застрахован от желания начать диктовать всему остальному миру свои условия. Представляете, чем это может закончиться? Вот именно — третьей мировой, после которой на руинах человечества останутся нанороботы, которые будут бесконечное время создавать что-либо по заданной программе... Интересная перспектива, не правда ли?

Однако существует устойчивое мнение, что всю эту историю нагнетают именно те, кто первыми пострадают от изобретения нанороботов: промышленники, владельцы корпораций и т.д. Наверняка к этому приложили руку и нефтяные шейхи. Ведь в случае успеха нанотехнологий необходимость использовать нефть просто отпадет, по крайней мере, ту, которая добывается из недр Земли. Та же участь ожидает и остальные полезные ископаемые.

Без сомнения, нанотехнологии — огромный прорыв, может быть, самый значимый в истории человечества. Все описываемые страшилки произрастают из несовершенного мировосприятия современного человека. И чтобы сгладить все острые углы, человечеству надо будет перейти на качественно новую ступень развития. Возможно, даже не станет homo sapience, а появится какой-нибудь новый, более прогрессивный, вид homo — и даже уже не "человек разумный", а "разум человеческий". В принципе, это уже далеко не ново для вида homo. Всем известна теория эволюции, становление человека, но оно проходило сотнями, тысячами лет, а теперь этот переход должен состояться в течение нескольких лет, и одному Создателю известно, скольких миллионов, а может и миллиардов, жизней мы не досчитаемся после такого перехода.

По большому счету, злом является не технология, а сам человек, с его осознанием оной. И сейчас, подходя к пропасти в качественно новый мир, человечеству необходимо максимально точно рассчитать прыжок через неё, чтобы ни в коем случае не рухнуть вниз.

Грузовик по монитору — получится ЖК (Жочень Клоский)

Снова *us* вместе на нашей компьютерной страничке. Все в сборе. Отлично. Сегодня продолжим разговор о том, что можем взять на то, что есть из того, что есть, сделав при этом правильный выбор. Мониторы с ЭЛТ (Электронно-лучевой трубкой) обсуждали совсем недавно — настала очередь ЖК (жидкокристаллические), LCD или TFT. Чтобы избежать путаницы, не будем использовать аббревиатуру TFT в качестве синонима ЖК, так как не все то TFT, что на жидкокристаллах, ибо есть еще такие и "трубковые" (тоже плоские, умеренно дорогие, с идеальным качеством картинки).

По предыдущему материалу ("Смена" № 2 за 2005 год) вы уже знаете принцип подхода к выбору "моника" с ЭЛТ. При желании можно применить и его, только нет никакой гарантии, вернее, вообще нет гарантии, что это будет достойный выбор, если вы, конечно, не располагаете значительной суммой. В данном случае нужен свой подход.

Бабло, как волк — так и норовит сбежать

Как всегда, начнем с определения ценового предела. Зная, что LCD всегда стоили дорого, у кого-то в памяти еще сидят цены в 20 тысяч рублей за не особо крутую модель. Прошло время, цены упали настолько, что иногда сложно решить, что лучше взять — ЖК или ЭЛТ. Приличный, если хотите, классный ЖК-монитор можно найти в пределах 10 тысяч рублей.

У каждого LCD фиксированное количество точек, то есть не как у трубы, которой все равно, на каком разрешении работать — какое ни поставь — все равно будет показывать, главное, чтобы поддерживала. Допустим, на 15 можно выставить 1280x1024, только частота обновления экрана не превысит 60 Гц, на 17" 1600x1200 @60 Гц, говоря не о дорогих моделях с ЭЛТ. Экземпляры, что за пять минут опустошат весь кошелек, при тех же условиях вытянут 75 Гц или 85 Гц, а то и 100. В итоге цена на них будет как на ЖК, а то и больше.

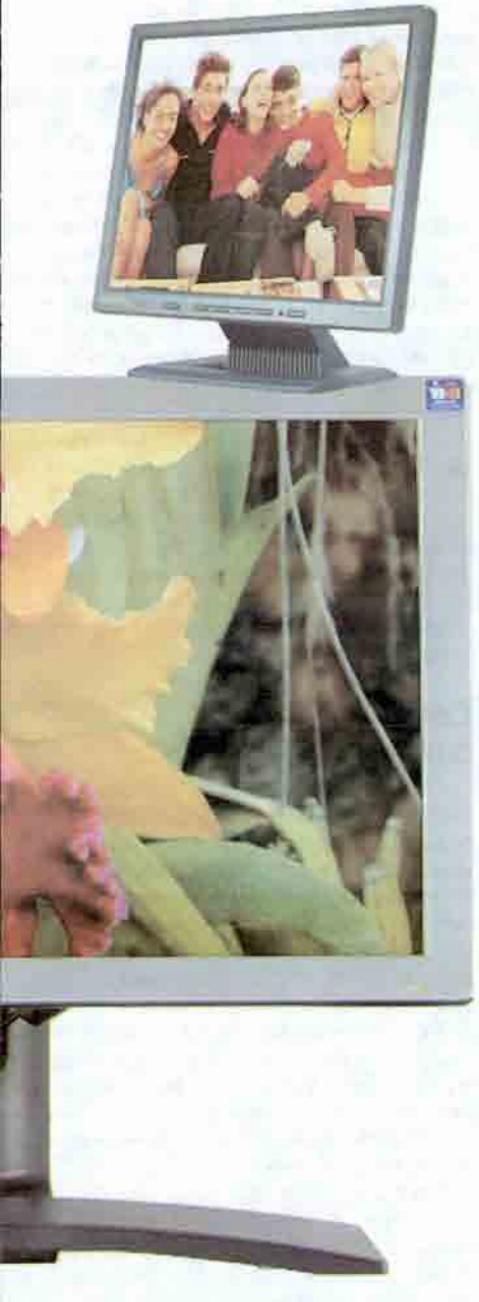
Тем более, если труба мигает за счет постоянного движения электронов, которые дают нам изображение, то у LCD такой проблемы нет — картинка меняется только за счет изменения цветности кристаллов, и происходит это одновременно в каждой части экрана. ЖК уже изначально не мигает вообще. Вы неоднократно видели, в тех же телевизионных "Новостях", когда в объектив попадали мониторы — если с ЭЛТ, то по ним бежали полоски, а если ЖК, то картинка даже не дрожала, словно камера снимала лист бумаги. Жидкокристаллическому агрегату достаточно 60 Гц, чтобы комфортно работалось, хотя для него эти герцы чисто условны и влияют только на качество картинки (четко или мутно).

Что касается влияния на зрение — то его практически нет, если, конечно, настройки контраста и яркости "гуманные". Хотя в темноте на глаза может влиять лампа подсветки, за счет которой видны кристаллы. Яркость же регулируется за счет этой лампы (кристаллы сами по себе не све-

весь

тятся — нужна подсветка), поэтому, сидя без света, ее желательно уменьшать.

На самом же деле вопрос о вредности или безвредности спорный. Современные мониторы с той же ЭЛТ доведены до такого уровня, что стали не вреднее ЖК (нет вредного электромагнитного излучения), так как защиты висят столько, что любая космическая станция позавидует. Большое влияние на зрение и здоровье оказывает не столько тип монитора (ЖК или ЭЛТ), сколько условия работы. Чтобы сохранить зрение, следует соблюдать элементарную технику безопасности: не смотреть в экран с десяти сантиметров, увеличивать шрифт при чтении, давать глазам отдохнуть, сидеть прямо и многие другие всем известные и ставшие банальными правила.

Ёж — птица гордая, пока не пнешь

Что значит фиксированное количество точек? Все просто, допустим, монитор пятнашка ЖК. Его максимальное разрешение 1024x768 @75Гц и больше, хоть ты с бубном пляши — не выдаст. Меньше может, только в таком случае картинка "поплынет". Или 17" 1280x1024 @75 — опять же, меньше может, а больше нет. Из-за этого многие невзлюбили LCD, ибо они идеально работают только на родном разрешении. Но на данном этапе развития технологии жидкых кристаллов об этом можно забыть. Экраны последнего поколения одинаково хорошо работают как на родном, так и на меньших разрешениях. Мутность, если и появляется, то только оттого, что меньшие разрешения приходится эмулировать или имитировать. Сказывается фиксированное количество пикселов (точек). Как ни крути — все зависит от модели...

В любой ситуации всегда есть "но". Дело в том, что каждый для себя выбирает определенное разрешение, которое нравится, и постоянно на нем работает. Вряд ли кто-то изменяет его каждые пять минут — надоест. Нравится 1024x768 — возьми 15", 1280x1024 — тогда 17", что-то большее — 19" и так далее. Главное, чтобы средств хватило.

У нас в доме матом не ругаются

Таким образом, придики к тому, что LCD идеально пашет только на родном разрешении — неуместны или просто лишний повод придраться, поругать и оправдать свою покупку за те же вечно зеленые и американские.

Часто на форумах высказываются жалобы на очень мелкий шрифт у 17" ЖК в Window'ce. Тогда вопрос: кто мешает увеличить? Наверное, подобные люди не знают, что у рабочего стола есть свойства, а в них закладка "оформление", где можно все изменить по вкусу.

Битые, но не бутылки

Бесспорно, у ЖК есть минусы и их тоже хватает. Первое, что нужно делать при покупке — смотреть, нет ли битых пикселов или мертвых точек. Они могут гореть разными цветами или вообще не гореть. Чаще всего это выражается в белой точке на черном фоне. Безусловно, брак! Такой монитор ни в коем случае брать нельзя, как бы продавец ни убеждал. Неужели приятно смотреть, к примеру, фильмы, когда в какой-нибудь части экрана виднеется белая точка? Для самоудовлетворения можно, конечно, поиграть в романтиков и подумать, что экран — ночное небо, мертвый пиксель — далекая звезда. Тогда представьте ситуацию, когда подобных точек 3, 5 или 7 — выходит целое звездное небо. Шутки шутками, а битые точки всегда раздражают.

Чтобы этого избежать, продавец-консультант перед тем, как выдать вам монитор, должен при вас же проверить его на 16-ти основных цветах. Если ничего не смущит и ни на каком из цветов не обнаружится мертвых точек, то за покупку можно быть спокойным. Битые пиксели — чисто заводской брак. При хорошем обращении они не появятся никогда, и ЖК прослужит все десять лет.

Другое дело, когда вы не заметите брака и уже дома поймете, что так быть не должно. Если у вас не больше трех точек —

нести монитор обратно нет смысла — не гарантийный случай. Некоторые фирмы, как Samsung, допускают до 7 битых пикселов. Неизвестно, с чего это производители решили, что 3 или 7 точек нормально. Конечно, процесс производства ЖК сложный и брак неминуем, но все же это не причина заставлять людей покупать, извиняясь, дрянь. Есть компьютерные салоны, где некачественный товар не отходя от кассы меняют на нормальный. При покупке важно помнить правило двух недель (по закону о Защите Прав Потребителей), когда вы имеете право поменять товар, даже если вам цвет не понравился или он не гармонирует с интерьером.

Средства позволяют — возьмите профессиональный ЖК. Среди таких моделей брака практически нет — еще в процессе изготовления некачественные экземпляры отбраковывают. Например, Philips сейчас активно продвигает новую акцию на моделях Бизнес и Профессионального класса — "Zero Bright Dot", что значит "Ни Одного Битого Пикселя".

Слева видно, снизу нет

Та часть ЖК монитора, которая дает изображение — называется матрицей. Они бывают разных типов, отличающихся временем отклика (скорость, с которой кристалл переходит из одного состояния в другое), углами обзора (еще одна из проблем LCD экранов) и, естественно, ценой. Обычно производитель не стремится указывать тип установленной матрицы, что затрудняет выбор девайса. Зная тип, всегда сложится определенное представление о способностях того или иного агрегата. Для этого рассмотрим современные матрицы.

TN+Film — самый старый и недорогой тип. К его особенностям относятся: малое время отклика (от 4 до 16 миллисекунд), хорошие углы обзора (до 170 по горизонтали и 160 по вертикали), но при этом цветопередача не на высшем уровне. Нельзя сказать, что все настолько плохо с цветами — у последних моделей они приближены к ЭЛТ,

поэтому рядовой пользователь разницы не заметит. Мониторы с такой матрицей хорошо подходят для динамичных игр, просмотра фильмов, офисной работы, при желании можно редактировать фотографии (не-профессионально) и делать еще много чего полезного.

IPS (1996 год Hitachi), которую позже доработали и получили S-IPS — последняя лучшая по цветопередаче, поэтому на ее базе изготавливают профессиональные мониторы. Но время отклика пока еще велико, хотя его и довели до 25 мс, появляются модели с 16 мс. Углы обзора не превышают 160 по горизонтали и 150 по вертикали.

MVA (1998 год Fujitsu) — встречается редко, возможно, используется только в технике Fujitsu, но не более того. По времени отклика самая слабая (ниже чем у S-IPS), по углам близится к TN+Film, а по цветопередаче находится где-то между первой и второй.

PVA (разработана Samsung как альтернатива MVA) — если грубо, то это хорошо доработанная MVA, с сохранением ее достоинств и недостатков. Мониторы на ее базе выпускает только Samsung, поэтому говорить о разнообразии брендов с матрицей PVA не приходится. Современные ее модификации на равных конкурируют с TN+Film.

Сам себе фонарик

Не менее важными параметрами любого ЖК-монитора являются контрастность (Contrast) — отношение уровня белого к черному и яркость (Brightness) — яркость белого цвета. Обычно производители LCD указывают на мониторах паспортные значения самих матриц без учета влияния электроники. То есть у некоторых мониторов одной ценовой категории могут быть одинаковые матрицы, но качество картинки разное.

Контрастность — одна из серьезнейших проблем ЖК-мониторов. Чем больше, тем более глубокий черный она может выдать. Но обычно получается так, что из-за не идеального расположения кристаллов задержать весь свет не получается (кристаллы не способны излучать свет, поэтому они явля-

ются пассивным элементом, они лишь управляют своей прозрачностью). В итоге на экране при незначительном освещении легко заметны светлые полосы или пятна, а там, где мы ожидали увидеть идеально черный цвет — будет темно-серый. Особенно это заметно на дешевых моделях.

Иногда на мониторах можно встретить надпись: Контраст 700:1, но даже при таком раскладе он не выдаст идеального черного цвета. Что касается контраста, то лучше начинать смотреть мониторы, у которых он начинается от 450:1, так что будет почти идеальная картинка. Яркость в большинстве случаев меняется за счет лампы подсветки (лампа дневного света с холодным катодом), частота ее обновления составляет от 200 до 500 Гц. Допустим, яркость современного ЭЛТ составляет 80 — 100 кд/кв. м, у ЖК же этот параметр в несколько раз выше — у последних моделей начинается от 250 кд/кв. м. Превосходство на лицо. Но по контрастности LCD еще далеко до ЭЛТ, так как значения последнего больше чем 1000:1, что не достижимо для большинства ЖК.

На самом же деле это максимальные значения. Вряд ли кто-то сможет комфортно работать при максимальных настройках контраста и яркости. Этот параметр индивидуален. Но лучше всего брать монитор с наибольшими показателями, допустим, не меньше 450:1 и 250 кд/кв.м.

А что делать-то?..

Теперь вы знаете подход к выбору ЖК-монитора. Сперва надо решить, сколько денег не жалко потратить, выбрать фирму, а потом смотреть на характеристики. По написанному выше вы легко узнаете, какая матрица установлена в монитор, чего он стоит и, не слушая продавца, сделаете правильный выбор. Как и при покупке монитора с ЭЛТ, важно пощупать товар, подойти к нему с разных сторон, посмотреть, соответствует ли он заявленным характеристикам (хотя бы на глаз) и так далее. Не забудьте тест на битые пиксели... ■

Просто Кир

podolak@rambler.ru

Рок Лавин'а с канадских гор!

Анжелика ПОДОЛЯК

Странная штука этот современный шоу-бизнес. Если раньше группа или певец добивались признания порой несколько лет, первый хит выдавали только ко второму или третьему альбому, то сегодня первый же релиз месяц назад где-то откопанного дарования — уже с двумя-тремя хитами, а еще через пару недель это дарование знают во всем мире. Можно, конечно, все спихнуть на современные коммуникационные технологии, но это не всегда они...

Как известно, все, что быстро и с шумом начинается, так же быстро заканчивается. Ничего удивительного. Многих ли знаменитостей периода 1995 или 1998 годов вы помните? Естественно, легко обругать все и вся, но не все это воспримут, да и потом надоест постоянно читать критику, когда хочется чего-то хорошего...

вушка, Аврил мечтала о красивом будущем, в данном случае, о музыкальной карьере, множестве поклонников и концертных выступлениях. Еще в детстве она напевала песни, стоя на кровати, представляя, что перед ней огромный стадион, заполненный народом. Наконец, мечта стала явью. Не каждый день сотрудники американских звукозаписыва-

Певица с пеленок

Начнем, как всегда, с предыстории. Что вы знаете про Аврил Лавин? Хотя не так сложно понять, что это за девочка по ее имиджу, музыке и клипам. Но образ человека на сцене и в жизни — всегда разный. Можно ли это отнести к нашей сегодняшней героине — вы решите сами.

Родилась будущая рок-дива 27 сентября 1984 года в провинциальном местечке Напани — Канада. С ранних лет увлекалась пением: школа, церковный хор и городские ярмарки, где ее, 16-летнюю, и приметил сотрудник звукозаписывающей компании Arista Records. Естественно, как и любая де-

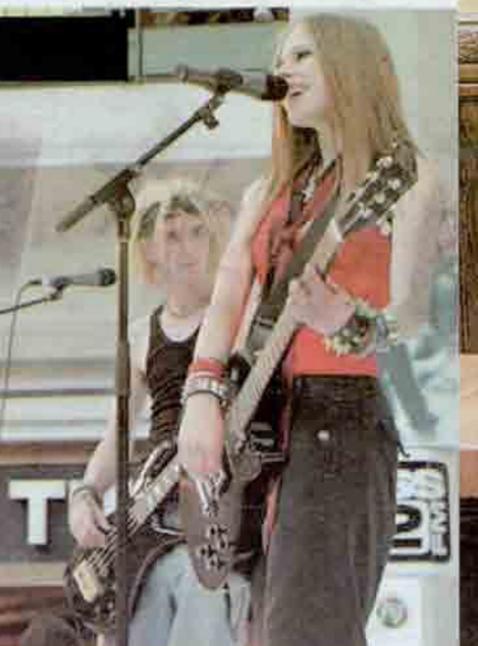
вающих компаний приезжают в провинцию, особенно канадскую. Барышне крупно повезло.

Против лома нет приема

Мечты окончательно начали сбываться после приезда в Нью-Йорк. Но первый

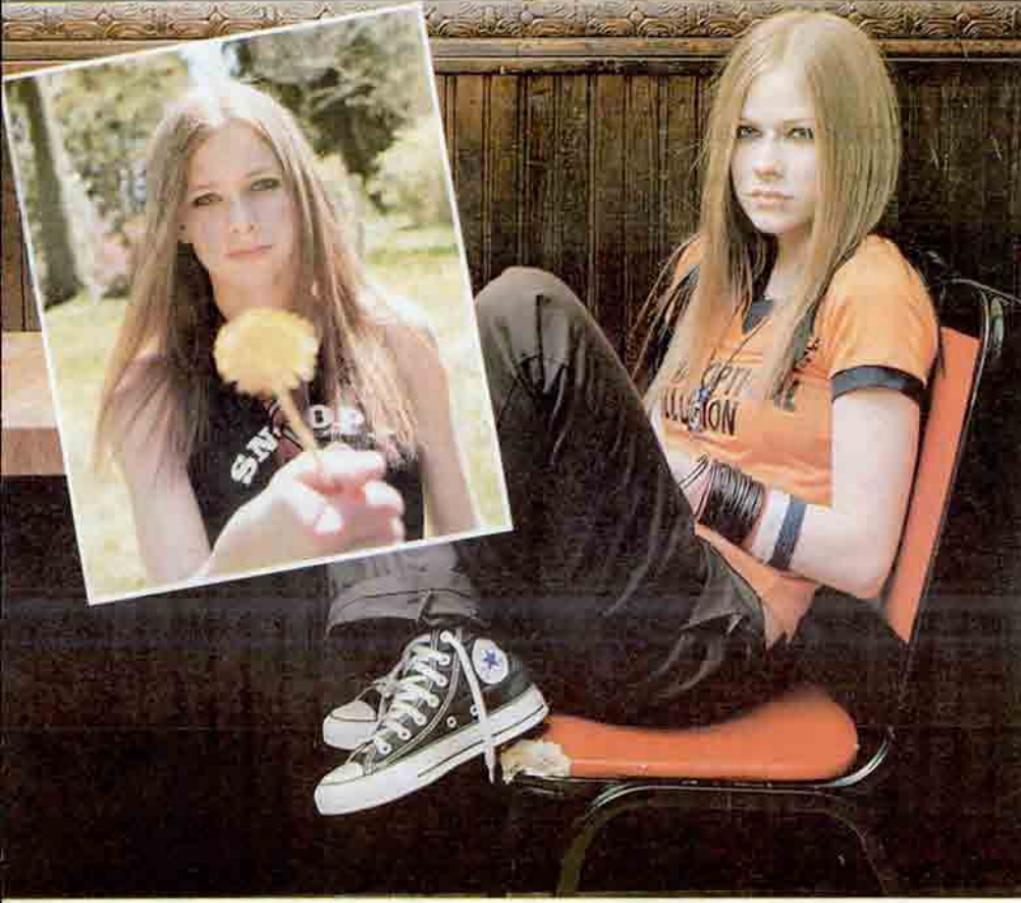

блин, как всегда, вышел комом. Дело не пошло. Может, народ попался не тот, может, обстановка. Но, скорее всего, она просто не знала, с чего начать. Постоянные конфликты, сутки просиженные в студии ни к чему не привели. Девушка настойчиво добивалась делать то, что хочет, а не то, что ей говорят. Если "новое дарование" обладает только внешними данными и голосом, то все остальное решают за него. Аврил мечтала сама написать песни для дебютного альбома, но с этим у нее были проблемы — не писалось. Предложили написать специально обученного человека, но она отказалась, ведь ей хотелось "своей музыки".

Переезд в Лос-Анджелес и встреча нового продюсера Клифа Мэнгеса полностью поменяли ход событий, и дела пошли в гору. Клиф не стал заморачиваться и позволил Аврил делать то, что она считает нужным, конечно, в пределах разумного. Так и родился первый альбом, и все его 13 песен написаны самой певицей. Как бы она ни думала, но если бы не опек со стороны опытных шоуменов, у нее бы ничего не вышло. Напористость, упрямство, увлечение спортом и дикое желание сочинять свою музыку — использовали при популяризации Аврил. В результате, получился нужный образ молодой девушки-сorванца, на которую обратят больше внимания, чем на грустную Барби, поющую под синтезатор. То есть Лавин стоит чуть ли не ближе всех к простым ребятам, увлекающимся тем же, чем и певица, которые если не такого же возраста, то не намного младше или старше.

Ценность имиджа Аврил — его реальность. Девушка играет на гитаре, причем вполне прилично, катается на роликах, развлекается и радуется жизни. Такой мы видим ее везде — как в клипах, так и в реальной

жизни. Юное дарование хочет, чтобы люди знали, что ее музыка настоящая, честная и идет от души. После прослушивания нескольких композиций в это хочется верить, ведь среди музыкальных новинок сложно найти хорошо сыгранную балладу или качественный рок... По качеству музыки ее можно поставить в один ряд с Джоан Осборн и Меридит Брукс.

ОНО ТОГО СТОИТ

Дебютный альбом "Let Go" (2002 год), сделанный под чутким руководством Мэгнесса и под аккомпанемент группы "The Matrix On Board" — в первые пять недель стал пла-

тиновым. Конечно, такого успеха певица добилась не первая, и в книгу рекордов Гиннеса ее не занесут, но если учесть, что она из глубинки, при этом не из семьи миллионера, то Аврил достойна высших похвал.

Второй релиз "Under My Skin" (2004 год) вышел более цельным, продуманным и композиционно законченным. Если в первом наблюдался некий винегрет из песен, то во втором уже есть четко выраженный стиль — Modern Rock, переходящий местами в Alternative вперемешку с красивыми балладами.

В музыкальном отношении ничего нового, естественно, ожидать не приходится, но хоть музыка и вторична — звучит она хоро-

шо. Аврил выступает противовесом Бритни, Агилеры и Сипсон — для тех, кто любит женский вокал, но не любит попсу. Говорят, что у Бритни с Аврил — наблюдается определенное противостояние, но вскоре колкости быстро сменились на похвалу. Если раньше Аврил упрето утверждала, что терпеть не может Бритни за ее фальшивость, да и вообще ее музыка "отстой", то сейчас гнев сменила на "милость" — и заговорила, что музыка конкурентки не так уж и плоха.

"Подарок из Африки"

По поводу реальности образа можно добавить, что Лавин постоянно ругается со сво-

по магазинам тоже значат немало. Не будешь же выступать всю жизнь в одном и том же наряде. Любит одеть что-нибудь такое молодежное, со всякими висюльками или просто одежду, подчеркивающую ее фигуру и стиль жизни. Что еще можно ожидать от девушки, которая стремится выделиться из общей массы сверстников и коллег по "цеху". И у нее это

ими стилистами, которые пытаются навязать ей то, что якобы будет лучше смотреться. Ситуации порой бывают острые, и с молодой певицей приходится соглашаться. В итоге, образ в клипах и настоящее лицо в жизни — очень близки. В любом случае, полностью верить этому никому не посоветуешь, ведь мы знаем, что у популярного человека даже его реальная жизнь подчинена имиджу, а вдруг ненароком папарацци прибежит, сфоткает, и потом доказывай всей стране, что ты не верблюд.

В жизни она очень энергичный человек, любит мальчишеские забавы. Гоняет на роликах, не стесняется зимой поиграть с парнями в хоккей. Но она ведь девушка, поэтому походы

получается. Услышав и увидев Аврил хоть раз, вы ее никогда ни с кем не спутаете.

"А вы ноктюрн сыграть смогли бы?"

О чём может петь девушка в 21 год? Сразу определимся, что проводить аналогию с Пинк или Келли Осборн здесь будет неуместно. Творчество Аврил стоит намного выше, ибо банальностью и наигранностью не страшает. Лавин рассказывает в своих песнях не

просто о любви или увлечениях, а скорее о философии чувств девушки или молодого человека к окружающему миру, а иногда и друг к другу. В ее текстах — не выдавленный из пальца смысл, а вполне реальный, хотя местами и наивный. Молодая рок-дива предлагает более взрослый взгляд на вещи, чем ее предшественницы ("юные таланты"). При этом у Аврели все песни разные, то есть нельзя сказать, что весь альбом сливаются в одну композицию, чем грешат многие современные "корифеи"...

Интересные факты

Популярная до мозга костей Бритни Спирс увлеклась музыкой Аврели. По ее словам, в альбоме "Let Go" есть песни, от которых просто невозможно оторваться. Может, все это трюк, а может, и на самом деле так.

Другой интересный момент связан уже с концертными выступлениями Лавин. Зная, как поклонники любят во всем подражать кумиру, придется их разочаровать. Не пытайтесь найти в магазинах тот самый черный лак, которым певица красит ногти перед концертом. Почему? — спросите. Все просто — она их красит черным маркером. Так что отправляйтесь в канцтовары! По словам девушки — это быстро и удобно. Только как она потом это отмывает — остается загадкой. Не в ацетоне же руки отмачивает. Шутка.

Ностальгия...

Теперь вы знаете, что не перевелись еще богатыри. В том смысле, что появляются еще "звезды" достойные. Жаль, конечно, что прошла пора новаторства, открытий и экспериментов. Времени на раскачку нет, поэтому приходится запускать "конвейер"... Конечно, Аврели Лавин не претендует на звание "звезда года" или "открытие года", как сейчас стало модно говорить, она просто есть и реально выделяется на фоне силиконовых достоинств, шоу, бездарного вокала и мертвый музыки. Дженис Джоплин или Сузи Кватро она не переплюнет, но в ее параллели в теперешний 2005-й равных ей раз два и обчелся... ■

теле

Борцам за чистоту

Вечер. Тихий московский дворик. Под присмотром бабушек возятся в песочнице дети. Неподалеку под ивой мужики под пиво забивают козла. Идилюси нарушает реплика мальца, говорящего по мобильнику: "Следи за базаром! Я не лох, сначала забашляй! А потом я, может быть, и сварганю что-нибудь..."

Немая сцена.

Я наблюдал за этой миниатюрой под покосившимся, аки Пизанская башня, строением типа "грибок", где коротал время за распитием легкого спиртного напитка сосед по лестничной клетке бар-менеджер Гирькин. Недовес, то есть.

— Складно излагает, поганец, видать, есть понятие у человека о трудности бытия.

Я промолчал, еще не успев осознать, как мне относиться к произошедшему, то ли посмеяться, то ли расстроиться. И только после того, как "виновника беспорядков" уже и след простыл, я понял, что в действительности сейчас произошло.

— Недовес, а ты понял, что ты сейчас услышал?

— Ну да, не хотел мальчонка за даром что-то делать.

— Не, ты не понял, я хочу сказать, ты понял слова, которые он произнёс?

— Ну я же говорю, понял.

Образение

и русского языка посвящается...

— Недовес, ты у нас всегда такой сообразительный, или только по пятницам? Он же почти по фене ботал?

— Иди ты!

— Вот то-то и оно. А понял ты его, потому что в твоём кефирном заведении за день какой только пилл не собирается, ты к этому уже привык как к данности, понимаешь?

— Вроде. А он откуда такого нахватался? Может, из родных кто с зоны недавно?

— Может.

На этом разговор в тот вечер и закончился. И вспомнил я о нём только недели через полторы, когда, сидячи дома в обществе неумоляющего телевизора, занимался увлекательнейшим занятием, а именно: с упоением щёлкал кнопки на пульте. Занятие то ещё, но большинство народонаселения нашей Родины находит в этом какое-то гипнотическое отдохновение каждый вечер. Суть не в этом. Не знаю, на каком уж щелчке, попадаю я на какой-то отечественный телесериал. И сразу вспоминаю мальца, так озадачившего весь двор. Да в этом сериале чуть ли не каждый второй герой или сидит, или сидел, или будет сидеть! Не трудно догадаться, что для пущей правдоподобности режиссеры и роли написали соответствующей лексикой. Ладно, думаю, бывает, но на ус мотаю. На следующий день попадается ещё два сериала, от зоны не далё-

ких — тенденция, однако, думаю. Потом открытия приходили уже сами собой — просто стало бросаться в глаза то, что не замечалось раньше.

В своё время МВД четко дало заказ киножникам на повышение имиджа милиции. И сериалы про ментов попёрли, как из рога изобилия. Видимо, их извечным оппонентам это не понравилось, и тем же киножникам последовал альтернативный заказ.

Но я сейчас не об этом. Я о том, что, господа, фильтруйте базар! Мы пока что живем в России, а не на зоне. И, конечно, расширение лексикона — вещь, бесспорно, полезная, но бывает, что телевизор смотрят дети. Ведь такое случается, не правда ли? И они могут и не оценить прелестей такого расширения, а примут все за чистую монету и посчитают, что это нормально и так и должно быть, раз это показывают.

Взывать к совести продюсеров — дело, обременённое сомнительными перспективами. Поэтому обращаюсь к родителям и тем, кто готовится ими быть: люди, оградите ваших детей от телевизора, не оставляйте детей с ним наедине. И тогда вы избавите себя от необходимости объяснять вашим чадам, что выражение "отлезь, гнида" — отнюдь не является общепринятым.

С любовью, ваш Ник Сигарищенко.

Николай КУРАКИН

Игра в стритбол, грубо говоря, — уличный вариант баскетбола. Изобрели ее неугомонные афроамериканцы из неблагополучных районов Нью-Йорка. Позже игра завоевала популярность среди всех слоев населения и теперь почти на каждом гараже, возле каждого загородного дома любого уважающего себя янки висит кольцо для игры в этот вид спорта.

В Россию, как и в другие страны, она пришла именно из-за океана. Сейчас стритбол очень популярен среди молодежи. Всем уже надоело курить в подъездах, пить спиртное и разлагаться по полной программе, когда есть возможность прийти на спортивную площадку. И от души показать сво-

им товарищам, какой ты ловкий, стройный, на что способен в азартной игре, так сказать, в деле, а не в количестве выпитого пива. Ведь все мы знаем — спорт — это сила, а стритбол — весомая часть спорта, тем более многие профессионалы начинали именно с него, а потом вышли на "большую баскетбольную сцену".

В эту игру может играть абсолютно любой человек. Здесь не обязательно быть высоким и худым. Стритбол укрепляет физическую форму, отлично развивает реакцию и скорость. А главное, он не требует больших затрат. Достаточно иметь обувь, желательно легкие кроссовки, шорты и футболку, недорогой баскетбольный мячик и половину бас-

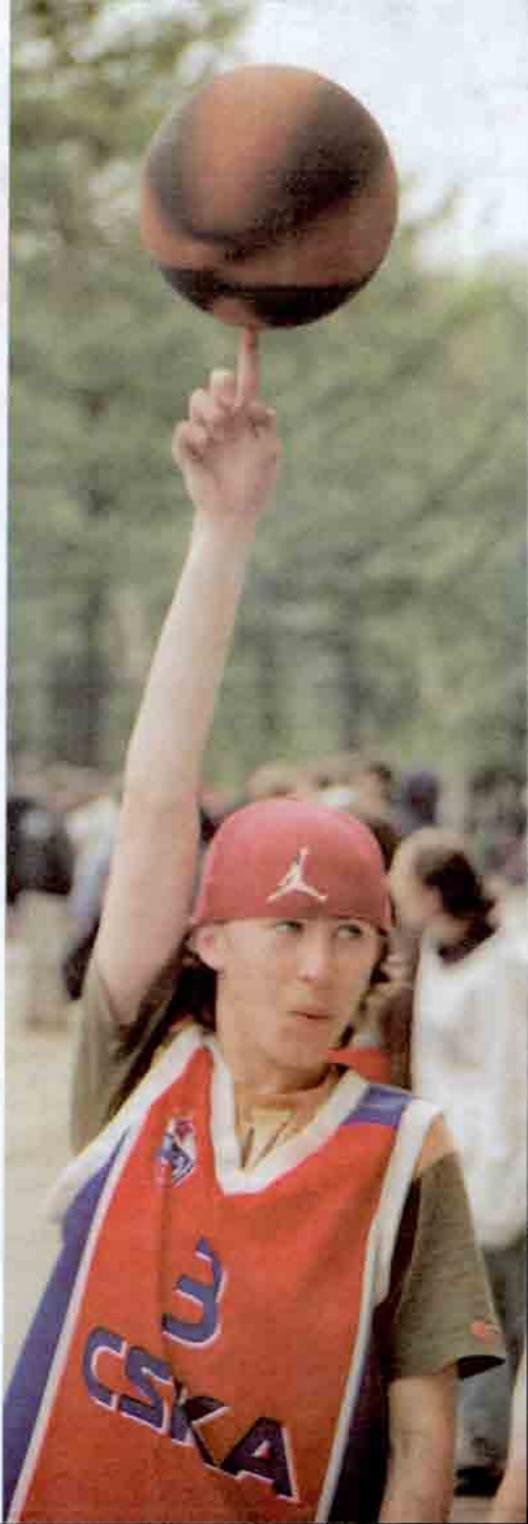
фото Владимира Чайшивили

кетбольной площадки, которую можно "сколотить" с друзьями за два дня. Все уложится в небольшую сумму, которую ты скономишь на нескольких "непоходах" в ночной клуб.

Правила не сильно отличаются от правил баскетбола. Но есть несколько принципиальных различий. Во-первых, команда состоит из трех человек, а не из пяти. Во-вторых, игра идет в одно кольцо. В остальном, все как в старом добром баскете, правда, немного пожестче. Игра начинается вбрасыванием мячика из-за ограничительной линии, противоположной от кольца. Право начать ее определяется жребием. Заканчивается — либо по истечении двадцати минут игрового времени, либо, когда одна из команд набирает шестнадцать очков, или еще, когда разница в счете составляет восемь очков. В случае ничьей игра продолжается до первого заброшенного мяча. Количество замен не ограничено, но запасной игрок может выступить в игру только после заброшенного командой мяча или перед вбрасыванием, путем которого мяч вводится в игру после аута. Если есть нарушения, мяч передается противоположной команде, и игра возобновляется. В случае возникновения спорной ситуации владение мячом определяется жребием. Только капитан может выступать от имени своей команды и подавать жалобы в случае возникновения разногласий. Команда имеет право на два тридцатисекундных тайм-аута. Однако время игры останавливается, если тайм-аут взят только в последние три минуты.

Судья-наблюдатель засекает время, ведет протокол игры и разрешает спорные ситуации.

В чемпионате по уличному баскетболу могут участвовать мальчики и девочки в возрасте от четырнадцати и дяденьки и тетеньки до сорока пяти лет. Однако те, кому еще не исполнилось шестнадцать, должны принести письменное разрешение от родителей. При регистрации в матче присутствие родителей также обязательно. Подавая заявку на участие в игре, команда тем самым подтверждает, что ее состояние здоровья соответствует критериям, по которым врачи

физкультурного диспансера допускает спортсмена к участию в соревнованиях. Организаторы турнира обеспечивают присутствие в игровой зоне дежурного врача.

Среди игроков в стритбол существует определенная классификация.

Профи. Люди, заслуживающие искреннего восхищения. Они либо родились с мячом в руках, либо, как впервые его увидели, так и не выпустили из своих рук, постоянно совершенствуя себя, свою игру. Настоящий профи понимает, что нет предела совершенству, и работает над собой день и ночь. Выкладывается в каждом матче по полной, на тренировках трудится в поте лица. Он хочет стать лучшим и, как правило, добивается этого. На предложение "пойдём поиграем", в его глазах загораются яркие огоньки спортивного азарта. Он способен добиваться результата, не жертвуя зрелищностью.

Becoming. Это молодые, горячие парни, мечтающие овладеть всеми стритбольными фишками. Они зависают на площадке целями днями, в их рюкзаке всегда лежит баскет-

больный мячик. Они хорошие игроки, но слишком суетные, делают массу необдуманных действий в игре. Им хочется добиться большего, но они пока еще не способны это сделать.

Jobber. Человек, который совершенно незамечен на площадке. Ему, конечно, интересно покидать мяч, но стакой же лёгкостью он сможет променять поход на спортивную площадку — на посещение кинотеатра или клуба. В игру его берут, как правило, в довесок.

Ламбера. Они либо настолько юны, что пока не могут осознать всю бесполезность своего пребывания на площадке, либо это клинический случай. Ламбера, как правило, не способны думать! Когда мяч подпрыгивает, они с ужасом отпрыгивают от него в другую сторону. Самое большое, что они могут сделать, так это в ужасе от надвигающегося защитника, швырнуть в сторону щита мяч, чтобы кто-нибудь его там подобрал. Ламбера владеют некоторыми фишками, но не умеют применять их в игре. Думается, если они начнут трудиться над собой и избавятся

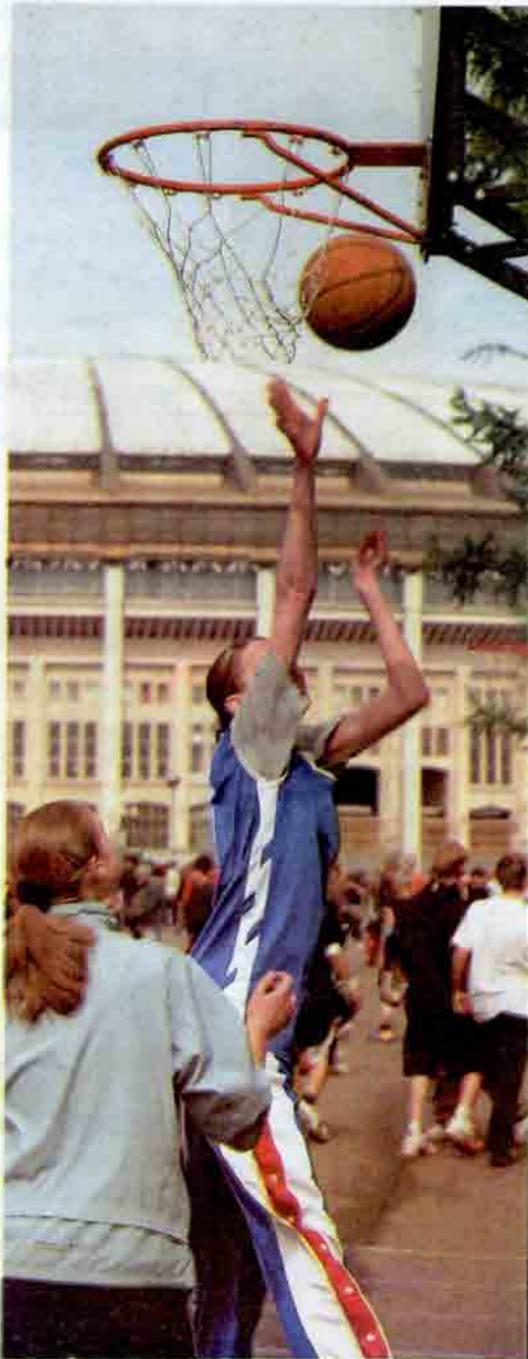
от всех своих пунктов, то смогут подняться до уровня becoming.

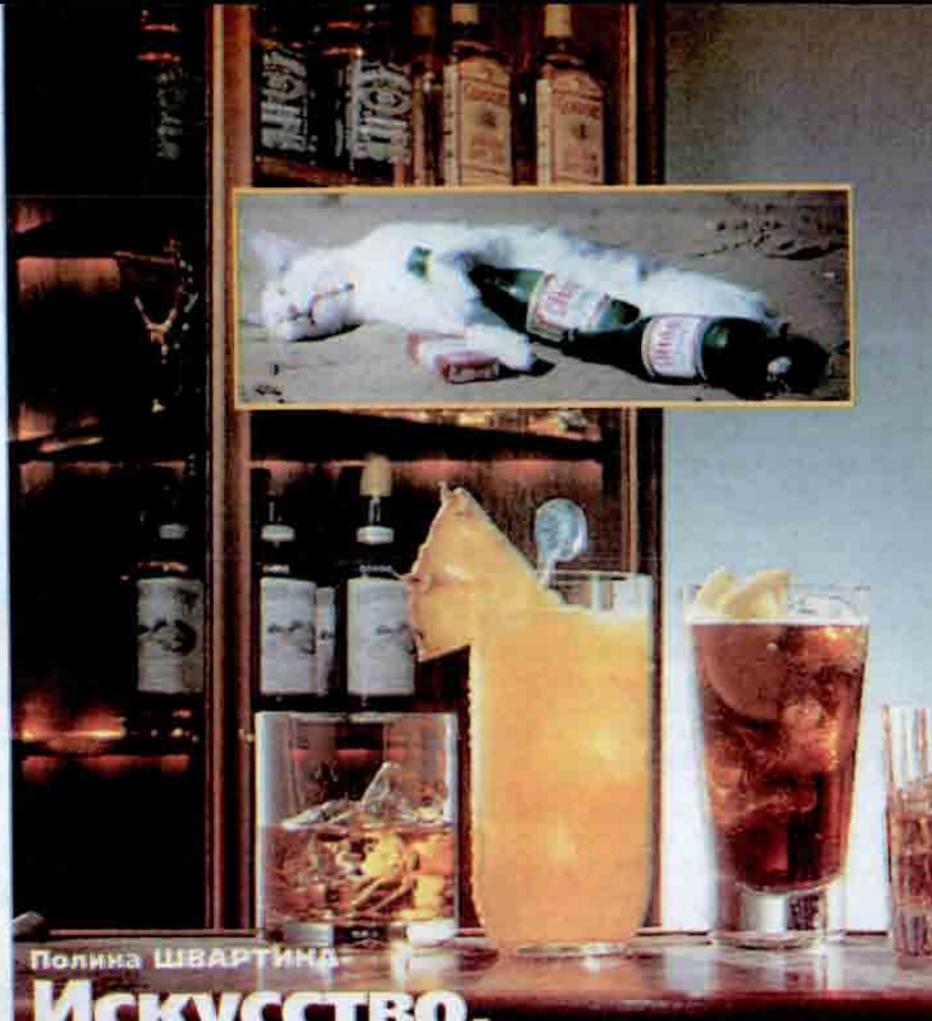
Что касается слабой половины человечества, то здесь существуют настоящие фанатки баскетбола, они часами смотрят по спутниковым каналам все игры НБА, записывают их на видеокассеты, а потом аккуратно складывают в шкаф, не дай Бог, хоть одна потеряется... Конечно, они когда-то играли за сборную школы, района или округа или просто учились в спортивной школе. Естественно, они круто играют, порой даже круче парней.

Вторая категория девушек — это те, которые думают, что классно играют, потому что как-то раз, на уроке физкультуры получили "пятерку", а на перемене обвели пятиклассника Борю и забили победные два очка. Они достаточно неумелые, но настырные. В защите им цены нет!

Третья категория — это девушки, которые откровенно не умеют играть.

"Молодой бульвар" пошел в разведку и, конечно, разузнал, где в нашей столице есть самые хорошие стритбольные площадки. Таковые обнаружены в районах Выхино и Жулебино. Конечно, им далеко до западных аналогов, но все в наших силах, лишь бы было желание. Как здорово утром или вечером, вместо того, чтобы тухнуть около телевизора или компьютера, взять в руки круглый мяч, спуститься во двор со своими друзьями и сыграть в спортивную игру. Вот и нет уже лишних килограммов, вот ты уже весел и бодр и не задыхаешься, взбегая вверх по лестнице. А главное, никаких отговорок быть не может. Ведь все в твоих руках, в буквальном и переносном смысле этой фразы. Мяч валяется под кроватью, а привесить корзину — дело пяти минут. Ты можешь играть в городе, на даче, на пикнике и где угодно. Даже отговорка, что нет денег на спорт, здесь неуместна. На этот вид спорта есть деньги практически у всех. Было бы желание, а спортивного задора читателям "Молодого бульвара", наверное, не занимать. Так что поднимайтесь, звоните друзьям и наращивайте мускулы, здоровье, спортивную форму и бодрость духа. А стритбол поможет вам в этом, ведь он всегда рядом, всегда под рукой.

Полина ШВАРТИНА

Искусство, которому надо учиться

Субботняя ночь... Модный московский клуб. Свет софитов и сигаретный дым, из-за которого перестаешь различать лица друзей и знакомых. Музыка гремит, тебя окружает множество танцующих тел. К барной стойке нереально притиснуться. Царит всеобщее веселье. В голове туман, а ноги немного подкашиваются. Но несмотря на

это, приятели подливают и подливают тебе... Вот рядом уже кому-то стало плохо, и он понесся к табличке с надписью "туалет", а кого-то другого охрана повела к выходу как засинчика пьяной драки. Большинство завсегдатаев клуба завтра ждет тяжелое утро с головной болью и тазиком под кроватью. Не хочешь быть в их числе, тогда читай

"Молодой бульвар". Он постарается дать тебе советы, как пить, что пить и сколько, как быть на вечеринке веселым и радостным, избежав негативных последствий.

Итак, ты не можешь позволить себе дорогой коньяк и сигару, но и травиться дешевой водкой не хочется. Ищи золотую середину. Тебе в этом помогут наши читатели.

Григорий. 21 год. "Лично мне больше всего нравится ром. И не только то радостное и легкое состояние, которое он приносит, но и сам процесс его питья. Потягивая этот напиток, я представляю себя кротким пиратом, избороздившим моря и океаны, а рядом прекрасную мулатку. Обожаю коктейли на основе рома — от них никогда не болит

голова, и они, кстати, не особо дорогие. Во Франции даже существует целая сеть баров, где подают огромное количество коктейлей на основе этого напитка. К тому же ром полезен для здоровья: он убивает вредные микробы и улучшает иммунитет".

Иван. 25 лет. "Ни один свой роман Эрнест Хемингуэй не написал без хорошей бутылочки рома. Все его герои периодически попивают этот напиток. И я, как человек творческий, следую примеру своего любимого писателя. А вспомните Ремарка! "Три товарища" не могли прожить ни дня без "Бокарди". И при этом никто не был алкоголиком и пьяницей".

Кира. 20 лет. "Я просто фанатка джина с тоником. Он очень бодрит, а в клубе быть в спортивной форме самое важное, ведь предстоит протанцевать всю ночь. К тому же джин дает ощущение холода, что очень здорово в душном помещении клуба. Англичане говорят об этом напитке, что он "холодный, как металлы".

Ольга. 20 лет. "Для вечеринки нет ничего лучшего, чем джин с грейпфрутовым соусом. Во-первых, весело, во-вторых, вкусно, в-третьих, не развозит, как от вина или более крепких напитков. Но, главное, не надо забывать о количестве. Этот напиток лучше всего потягивать маленькими глотками, а не заглатывать стаканами".

Исходя из нашего маленького социологического опроса, на первое место в алкогольном рейтинге вышли ром и джин. От них не болит голова, а коктейли, на основе рома и джина, не сильно бьют по нашему кошельку. Да и во всем мире эти напитки завоевали большую популярность. "Молодой бульвар" решил узнать о них поподробнее.

Ром производится из сахарного тростника, который известен человечеству с давних времен. Римляне называли его *saccharum* от слова *sarkara*, что означает "сахар" на древнем языке санскрит. Само слово ром впервые появилось в английской колонии, на островах Ямайка и Барбадос, приблизительно в 1600 году. На сегодняшней день основные страны — производители рома —

это Большие Антильские острова (Куба, Ямайка, Гаити, Пуэрто-Рико), Малые Антильские острова (Мартиника, Гваделупа, Тринидад, Барбадос), Доминиканская Республика, Южная Америка (Гвиана, Бразилия и Венесуэла), а также Соединенные Штаты, Мексика, Филиппины, Мадагаскар и Реюньон.

Различают несколько видов рома: промышленный, сельскохозяйственный и тафья. Основным сырьем для их производства, как уже было сказано, является сахарный тростник, растение, похожее на большой бамбук, в среднем четырехметровой высоты. Промышленный и сельскохозяйственный ром по вкусу и качеству практически не отличаются, а вот тафья — это ром очень низкого качества. Он производится в бедных странах только для местного потребления.

С давних пор ром — это обязательный атрибут даже самого маленького, самого скромного бара. Он прекрасно сочетается со всеми соками, особенно с лимонным, а также с кокосовым молоком и многими другими продуктами. Ром темного окраса употребляют в составе гротов, где его смешивают с сахаром, лимонным соком, корицей и горячей водой. Наши любимые дамские коктейльчики — это фруктовые Дайкири, Пина Колада, Лонг-Айленд Айст Ти, Банана Кау, которые так приятно потягивать в жару в летнем кафе, тоже делаются с помощью рома. Из закусок к ромовым коктейлям хорошо подходят: розовый и белый зефир, кусочки лимона и вишня в сахаре, порезанный на дольки киви, свежий ананас, черный виноград и лайм.

Джин. В начале семнадцатого века голландцы стали производить крепкое спиртное с можжевеловой ягодой, которое называли *jenever* или *genever*, что означает по-голландски "можжевельник". Этот напиток продавался в аптеках и применялся при лечении болезней желудка, подагры и желчных камней. Во время Тридцатилетней войны британские солдаты открыли для себя согревающие свойства можжевелового напитка и привезли его в родную Англию, где он также продавался в аптеках. Затем анг-

личане решили делать крепкое спиртное с добавлением этой чудо-ягоды, которое называли *gin*. Конечно, его качество в то время было сомнительным. Прадед джина представлял из себя странное сладковатое варево и стоил очень недорого. Но грандиозный успех джина не заставил себя долго ждать. Сначала он считался напитком низших слоев населения, стремящихся на время отвлечься от своей трудной жизни и нищеты. Но вскоре, благодаря строгому контролю за качеством и ценой, джин постепенно изменил свой статус. Он стал гораздо чище, потерял сладковатый вкус и обрел такое замечательное качество, как легкость. Его любили лорды, пэры, королевский двор и весь мир.

Конечно же, самый известный коктейль на основе джина — джин-тоник. Он впервые был смешан британскими солдатами, воевавшими в Индии. Тоник, напиток на основе хинина, очень хорошо помогал бороться с малярией, нередкой в тех краях. И ничто не утоляло жажду солдат лучше, чем их любимое спиртное в сочетании с тоником.

Хотите почувствовать себя настоящим Джеймсом Бондом, закажите сухой мартини, замешанный на основе джина и сухого вермута. Не забудьте попросить у бармена или официанта несколько оливок, которые придаст напитку более терпкий вкус.

Не пугайтесь, если вам предложат выпить розового джина, он не содержит никаких красителей, а приятный розовый оттенок ему придает горькая настойка биттерз. Любите мороженое и клубнику, значит, коктейль "Клубничный рассвет" изобрели именно для вас. С джином можно фантазировать бесконечно: смешивать его с шерри-брэнди и с арбузным соком, с кампари и кунжутом, — все будет очень вкусно, а главное, вы будете в нужном тонусе целую ночь, если, конечно, не забудете совета Ольги, "потягивать любимые напитки, а не заглатывать их стакан за стаканом". Надеемся, что на это у вас не хватит денег. А если хватит, не забывайте, что умение пить и получать от этого удовольствие — настоящее искусство, которому никогда не поздно учиться. ■

Страсты по супу, или Чардаш в тарелке

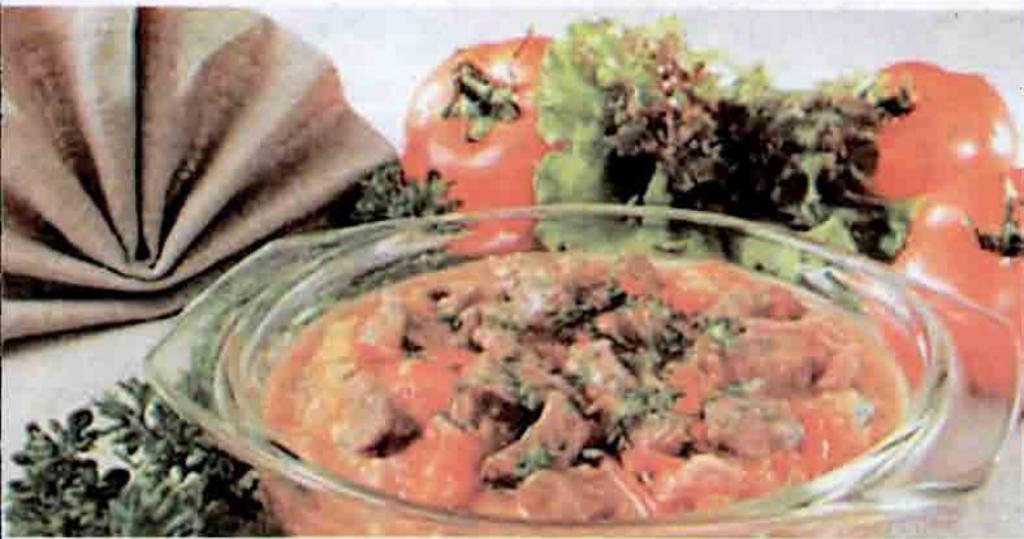
Готова спорить, что то блюдо, про которое я сегодня буду рассказывать, вы наверняка ели. Хотя бы один раз в жизни, потому что ходили в советский или российский детский сад перестроечного периода. Один раз — потому что, чтобы подать это блюдо детям, надо было испортить его до неизвестности, убрать всю остроту, которая мелким не положена; а также превратить из первого блюда во второе. Впрочем, споры о том, что же это — густой суп или жидкое второе — идут до сих пор... Если же вас миновала чаша детского дошкольного учреждения, то уж ваша мама наверняка готовила это блюдо, причем гораздо вкуснее, чем в общепите. Не могла не готовить, ведь тогда были очень популярны блюда "братских республик". А эта республика всегда называла себя "самым веселым бараком социалистического лагеря". Еще не догадались? Это Венгрия, а кушанье, соответственно — настоящий венгерский гуляш!

В десятом веке официальная и утвержденная молитва всех католиков Европы звучала так: "Господи, защити нас от меча норманна и стрелы мадьяра". (То бишь венгра.) Я бы добавила еще — от остроты венгерских блюд, которые, впрочем, множество едоков находит весьма привлекательными именно из-за этой самой, ставшей притчей во языцах, остроты.

Гуляш появился еще раньше этой утвержденной молитвы — в девятом веке. То есть, надо полагать, что венгры есть начали раньше, чем воевать. А наевшись столь острой пищи, так же остро заточили свои стрелы в сторону пресноедящих европейцев.

Как и всякая ставшая популярной на века еда, вроде итальянской пиццы или испанской пасты, гуляш зародился в народе и очень долгое время считался пищей бедняков. И лишь в девятнадцатом столетии, во время борьбы за национальную независимость Венгрии, "перекочевал" в меню богатых домов. Так что буржуи от борьбы за независимость даже выиграли — какое блюдо получили, а то так бы и питались рябчиками да ананасами!

Слово "gulyas" по-венгерски означает "пастух". Первоначально блюдо состояло из кусков мяса и лука, готовящихся в воде на медленном огне до тех пор, пока не выкипала вся жидкость. Затем мясо высушивалось на солнце. Такой "полуфабрикат" в дальнейшем использовался для приготовления тушеного блюда, для чего высушенное мясо просто повторно варили в кипящей воде. Разумеется, с тех пор рецепт претерпел значительные изменения. Причем в лучшую сторону.

Вернемся к советскому общепиту. В этом досточтимом заведении почему-то считали, что это второе. И были в корне не правы, потому что на самом деле, гуляш — очень густой суп, вкусный, острый и жирный, так что больным язвой желудка приношу свои извинения — не для вас.

Готовится гуляш совсем несложно, так что особых кулинарных талантов и редких ингредиентов вам не потребуется. А потребуется для начала грамм восемьсот филе говядины. Его надо нарезать кубиками, сложить в кастрюлю и залить 3 литрами холодной воды. Кастрюля — обычная, вода — проточная, все без напряга, венгры — народ веселый и напрягаться не любят. Как только вода закипит, снять с нее пену, посолить (не пену, а воду) и варить на слабом огне 40 минут. Следующий шаг — овощи. Понадобится 3 сладких перца разных цветов (знаю, что по вкусу они одинаковые, но ведь красота какая получится, тут тебе и желтый, и красный, и зеленый — лепота!). Из них нужно удалить семена и белые прожилки, оставшуюся мякоть нарезать квадратиками. Если не лень, можно ромбиками или овальчиками — вкус не пострадает, но оно вам надо? Теперь одну луковицу измельчаем с поистине мадьярской жестокостью, 3 помидора режем дольками, 1 морковку нарезаем кружочками, а 5

картофелин — кубиками. Затем всю эту геометрию кидаем в бульон в следующем порядке — сначала сладкий перец, потом лук, морковь и помидоры. Картофель пока не кладем, а кладем... Фанфары — то самое, что сделает гуляш настоящим венгерским гуляшом — жгучий перец! Половинку свежего и половинку сушеного. Их надо мелко порубить прямо вместе с зернышками, ибо в них как раз и содержится необходимая нам жгучесть. В бульон! Теперь можно положить и картофель. Готовиться гуляш должен минут 30-40 на слабом огне. В самом конце варки (теперь поняли, что это все-таки суп?) добавить 1 чайную ложку приправы для гуляша, 1 чайную ложку молотой паприки, по столовой ложке рубленого укропа и петрушки. И не забудьте посолить.

Вот, собственно, и все! Ничего сложного. Подавать гуляш можно и с пивом, и с водкой, но лучше всего с настоящим венгерским красным вином "Бычья кровь". Ведь только оно способно смягчить вкус правильно приготовленного гуляша. Да и терпкость его прямо-таки заставляет ощутить себя лихим усатым мадьяром с заточенной стрелой, мчащимся по степи, а потом устало присаживающимся у костра, чтобы из глиняной миски деревянной ложкой зачерпнуть огненное чудо... ■

Пишите Анке!

С удовольствием читаю ваш журнал уже более двадцати лет. Больше всего нравятся повести и рассказы, исторические очерки, но знакомлюсь с материалами "Молодого бульвара".

Решил-таки отреагировать на недавно прочитанную небольшую статью Полины Теслер "Чья игра бейсбол?"

Я не большой знаток этого вида спорта, но смотрел по ТВ последние два финала "Мировых серий", чтобы разобраться в правилах, купил книгу кубинского тренера Х.Э. де ла Эррана.

Так вот, когда П. Теслер переходит к краткому описанию правил игры, то пишет:

"...Если один из защитников сумеет поймать мяч до того, как он коснется земли, то бьющий выходит в аут, что позволяет защищающимся получить очко".

Команда не получает очков в защите, она может, выведя из игры трех нападающих, сама перейти к игре в нападении. Далее, переходя к терминам, сразу несколько ошибок.

"Бол" — это когда мяч не попадает в зону "страйка" (удар битой), ошибка питчера. Соответственно, "страйк" — зона, определяемая судьей, воображаемое пространство над домом, ограниченное верхней частью коленей и подмышками бьющего. Три броска в зону "страйка", не отбитые нападающим, — и последний выбывает из игры. "Присужденная встреча" — при преимуществе в 10 очков игра прекращается как бы за явным преимуществом. При чем здесь "...наказание команды, грубо нарушившей правила"? Почему приводится термин "инфилд-флай", а не "инфилд" — внутреннее поле и "аутфилд" — внешнее поле, вроде как более важные понятия.

Не многовато ли неточностей, вводящих неинформированного читателя в заблуждение, для такой маленькой статьи.

С уважением, Валентин Широков,
47 лет, инженер, Москва

Уважаемый Валентин, всё действительно так, как вы и говорите. Неточностей и правда много, только заметили мы их слишком поздно — ничего изменить было уже нельзя. Да и автор здесь не до конца виноват — подкачал источник. А то, что информацию не своевременно проверили — вина уже наша.

А не так давно ко мне пришло настолько занимательное письмо от одного из наших вдумчивых, но анонимных читателей, что я тут же решила его опубликовать, причем сохранив всю авторскую орфографию и пунктуацию — так уж оно меня за душу тронуло. Итак, наслаждайтесь...

"Недавно, совершенно случайно, мне в руки попал ваш журнал. И он, буквально, шокировал меня глупостью и некомпетентностью "писак" (журналистами их язык не поворачивается назвать.) А именно участников "молодежного бульвара" Ника Сигарищенко и его приспешника Кирилла Подоляк. Последний, возможно под чьюто указку, написал свою статью "Смертельная музыка". В которой он пытался всячески очернить хеви метал и рок в целом. Его нападки упирались в сугубо личное мнение (а потому оно не могло быть объективным), как правило не подтверждающееся сколько ни будь весомыми фактами. Подоляк явно не знаком с металлической сценой, потому как слушая хотябы МУЗ. коллективы: KRUGER, Легион, Мастер, Ария и Маврин (на самом деле группа называется Маврик — прим. ред.) он бы врятли написал в своей статье такие слова: "...На большой сцене переодически появляются коллективы, которые пытаются что-то проповедовать. Чаще всего беспорядочные половые контакты, борьбу с обществом, родителями, суэтцид.... Сами авторы врятли верят в то что пишут — они работают на толпу, Выплескивая на

нее свои дурные эмоции..” Признаюсь не помню ни одной группы, которая подпадала бы под эти слова. Возможно не совсем здоровый Кирилл Подоляк спутал “эмоции” со своей головой. Я знаю много поклонников метала, все они в основном общительные, разносторонние люди способные размышлять не по шаблону, а из статьи я узнал, что на самом деле они: “Закомплексованные, неполноценные, психически неуравновешенные и просто больные люди.” Получается, по словам Подоляка фанаты метала просто помои и отбросы общества.

Ну об Нике Сигарищенко разговор вообще отдельный. Что он считает себя на голову, а то и две, выше всех остальных это понятно после прочтения любой его статьи. Почти в каждом “Теле Обозрении” встречается некто Гирькин, который наверняка, по замыслу автора характеризует тупой народ. Конечно на фоне “недовеска” Ник выглядит весомым интеллигентом. Но трезво мыслящие люди прочитав его статьи зададутся вопросом:

— А чем лучше ты? Если не разобравшись лезешь открывать всем глаза. Выражая свое мнение Сигарищенко наверно не замечает, что судит однобоко. В 5 выпуске за 2005 год Грязный гнев Ника обрушился на геев, против которых, по его собственному заверению, он не имеет ничего против, типа пусть живут. Но когда они в наглую посыпали прийти в ресторан, где сам Ник уламывал девушку лечь с ним в постель, чаша терпения его переполнилась. При этом геи в его статье обозначаются, как люди второго сорта (недолюди). Это из одной оперы с высказыванием: “Мы готовы терпеть нищих, но когда они начинают еще и просить милостыню, это уже слишком”.

Досталось и “Дому — 2”, который посмел не понравиться Сигарищенко. Лично я ничего развратного, а уж тем более аморального в этом реалити шоу не усмотрел, но куда мне серой однообразности до зоркого глаза Сигарищенко, кото-

рый и луже докажет, что она не там разместилась. Просто на мой взгляд некоторые люди так и не научились уважать чужую свободу и чужое мнение. Я хочу посоветовать им, не ходить с постоянно задраным носом, а хоть иногда смотреть под ноги чтобы не споткнуться.

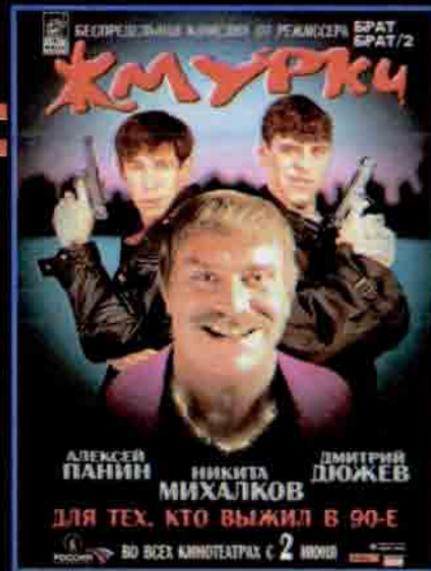
В журнале указано, что он основан в 1924 году. Давольно впечатляющее долголетие, оно могло бы вызвать уважение, но пока есть такие близорукие, зазнавшиеся писаки, как Сигарищенко и Подоляк, выражающие лично-однобокие взгляды ни о каком уважении не может идти и речи, так как кроме раздражения они ничего не вызывают. Надеюсь что они изменятся за свою некомпетентность. Так что пусть “пятнадцатилетние мальчики любят друг друга, тринадцатилетние девочки смотрят группу Тату” А зажравшиеся, большие люди Ник Сигарищенко и Кирилл Подоляк пишут Свои “Великие” Статьи.

Хранитель Асгардских Ценностей
Князь GlooM. F./k. “Асгард”
Алтайский край

Позвольте мне не комментировать это письмо, хотя очень хочется. Но политкорректность, знаете ли... Лишь замечу, Кирилл Подоляк, которого вы упрекаете в некомпетентности, в музыкальной тематике может дать фору кому угодно. А если вы,уважаемый Хранитель, всё же внимательно читали, то, на что так обрушились, вы наверняка бы заметили, что ни сексуального, ни расистского контекста у Ника не было. Другой вопрос, где вы взяли цитату “Мы готовы терпеть нищих, но когда они начинают еще и просить милостыню, это уже слишком”? Всей редакцией читали вдоль и поперёк номер, “случайно” попавший вам в руки, — не нашли.

А если кому и нужно учиться уважать чужое мнение — так это, извините, вам.

Письма читала заслуженный почтарь России — Анка САМОЧЕТИЦА.

ЖМУРКИ комедия с элементами триллера

Режиссер: Алексей Балабанов

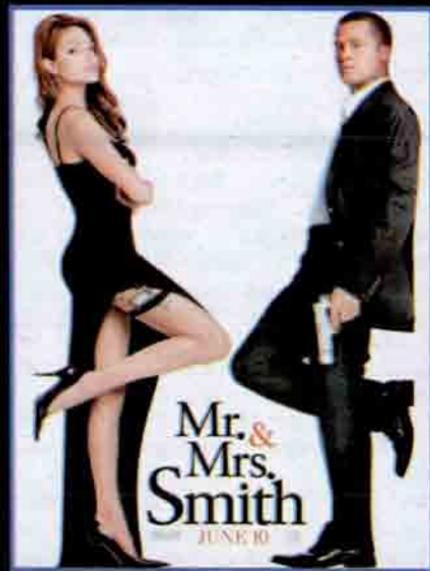
Композитор: Вячеслав Бутусов

Продолжительность: 105 мин.

Производитель: Made In Russia, 2005, Россия

В главных ролях: Алексей Панин, Никита Михалков, Сергей Маковецкий, Дмитрий Певцов, Гарик Сукачев и другие.

Начало девяностых, расцвет движения "Новый русский" (крутя машина, малиновый пиджак, кирпичнообразная мобила, золотая цепь и так далее). Балабанов представляет нам очередной фильм про бандитские разборки. Сюжет крутится вокруг чемоданчика с героином. Если Саймон и Сергей не вернут его в срок местному "барамы", то им в теле бесплатно сделают некоторое количество лишних дырок. В криминальных кругах каждая ошибка исправляется контрольным выстрелом в голову. Хорошая игра актеров, остроумные диалоги не заставят вас скучать. Юмор местами очень черный, поэтому фильм предназначен не для слабонервных...

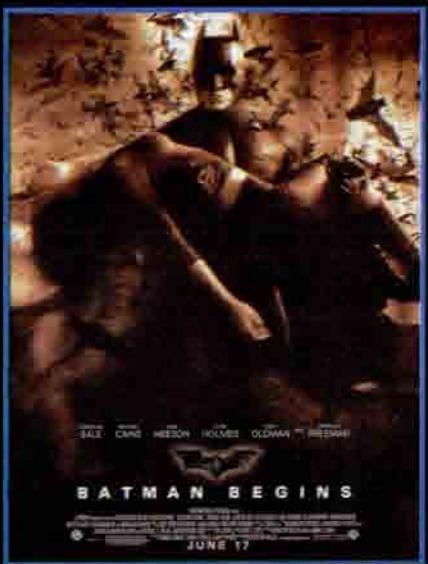
МИСТЕР И МИССИС СМИТ стрелялка с элементами смешного

Режиссер: Даг Лиман ("Идентификация Борна")

Производитель: "Noname", 2005, США

В главных ролях: Брэд Питт, Анджелина Джоли, Элайджа Александр и другие.

Перед нами новая картина молодого режиссера. На этот раз он решил по пробовать себя в жанре комедийного боевика, а ля "Девять с половиной ярдов". Как гласит нетленное правило Голливуда: "Одна звезда — залог успеха, две — гарантия провала". Но не спешите делать выводы, все же сюжет претендует на оригинальность. Мы видим жизнь молодых супружес, которые усердно пытаются утаить друг от друга род своей настоящей деятельности — оба профессиональные наемные убийцы, работающие на конкурирующие группировки. Все бы ничего, но вот незадача — через некоторое время боссы приказывают им убрать друг друга...

БЭТМЭН боевик по мотивам комиксов

Режиссер: Кристофер Нолан
Производитель: Warner Brothers, 2005, США
В главных ролях: Кристиан Бэйл, Майкл Кейн, Лайам Нисон и другие.

Любят на западе делать из хороших фильмов сериалы. Первые две серии про человека-летучую мышь блестящие сняты и сыграны, а все, что было после — так, безделушки. Но, нет, они все равно продолжают вкладывать десятки миллионов зеленых бумажек. Лукас снял предысторию своей трилогии "Звездные войны", в результате породил моду на приквелы. Теперь мы узнаем, как появился Бэтмэн. Молодой Брюс Уэйн, после смерти родителей и получения в наследство огромного состояния, теряет смысл жизни и отправляется скитаться по миру. Препятствия, лишения и невзгоды закаляют его характер, а один добрый человек помогает ему найти себя в этом мире. В результате, Брюс возвращается в родной город и становится грозой преступного мира...

ВОЙНА МИРОВ фантастика

Режиссер: Стивен Спилберг
Производитель: "Wild Wild West", 2005, США
В главных ролях: Том Круз, Дакота Фаннинг, Колин Уилсон.

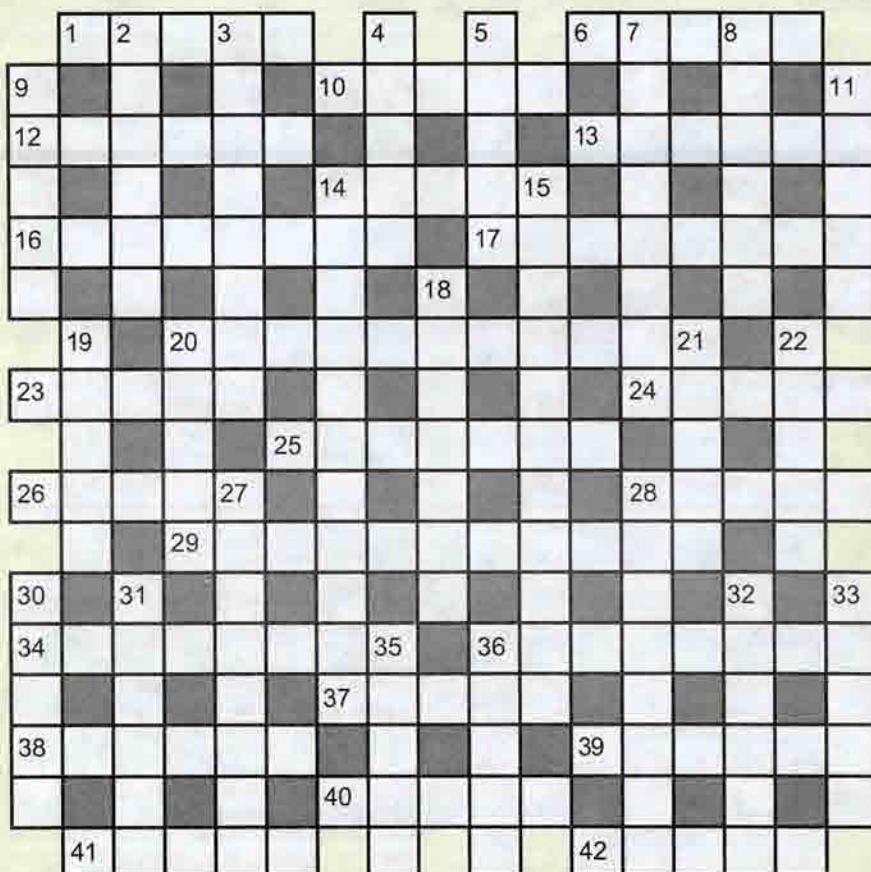
Зная роман гениального английского писателя Герберта Уэллса, легко предположить, о чем этот фильм. Создатели картины решили снять историю по мотивам романа, а не его полную экранизацию. Действие происходит в наше время.

Неожиданно на Землю нападают злобные инопланетяне и начинают палить по всему, что движется и не движется. Главный герой — не качок с термоядерным бластером, а обычный человек, который всего лишь хочет спасти свою семью от смерти.

Земля в хаосе, но забота о родных побуждает идти до конца и бороться против захватчиков...

Анжелика

DVD-VIDEO

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. "Святая..." — картина Рафаэля, особенно привлекшая внимание Гете в Болонье. 6. Изложение, описание в общих чертах. 10. И загородка для скота, и стоячие места для зрителей балагана. 12. Краткий вывод о прочитанном. 13. Вечерний костюм для невыхода из дома. 14. Инталья или камея. 16. Металл, которого нет в морской воде. 17. Толчая на транспорте в часы пик. 20. Секстина по-русски. 23. Фаза созревания зерна. 24. Мотоциклетные гонки в торосах. 25. Герой-освободитель латиноамериканских колоний Испании, в чью честь названо одно из государств. 26. Бытовой, домашний, душевный, нравственный, семейный, старинный, феодально-родовой. 28. Гофмановский крошка по прозванию Циннобер. 29. Самая звонкая китайская валюта, ходившая в старину. 34. Днепр у древних греков — Борисфен, у римлян — Данаприс, у турок — Узу. А у живущих по его берегам народов? 36. Культовая башня от трех до семи ярусов из кирпича-сырца у на-

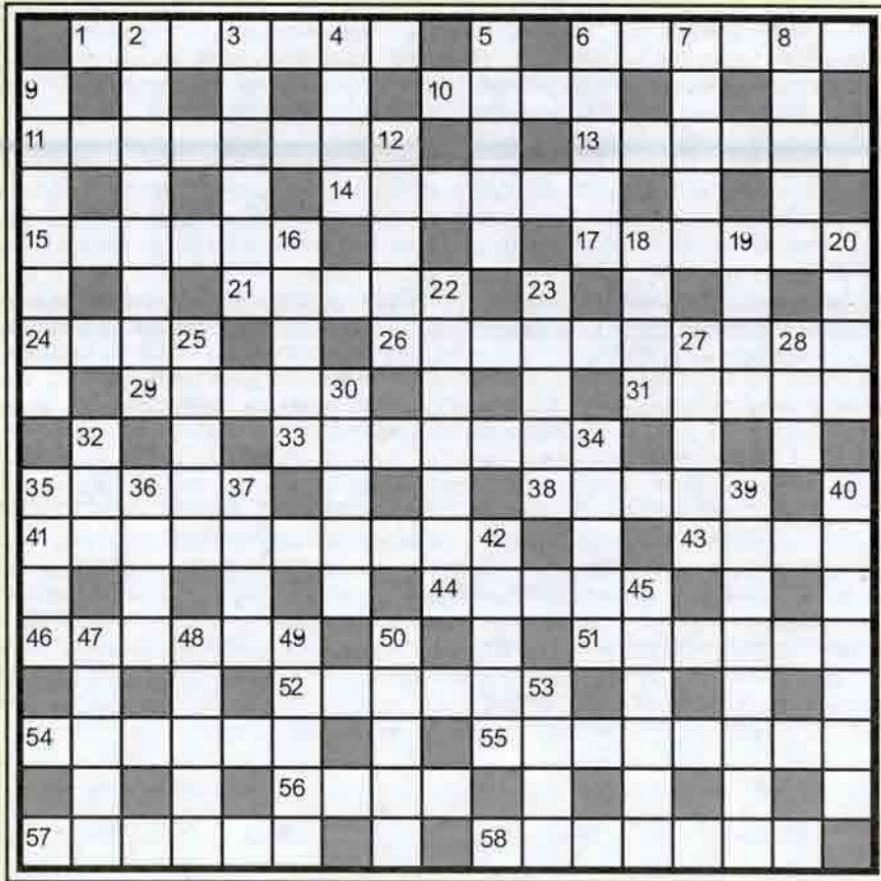
родов Месопотамии. 37. "Король Лир" советского кино. 38. Пернатый морской разбойник, грабящий бакланов, крачек, олуш, пеликанов, чаек. 39. Первый человек, которого увидел Колумб, открыв Америку. 40. Внешний вид не только человека, но и, скажем, села. 41. Урожайная работа. 42. Кисломолочный среднеазиатский напиток, какой обычно используют в день приготовления.

По вертикали. 2. Одно из копытных, на которых охотился Э. Хемингуэй во время африканской экспедиции 1934 года. 3. Дьяк, чей "Временник" издан в серии "Литературные памятники". 4. "Хранительная темница" в поэме А. Пушкина "Бахчисарайский фонтан". 5. "Бездушная счетная машина" в глазах Конан Дойла. 7. "Вечерний изумруд". 8. Материал колонны, на которой Дева Мария чудесно явилась апостолу Иакову. 9. Наличный объект; послюнявить его в Японии значит: не проведешь, я вижу тебя нас kvозь. 11. Драгоценная универсальная мера, определяющая достоинство жениха. 14. Понимание искусства в обжорном ряду. 15. Лучистый минерал, хороший поисковый признак на цинковые руды. 18. Северный американский житель, с удовольствием уплетающий весьма уже запашистое мясо. 19. Пьеса, на repetиции которой в Художественном театре А. Чехов в 1898 году познакомился с актрисой Ольгой Книппер. 20. Шлем, защищавший Александра Невского. 21. Иртышский мыслитель из песни. 22. Орудийное основание, в том числе и "Царь-пушки" А. Чохова. 27. Создатель учения о географических зонах, основатель первой в России кафедры почвоведения. 28. Металл, из которого был реактор на первой американской подводной лодке "Наутилус". 30. Таджикский поэт, погибший в 1945 году на фронте. 31. Образ действия, прием, способ. 32. "Фронтовики, наденьте...!" (из песни). 33. Обычную видно по полету, а важную — по походке. 35. Хевсурское фехтование на шашках со щитами, бывшее в старину дуэльным поединком. 36. Каждый из ветров в козьем мехе, полученном Одиссеем от Эола.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 1. Порох. 4. Весть. 6. Ангел. 9. Янчул. 10. Угрев. 12. Циста. 14. Ивка. 16. Лета. 17. Экспромт. 20. Доклад. 23. Бизон. 25. Смех. 26. Шатун. 27. Фриши. 28. Мираб. 30. Драчун. 33. Нотариус. 37. Маша. 38. Куба. 39. Лаури. 41. Раджа. 42. Лобан. 43. Есаул. 44. Юноша. 45. Актер.

По вертикали. 1. Пьявко. 2. Речь. 3. Халцедон. 4. Впуск. 5. Скрип. 7. "Гусак". 8. Лиана. 11. Евро. 13. Итон. 15. Амбар. 17. Эксод. 18. Сцена. 19. Титан. 21. Ларни. 22. Дюшес. 24. ...зубок. 26. Шиншилла. 28. Муар. 29. Жаба. 31. Рулле. 32. Чмура. 34. Турнюр. 35. Радио. 36. Удача. 40. Обет.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Долгое путешествие с приключениями. 6. "Мадам мисс", приставленная к Лизе Муромской в "Барышне-крестьянке" А. Пушкина. 10. Французский кинорежиссер, женатый на Флоранс — дочери А. Мальро. 11. Советский актер, чья фамилия намекает на аплодисменты. 13. Герой, считающий, что красота спасет мир. 14. На своих двоих. 15. Обычное у крымчан название источника. 17. Антагонист Мальчиша-Кибальчиша. 21. Столько, сколько надо или сколько положено. 24. Композитор, чья "Альцеста" была любимой оперой Бомарше. 26. Последняя выдающаяся балерина Петербургского императорского балета. 29. Предмет коллекционирования М. Горького. 31. Американская обезьяна, чьи утренние концерты слышны за километры. 33. Ночлежка для благородных девиц в институте. 35. Восточный змеевик-затейник. 38. Писатель, чья пьеса "Чаттертон" породила во Франции немало самоубийств. 41. Распространение растений (плодов, семян, спор)

ветром. 43. Спутник стыда. 44. Жрец у кельтов, бывший также и судьей. 46. Белая намотка на голове мусульманина-ученого. 51. "Разум, блещущий алмазом" (Мари Жозеф Шенье). 52. Джигит античного цирка. 54. Христианский аскет, больше 40 лет проведший на столбе без защиты от дождя и солнца, ежедневно отвешивая тысячи поклонов. 55. Самоцвет, чья голубая разновидность — символ штата Небраска. 56. Орнаментальный знак туркменского ковра. 57. Святая католической церкви, погибшая от рук гуннов вместе с девушкой Ундецимиллой (от этого имени и возникла легенда о якобы сопровождавших святую 11 тысячах дев). 58. Экстремальное поведение, устраивающее влюбленную женщину больше, чем равнодушие.

По вертикали. 2. Художник, друг П. Мериме, изобразивший писателя в виде испанки для книги "Театр Клары Гасуль". 3. Самый красивый сокол. 4. Село Дмитрия Донского, где в 1468 году на паперти храма родился Василий Блаженный. 5. Чистые, предназначенные для росписи изделия у художников-керамистов. 6. Бельгийское село, у которого французы в ноябре 1792 года расколошматили австрийскую армию. 7. От горшка полвершка (ваза). 8. Самая крупная из карликовых антилоп Африки. 9. Одно из русских названий колдобины по большому горшку. 12. Город, где эдикт Карла V объявил в 1521 году Лютера еретиком, а значит, вне закона. 16. Мебель, которой А.Ш. Булль заменил сундуки. 18. Валюта, замененная в 1795 году франком. 19. "Родильный дом" Иисуса Христа. 20. Каждый из крестьян Британии, восставших в 1792 году против революционного Парижа. 22. Человек без родины (таковыми оказались миллионы бежавших от большевиков россиян). 23. Писанный закон для человека с ружьем. 25. Степная и горная трава, образующая перекати-поле. 27. Римский ученый, "Цицерон среди медиков", автор энциклопедии "Искусства". 28. Индийский булат, упоминаемый еще Аристотелем. 30. Водевильная актриса, на любовь к которой Жерар де Нерваль истратил наследное состояние — на букеты, бинокли и дорогие трости, какие ломал всякий раз об пол, приветствуя выход любимой на сцену. 32. Большая посудина, важный предмет культа у хлыстов. 34. Насморк у медиков. 35. Река, из которой В. Маяковский советовал пить "воспаленной губой" ("Хорошо!"). 36. Ливанское дерево; его не точит червь. 37. Каждый цветок на "Автопортрете с сестрой" В. Борисова-Мусатова. 39. Мать П. Вяземского по национальности. 40. Предприятие или учреждение, выпускающее в обращение деньги и ценные бумаги. 42. Немецкий композитор, дописавший оперу Ф. Бузони "Доктор Фауст". 45. Полное название маньчжурской династии, правившей в Китае в 1644-1911 годах. 47. Гражданин в Древнем Риме от 17 до 46 лет, годный для военной службы. 48. Советская певица, лучшая Чио-Чио-сан на конкурсе в Японии в 1967 году. 49. "Живопись южной школы" в Японии, возникшая в XVII веке под влиянием китайской живописи. 50. Рыба, чье название возникло от слова, означающего "круглый, полный". 53. Легендарная "тридцатьчетверка". ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 1. Клуж. 5. Енгибаров. 10. Щёкот. 12. Дрил. 13. Провенкале. 14. Пчелоед. 16. Бруска. 17. Голос. 18. Теург. 20. Хичкок. 21. Чертков. 22. Янчук. 28. Колам. 29. Эмблема. 30. Айован. 32. Мотет. 33. Юдина. 34. Тревитик. 36. Вилорог. 39. Заболоцкий. 40. Лили. 41. Надув. 42. Флоренция. 43. Сейм.

По вертикали. 1. Куду. 2. Ущип. 3. ...желчность. 4. Шокли. 6. Нард. 7. Изверг. 8. Агностик. 9. Одалиска... 11. Цесарка. 13. Пелей. 15. Роден. 16. Брант. 19. Солон. 20. Хурма. 23. Замок. 24. Гладиолус. 25. Аминь. 26. Чартизм. 27. Волейбол. 28. Капилляр. 31. Гений. 32. Миоцен. 35. ...Фокас... 36. Виги. 37. Гиве. 38. Ритм.

Татьяна

Устинова

— Наконец-то, вышел ваш долгожданный новый роман "Дом-фантом в приданое". Там такое количество убийств, которого не было ни в одной вашей книге. Что повлияло на кровожадность? Криминогенная обстановка в стране? Конкретные случаи из жизни? Желание отомстить прототипам "плохих" героев?

— Разумеется, к реальной криминальной ситуации мой детектив не имеет никакого отношения, как ни один детектив, что бы про него ни выдумывали авторы, не имеет никакого отношения к тому горю, крови, грязи, отчаянию и ужасу, из которого, собственно, и состоит реальное убийство!

— Откуда сюжет о приезжей провинциалке? Это значимая для вас тема?

— Это смешная для меня тема. Я пишу детективы. Я не пишу историю мытарств провинциальной барышни в Москве и превращения бывшей отличницы и внучки учительницы литературы в проститутку или уличную торговку! Ну, так получилось. Я работаю в таком жанре, который разрешает мне быть немного бесшабашной и исполнить самые немыслимые желания. У меня нет ограничителя, и у героев его тоже нет, вот и все дела! Что до темы приезжих, то, разумеется, она очень актуальна для Москвы. Достаточно посмотреть программу "Чрезвычайное происшествие" или "Дорожный патруль", и эта тема буквально поднимется из любой данной программы в полный рост!

— Героини очень разные, по характеру. Но счастье у них одно и то же. Жених богатый и хороший и работа с перспективой. Это главные критерии счастья у человека? Могут ли писатели развлекательных романов показать какое-то иное счастье? Такое маленькое счастье, но реальное. А то перебор получается какой-то. Все сразу...

— Конечно, писатели могут предложить любое счастье! И хорошее образование при полной нищете, и то, что бабушку разбил паралич, но она мучилась не десять лет, а только пять, и потом скончалась без агонии, и еще счастье обретения веры в Господа и отречения от себя. Писатели могут все. В детективе, по моему глубочайшему убеждению, должна быть награда, полная и безусловная. Все и сразу. И работа, и зарплата, и жених хороший, и матушка добрая, и дети веселые, и машина "мерседес", а не "Запорожец", что характерно! Предложить обществу какой-то другой вариант счастья я не могу и не хочу. Кроме того, будучи человеком абсолютно приземленным, я искренне верю в то, что в работе и зарплате нет, ну, абсолютно ничего плохого!

— Почему героиня из Ростова-на-Дону? А не из Санкт-Петербурга, например?

— Потому что Санкт-Петербург, который я искренне люблю, не провинция, а столица, а нужна была именно провинциальная барышня. Кроме того, в Ростве-на-Дону живет очаровательная журналистка Катя Новицкая, прототип моей героини. Я с ней познакомилась в прошлом году, когда была в Ростове.

— Ходят слухи, что в сюжет новой книги "Дом-phantom в приданое" вошли реальные события, которые происходили в одном доме на "Чистых прудах", которого нет в планах города? Разве такие дома могут быть в Москве?

— События, которые происходят в моем детективе, больше нигде и никогда не происходили, а дом такой есть — я сама слышала о нем в одной программе.

— Изменились ли ваши герои? Сюжетные линии? Мораль?

— Должно быть, на этот вопрос легче ответить моим читателям, изменились герои или нет! Что касается сюжетных линий, то они были и остались запутанными и неясными — детектив все-таки! С моралью тоже беда — делай, что должно, и будь что будет, вот и вся мораль, заключенная в моих книжках. Как была такой, так такой и осталась.

— Что вам нужно, чтобы чувствовать себя комфортно?

— Чтобы все были здоровы и по возможности довольны жизнью. Чтобы я знала, что у меня впереди хороший вечер, что когда-нибудь я поеду в отпуск, что "Дом-phantom" понравился читателям. Чтобы у меня были деньги, чтобы заплатить за лечение родителей и образование детей. Чтобы не было войны в Чечне и экологической катастрофы в Тверской области. Чтобы мои герои уже поняли, в конце концов, что они друг без друга не могут — непонятливые попались, а я устала им объяснять!..

— По вашим книгам снято несколько фильмов. Вы довольны экранизациями?

— Некоторыми экранизациями я довольна, другими нет. Все, как обычно. Мне нравится то, что делает "Феникс-фильм" и "СТС".

— Вы были сценаристом сериала "Всегда говори всегда". За то и ТЭФИ получили. Знаю, у вас масса предложений написать сценарий. Почему вы отказываетесь? Критерии выбора "хорошего предложения" от продюсера?

— Сценарий — это 90% технологии и 10% творчества. Я хочу наоборот, а наоборот — это как раз книжка, а не сценарий. Критериев нет никаких, я просто не хочу писать сценарий. Нет, если, конечно, Спилберг мне предложит написать, я напишу, пожалуй, — заодно Америку посмотрю, в которой я никогда не была!

